

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия,
Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)
M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 e.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* О редких типах удил и псалий XI–XII вв. из Волжской Булгарии (к вопросу об этнокультурных контактах) 7
- Гук Д. Ю.* Семантика образа зайца на предметах из погребений раннего железного века в музейных собраниях 23
- Данич А. В.* Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье 36
- Константинов Н. А., Соенов В. И., Трифанова С. В.* Результаты спасательных раскопок на могильнике Курайка в 2015 г. 56
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.* Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая 74
- Папин Д. В., Кобзев В. Л.* Материалы периода средней и поздней бронзы в правобережном Барнаульском Приобье 86

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ожередов Ю. И.* Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) 100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Чеджемов С. Р.* Религиозный фактор в системе политико-правового состояния общества: на примере Республики Северная Осетия-Алания 142
- Дринова Е. М.* Политизация ислама и суфийские традиции в истории Турции 154
- Насонов А. А.* Миллениаристские воззрения и государственно-конфессиональные отношения на Алтае (рубеж XIX–XX вв.): преемственность и противоречия 165

- ДЛЯ АВТОРОВ** 176

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> About rare types of bits and cheek-pieces of the 11th-12th centuries. from Volga Bulgaria (to the question of ethno-cultural contacts).....	7
<i>Hookk D. Yu.</i> The semantic of image of a hare on items from early iron age burials in the museum collections	23
<i>Danich. A. V.</i> Coins and coin-shaped pendants from the excavations of the Bayanovsky burial ground in the Permian Urals	36
<i>Konstantinov N. A., Soenov V. I., Trifanova S. V.</i> Results of rescue excavation at the Kurayka burial ground in 2015.....	56
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Early Scythian burial with a metal mirror from Northern Altai.....	74
<i>Papin D. V., Kobzev V. L.</i> Materials of the middle late bronze age in the right-bank Barnaul Priob.....	86

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Ozheredov Y. I.</i> Localization and chronology of cowrie shells in the world cultures (archaeological and ethnographic evidence)	100
--	-----

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Chedzhemov S. R.</i> The religious factor in the system of political and legal state of society: on the example of Respublice Ossetia-Alania.....	142
<i>Drinova E. M.</i> Politicization of islam and traditions of sufism in the history of Turkey.....	154
<i>Nasonov A. A.</i> Millenarian beliefs and state-confessional relations in Altai (turn of the XIX–XX centuries): continuity and contradictions.....	165

FOR AUTHORS	176
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.6

DOI: DOI: 10.14258/nreur(2022)4-01

К. А. Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань (Россия)

О РЕДКИХ ТИПАХ УДИЛ И ПСАЛИЙ XI–XII ВВ. ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ)

В статье рассматриваются редкие типы средневековых железных удил и псалий. Они были найдены на археологических памятниках Волжской Булгарии домонгольского времени. Несмотря на то, что материальная культура Волжской Булгарии изучается более 100 лет, но предметы конского снаряжения исследованы недостаточно полно. Классификация удил была сделана Ф. Ш. Хузиным по материалам Билярского городища и Е. П. Казаковым по находкам на селищах, расположенных в нижнем течении Камы. Однако мы рассматриваем удила, которые не имеют абсолютных аналогов как среди древностей Волжской Булгарии, в том числе и тех, что были опубликованы, так и соседних территорий. Сравнительный анализ показал, что этот тип удил не встречается в болгарских могильниках VIII–X вв., а также на поселениях XIII–XIV вв. Поэтому дату их изготовления и использования можно определить в промежутке XI–XII вв. Наличие характерных деталей декора позволяет предположить, что верхняя граница их бытования — вторая половина XI в. Наиболее близкие аналогии рассмотренным артефактам имеются в Южной Сибири. Также изучены детали от конских оголовий, в которых могли быть такие удила. Автор утверждает, что у болгар в XI–XII вв. использовались два типа оголовья — с круглыми дисками с тремя отверстиями в качестве распределителями ремней и кольца с тремя зажимами в этом же качестве. Как и в случае с удилами, ближайшие аналогии им имеются в материалах Южной Сибири.

Ключевые слова: удила, псалии, Волжская Булгария, Южная Сибирь, аскизская культура, болгары, Биляр, этнокультурные контакты.

Цитирование статьи:

Руденко К. А. О редких типах удила и псалий XI–XII вв. из Волжской Булгарии (к вопросу об этнокультурных контактах) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 22, № 3. С. 7–22. DOI: DOI: 10.14258/nreur(2022)4–01.

K. A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan (Russia)

**ABOUT RARE TYPES OF ROTS AND PSALIONS
XI–XII CENTURIES FROM THE VOLGA BULGARIA
(ON THE QUESTION OF ETHNOCULTURAL CONTACTS)**

The article deals with rare types of medieval iron bits and cheek-pieces. They were found at the archaeological sites of the Volga Bulgaria of pre-Mongol times. Despite the fact that the material culture of the Volga Bulgaria has been studied for more than 100 years, the items of horse equipment have not been studied enough. The classification of the bits was made by F. Sh. Khuzin based on materials from the Bilyar hillfort and E. P. Kazakov based on finds in settlements located in the lower reaches of the Kama. However, we are considering bits that have no absolute analogues, both among the antiquities of the Volga Bulgaria, including those that were published, and neighboring territories. A comparative analysis showed that this type of bit is not found in the Bulgar burial grounds of the 8th-10th centuries, as well as in the settlements of the 13th-14th centuries. Therefore, the date of their manufacture and use can be determined between the 11th and 12th centuries. The presence of characteristic details of decor suggests that the upper limit of their existence is the second half of the 11th century. The closest analogies to the considered artifacts are found in Southern Siberia. Details from horse headbands, which could have such bits, have also been studied. The author claims that the Bulgars in the 11th-12th centuries used two types of headband — with round disks with three holes as belt distributors and rings with three clips in the same capacity. As in the case of bits, the closest analogies to them are found in the materials of Southern Siberia.

Keywords: bit, cheek-pieces, Volga Bulgaria, Southern Siberia, Askiz culture, Bulgars, Bilyar, ethno-cultural contacts

---

For citation:

Rudenko K. A. About rare types of bits and cheek-pieces of the 11th-12th centuries. from Volga Bulgaria (to the question of ethno-cultural contacts). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 4. P. 7–22. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–01.

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, Казань (Россия). **Адрес для контактов:** murziha@mail.ru.

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor; Kazan State Institute of Culture, Kazan (Russia). **Contact address:** murziha@mail.ru.

Введение

Материальная культура населения Волжской Булгарии давно привлекает внимание археологов-медиевистов Европейской России. Исследованы различные категории изделий, в том числе и предметы конского снаряжения. Хотя опубликованы такие артефакты только из Билярского городища и селищ низовий Камы [Хузин, 1985: 193–213; Казаков, 1991: 102–108, рис. 36; Руденко, 2001а: 64]. Из более ранних материалов отметим обобщающую монографию Е. П. Казакова, где были охарактеризованы удила и псалии могильников второй половины VIII — первой половины X в. [Казаков, 1992: 49, 66, 152–154, рис. 12.-1–4; 14.-6; 19.-43–45; 57]. При преобладании кольчатых удил в эпоху Золотой Орды домонгольские удила с псалиями достаточно разнообразны. Однако, кроме небольших обзоров [Руденко, 2000: 53, 54, рис. 14.-18–36], обобщающего исследования этих артефактов пока нет. Недавно опубликованы удила с крылатыми псалиями, найденные на болгарских памятниках домонгольского времени. Причем некоторые из них были инкрустированы медью. Датированы крылатые псалии из Волжской Булгарии концом XI — первой половиной XII в. [Руденко, 2022: 209–211, 216, рис. 2.-3–5].

Большая часть удил и псалий достаточно типична для средневековых древностей Восточной Европы [Кирпичников, 1973: 12, рис. 4]. Однако среди них встречаются уникальные экземпляры, не имеющие полных аналогий как в болгарских древностях, так и среди подобных предметов в Волго-Камском регионе. Речь идет о четырех целых удилах с псалиями, найденных на болгарских памятниках и хранящихся в настоящее время в Национальном музее Республики Татарстан (РТ), а также в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (БГИАМЗ).

Анализ материалов

Перейдем к описанию изделий.

1. Двусоставные удила, ложновитые с пластинчатыми псалиями и дополнительным кольцом (НМ РТ, инв. № 5395–5; ОА-50–18) из Чистопольского кантона ТССР; коллекция Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее — ОАИЭ) (рис. 1.-1). Общая длина удил 21 см, при ширине, включая псалии, — 6 см. Стержень удил длиной 8,8–9 см, «перекручен» в средней части, а на окончаниях с обеих сторон имеются разомкнутые петли-крючки, диаметром 1,8–2 см, причем они расположены перпендикулярно друг к другу. С помощью этих крючков два звена удил соединены между собой, а в свободные звенья вставлены железные кольца диаметром 2,5, прямоугольного сечения 0,4x0,3 см [Руденко, 2001: 152, кат. 529, табл. XXVI.-1]. Витые грызла двухсоставных удил бытовали в Южной Сибири в VIII–IX вв., а ложновитые распространились здесь в конце X — начале XI в. и постепенно были вытеснены удила-

ми с гладкими стержнями [Могильников, 2002: 86]. Витые удила бытовали и в Восточной Европе, в том числе и на Средней Волге, о чем свидетельствуют удила из погребения 256 Больше-Тарханского и 126 Дмитриевского могильников IX в. [Генинг, Халиков, 1964: 53, табл. IX.-9; Плетнева, 1989: 82, рис. 38.-126].

Пластинчатые двухпетельчатые вертикальные г-образные псалии этих удил выкованы из дротовой заготовки, причем у каждой из них одно окончание (кеглевидное) более массивно, а второе, изогнутое, уплощено. При общем сходстве каждая из этих псалий имеет индивидуальные черты. Так, у первой псалии (рис. 1.-1а; 2а) длиной 13, шириной 6 и толщиной 0,2 см, верхняя часть подквадратная с двумя выступами у основания и двухскатным завершением в стиле «корона», со сквозным отверстием (1,3x1 см) для ремня в центре. Сама псалия имеет Г-образную форму с изогнутым под 90° окончанием с одной стороны и стержневидным — с другой. В первом случае мастер придал окончанию вид сапожка, а верхнюю часть псалия украсил волнообразным декором с небольшой фаской по краю. Противоположная часть псалия имеет кеглевидное окончание, круглого сечения диаметром 0,5 см. В центре пластины сделано сквозное отверстие овальной формы (1x1 см), расположенное в 1,5 см от верхнего отверстия. Вторая псалия (рис. 1.-1б; 2б) имеет те же параметры, но у нее более широкое отверстие в верхней части (1x1 см) и одно из окончаний стержневидное, сужающееся к острию, с одной перетяжкой, вторая перетяжка почти не заметна. Наиболее близкие аналогии этому декору встречаются в оформлении удил с псалиями аскизской культуры Южной Сибири [Кызласов, 1983: 90, 93, табл. II.-9, 23; V.-7, 8].

В древностях Восточной Европы кеглевидные окончания псалий встречаются очень редко. Так, фрагмент псалия с близким дизайном обнаружен на селище Шекшово в Суздальском Ополе, где датирован XI–XII вв. [Шполянский, 2017: 160, 161, рис. 6.-10]. Из более ранних находок отметим псалию из катакомбы 126 Дмитриевского могильника IX в. Она относится к другому типу, но стержень изделия выполнен с использованием трех декоративных поясков с каждой стороны [Плетнева, 1989: 82, рис. 38.-126].

2. Двусоставные удила с двухпетельчатыми псалиями (НМ РТ, инв. № 5428; ОА-60) из с. Дигитли (Мамадышский район Татарстана); из собрания ОАИЭ (рис. 2). Общая длина изделия 20, при ширине 11,5 и толщине 1 см. Звенья удил, длиной 9 см, дротовые квадратного сечения — 0,5x0,5 см, причем за счет отслоения коррозированной поверхности сечение одного из звеньев в настоящее время ближе к овальному. Форма звеньев своеобразна: с одной стороны выкован крючок, а с другой — лопасть трапецевидной формы (1,2x1,7x0,6 см) с упором-воротничком при переходе к стволу стержня и с круглым отверстием диаметром 0,7 см для трензельных колец диаметром 3,5 см. Последние (рис. 2.-г, в), были выкованы из дрота прямоугольного сечения (0,3x0,5 см) и соединены клепкой. Кольца, помимо того, что к ним крепятся ремни уздечки, еще фиксируют псалии на стержне, не давая им слететь. Псалии этого типа имеют трапецевидную форму с выступом прямоугольной формы (1x2 и 2x1,5 см) посередине; чуть изогнуты (рис. 2.-а, б). На оборотной стороне их имеются следы выборки металла в виде углублений у отверстий, вероятно, для уменьшения веса изделия. Верхнее отверстие на псалии, для уздечного ремня, прямоугольной формы (0,8x1,3 см), нижнее, для крепления на грызле, — овальное (2x0,8 см).

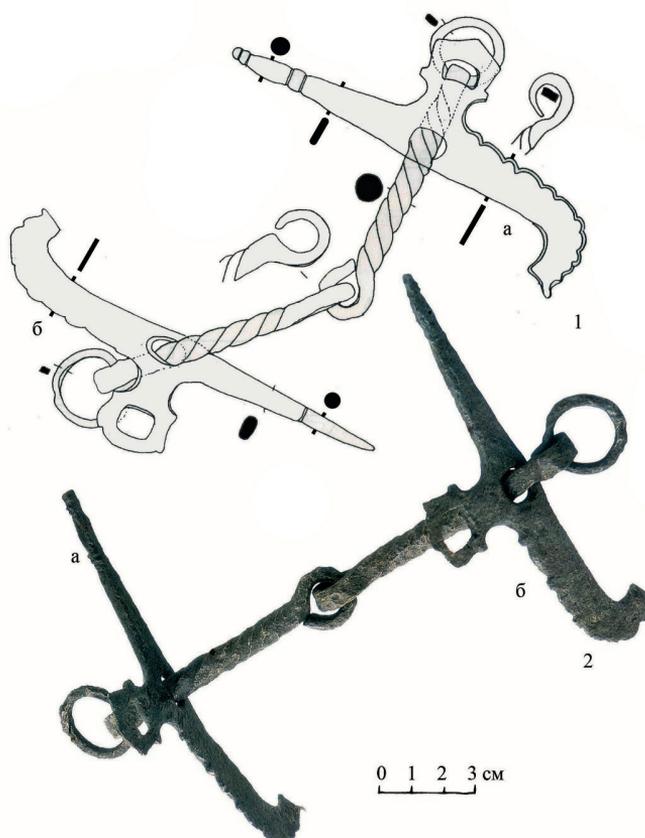

Рис. 1. Удила железные с псалиями. Коллекция НМ РТ, инв. № 5395–5.
Найдены в Чистопольском кантоне ТАССР. 1 – прорисовка К. А. Руденко;
2 – фото М. М. Багаутдинова

Fig. 1. Iron bridle bit. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan,
No. 5395–5. Found in the Chistopol canton of the TASSR. 1 – drawing by K. A. Rudenko;
2 – photo by M. M. Bagautdinov

Отметим дизайн псалий. С одной, узкой, стороны у них «фертовое» окончание, второе же, более широкое, — «ласточкин хвост» и скобчатое. На лицевой стороне заметны гравированные бороздки, насечки и набитые мелкие круглые углубления. Насечки имеются и на выступающей части псалий. Очевидно, что это следы подготовки поверхности для инкрустации и плакировки медью или серебром. На верхней и нижней гранях псалий были сняты фаски. Удила с псалиями этого типа являются дериватами изделий аскизской культуры Южной Сибири [Кызласов, 1983: 54, 90, рис. 28, табл. II.-19,20; Руденко, 2001: 152, кат. 530, табл. XXVI.-2].

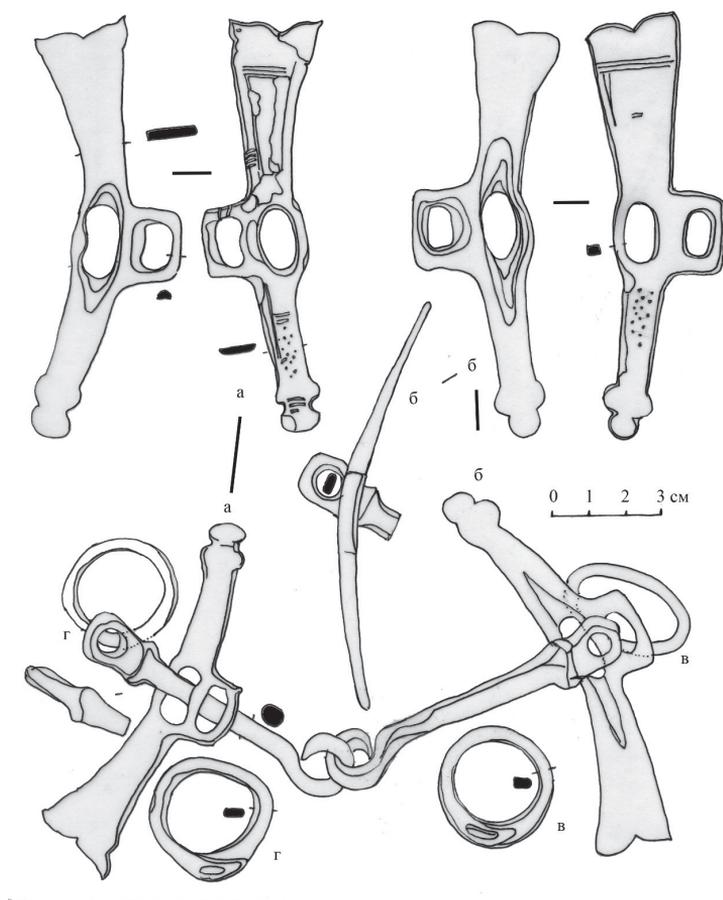

Рис. 2. Удила железные с псалями. Коллекция НМ РТ, инв. № 5428.

Найдены у с. Дигитли. Прорисовка К. А. Руденко

Fig. 2. Iron bridle bit. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan No. 5428.

Found near the village. Digitally. Drawing by K. A. Rudenko

3. Двусоставные удила с двухпетельчатыми псалями (НМ РТ, инв. № 5378; ОА — 41–44) были найдены в Лаишевском уезде Казанской губернии и находились ранее в коллекции ОАИЭ (рис. 3). Общая длина изделия 21, при ширине 12,5 и толщине 1,7 см. Грызла удил сделаны из дрота квадратного сечения (0,5x0,5 см), одно из окончаний которых согнуто крючком, а второе имело вид кольца с круглым сквозным отверстием диаметром 1 см. Причем это кольцо, скорее всего, выковали из расщепленного на два стержня окончания грызла. Дрот в этом месте грызла перекручен в два оборота. В крайнюю петлю были вставлены кольца для ремней уздечки, выкованные из железного прута овального (0,6x0,4 см) и круглого (диаметр 0,3 см) сечения; причем, после сгибания заготовки, их окончания были скованы одной заклепкой или сварены. Вторая, нижняя, петля была предназначена для захвата псаля.

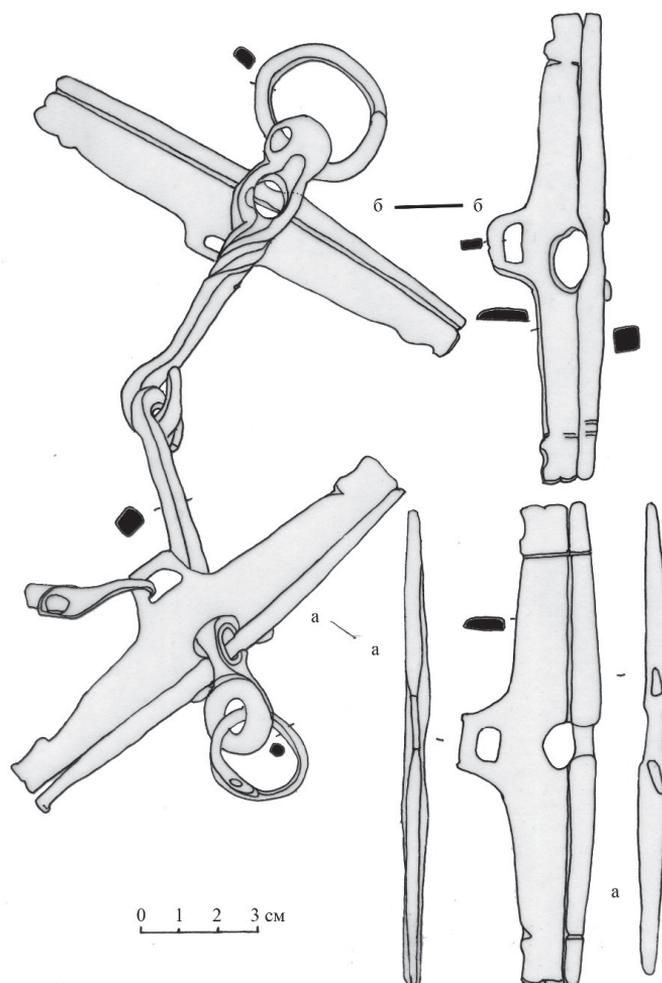

Рис. 3. Удила железные с псалями. Коллекция НМ РТ, инв. № 5478 или 5378; ОА-41/44.

Лаишевский уезд Казанской губернии. Прорисовка К. А. Руденко

Fig. 3. Iron bridle bit. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan. No. 5478 or 5378; OA-41/44. Laishevo district of the Kazan province. Drawing by K. A. Rudenko

Псалии у этих удил двухсоставные. Нижняя часть сделана из биконического дрота длиной 12,4 см, квадратного сечения (0,5 см), в середине которого имеется узкая перемычка круглого сечения диаметром 0,4 см шириной 0,8 см. С помощью последней псалий крепится к грызлам. Что бы нижняя часть псалия не выскочила из петли грызла, она закрепляется его верхней частью, которая жестко крепится к нижней двумя железными штифтами (рис. 3.-а). Верхняя часть выкована из пластины прямоугольного сечения (1,5х0,3 и 1х0,4 см), причем с верхней кромки ее снята фаска. Эта часть псалия имеет прямоугольную форму (12,5х3 см), посередине которой выделен подквадратный выступ (1 х1,7 см) с плоской или округлой верхней частью, со сквозным отверсти-

ем (1x0,5 см) посередине для поводьев (они крепятся с помощью небольшого зажима, фиксировавшего ремень с помощью клепки с выделенной головкой). Под ним имеется еще одно отверстие (1,5x1 и 1x0,7 см) в его нижней части для свободного вращения псаля — непосредственно над перемычкой его нижней половины. Окончания псалий выполнены в виде стилизованной зооморфной личины, причем они отделены от основного поля вертикальными насечками или бороздками. Верх псаля уже, чем нижняя часть, поэтому последняя чуть выступает по краям (рис. 3.-а). Декор на псалях отсутствует, хотя полностью исключать возможность их плакировки драгоценным металлом не следует. Такая конструкция грызл часто встречается на удилах аскизской культуры [Кызласов, 1983: 90, табл. II.-12].

4. Двусоставные удила со стержневидными псалями (БГИАМЗ, без шифра) из Болгар (рис. 4.-1). Общая длина 21, высота 15, ширина 2,5 см. Грызла разновеликие длиной 8,5 и 10,5 см, оканчивающиеся с одной стороны крючком диаметром 1,7 см, а с другой — и восьмёрковидной фигурой с двумя сквозными круглыми отверстиями диаметром 0,8 и 1,7 см (рис. 4.-б, в). При этом окончания были развернуты перпендикулярно по отношению друг к другу. Два звена удил соединены между собой зацепом крючками. В верхние малые отверстия окончания грызл были вставлены кольца диаметром 2,5 см, круглого сечения (диаметр 0,3 см). В нижние отверстия окончаний грызл вставлялись псалии. Они представляли собой кованные железные стержни, в одном случае круглого сечения, диаметром 0,5 см (рис. 4.-д), в другом — квадратного (0,6x0,6 см) (рис. 4.-з). чтобы псалий не вылетал, его фиксировали с помощью П-образной скобки (2,5x1,2 см), сделанной из кованой проволоки прямоугольного сечения (0,2x0,4 см). Способ крепления скобки своеобразен: она вставлялась в сквозные отверстия на псалии, диаметром 0,4 см, расположенные по середине псаля на расстоянии 1,5 см между собой. При этом скоба вставлялась не сверху, а сбоку, для чего окончания скобы были согнуты на 90° и закреплялись на обратной стороне расплюснутыми или слегка загнутыми концами (рис. 4.-з). Конструкции псалий с использованием скоб использовались на аналогичных изделиях аскизской культуры [Кызласов, 1983: 91, табл. III.-1,4,5].

Аналогии удилам этого типа имеются в подъемном материале с Семеновского-I селища, но вместо псаля здесь в нижнем отверстии находится кольцо большего диаметра, чем в верхнем [Казаков, 1991: 103, 104, рис. 36.–25, тип ПВ-1]. Ближе к рассмотренному типу удила со сборов на территории Билярского городища (1 экз.) [Хузин, 1985: 195, табл. И', № 5]. Аналогии таким удилам автор статьи Ф. Ш. Хузин не привел, тем не менее предположил, что они датируются XI — началом XIII в. [Хузин, 1985: 195, тип 3]. Отметим, что подобные грызла с восьмёрковидными окончаниями встречены на удилах типа 1 и 2, группы II по Ф. Ш. Хузину, происходящие из случайных сборов (коллекция А. Ф. Лихачева в собрании НМ РТ (инв. № 5427–140, АА-49/26, Бил. 116) и раскопок (раскоп XXVI 1978 г. уч. Ж/50, гл. 55 см) на Билярском городище [Хузин, 1985: 194, 195, табл. LXIII.-2; LXIV.-5].

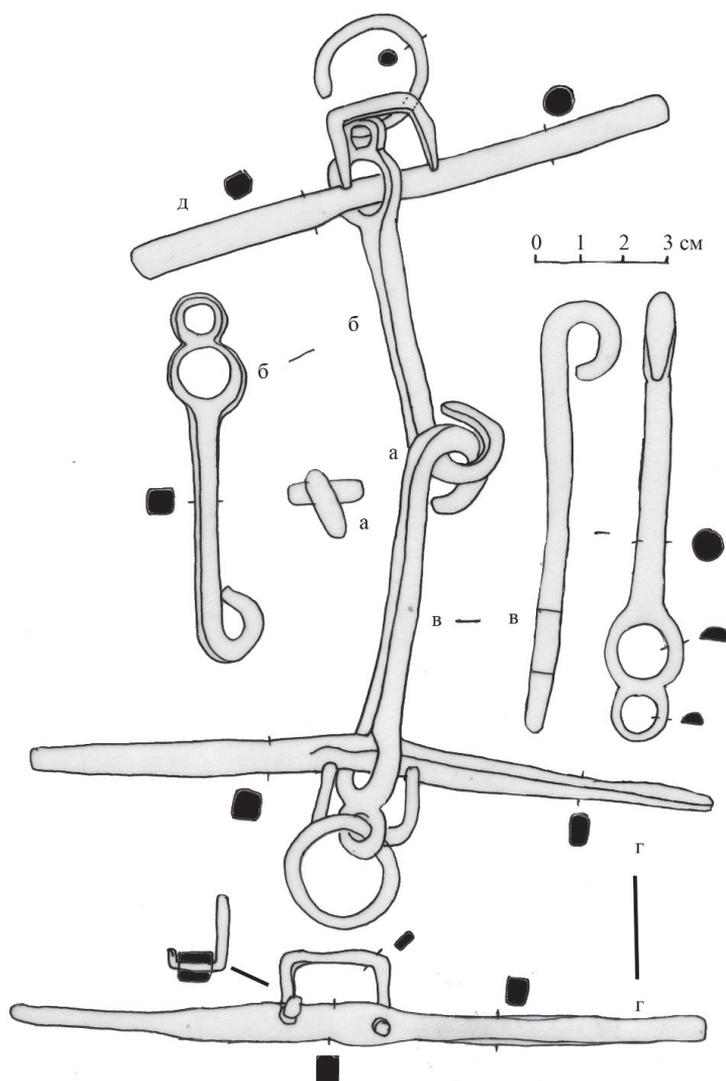

Рис. 4. Удила железные с псалями. Коллекция БГИАМЗ. Булгарское городище.

Прорисовка К. А. Руденко

Fig. 4. Iron bridle bit. Collection of the Bulgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Bulgar hillfort. Drawing by K. A. Rudenko

Обсуждение результатов

Общим для всех этих артефактов является использование своеобразной конструкции грызл — в виде восьмерки, причем составляющие эту фигуру элементы перпендикулярны друг другу. Такой тип удила, скорее всего, происходит от более ранних образцов с костяными псалями, известных у болгар по материалам Танкеевского могильника. Е. П. Казаков отнес их к видам Б и В, по своей классификации, датировав их вслед

за А. Н. Кирпичниковым, IX–XI вв. Они составляют 54,5% от общего числа удил из более чем 1171 захоронения этого некрополя, исследованных до начала 1990-х гг. [Казаков, 1992: 89, 153, 154, рис. 57.-7]. А. Н. Кирпичников выделил их в отдельный тип Iв [Кирпичников 1973: 12, рис. 4]. Происхождение восьмерковидных псалий можно связать с регионом Южной Сибири, где они широко распространились в VIII–IX вв. [Могильников, 2002: 86].

Рассмотренные выше удила датируются не ранее XI в., скорее всего, второй его половины, или даже началом XII в. Они не имеют прямых аналогий в снаряжении коня X — начала XI в. как на памятниках волжских булгар, так и в древностях Волго-Камья и Предуралья этого периода. Наличие у данных удил многочисленных параллелей со средневековыми находками из Южной Сибири, в том числе и с предметами конского снаряжения, позволяет предположить, что они изготовлены в тот период, когда у булгар появились дериваты аскизских изделий, т. е. со второй половины XI в. [Руденко, 2001: 76].

Необходимо сказать об оголовье, в котором могли быть такие удила. Насколько можно судить по имеющимся материалам, у булгар в это время использовалось два типа оголовья — традиционное, с 4 перекрещивающимися ремнями, с жестким соединением, и легкое, с соединением с использованием тройника, где ремни крепятся зажимами или накладками, свободно прикрепленными к кольцу. Последние оголовья, если судить по древнерусским материалам, распространились с XI в. Разновидностью легкого оголовья является конструкция, где тройник состоит из приемника с неподвижной рамкой, с двумя фиксирующими пластинами, каждая из которых клепками крепилась к ремню. Найденные на древнерусских памятниках тройники такого типа были изготовлены из бронзы [Кирпичников, 1973: 31, рис. 15, табл. XII].

На булгарских уздечках для соединения ремней также применялись железные кольца диаметром 1,5–2 см с зажимами или накладками-фиксаторами, ранние, более простые формы которых встречались в конском снаряжении у булгар с IX в. [Казаков, 1992: 155, рис. 58.-7,8; он же, 1991: 128, рис. 43.-39]. В XI–XII вв. размер соединительного кольца увеличивается до 2,5–3 см, хотя сохранялись в использовании и небольшие кольца [Руденко, 2001: 178, табл. XVI.-2,3,15; XVII.-7, 10]. Аналогичное крепление ремней встречено в аскизских древностях [Кызласов, 1983: 96, табл. VIII.-11,13]. Отметим, что у булгар встречена и разновидность этого типа соединения ремней, когда одна из железных деталей [Казаков, 1991: 128, рис. 43.-18] использовалась как пряжка для подтягивания одного из ремней оголовья, что встречено на уздечках конца X — первой половины XI в. у средневековых кочевников Алтая [Горбунова, 2010: 110, рис. 67.-1].

В оголовье первого типа булгары использовали литые бронзовые тройники круглой формы (рис. 5), диаметром в среднем, 2,5–3,7 см, чуть выпуклые, с тремя овальными прорезями (1,2–1,5x1 см) [Хузин, 1986: 200, табл. LXVI.-3,5]. Самый крупный тройник из известных имеет диаметр 5,3 см с отверстиями для ремней шириной 3 см (рис. 5.-20). В центре его отлита розетка из 6 шариков, имитирующих крупную зернь. Отметим, что имитация зерни на подобных изделиях имеет прототип в средневековых материалах Южной Сибири [Король, 2008: 185, рис. 52.-7з]. Встречаются и тройники простого дизайна с широкими (2–2,3x1,5 см) отверстиями для ремней (рис. 5.-22).

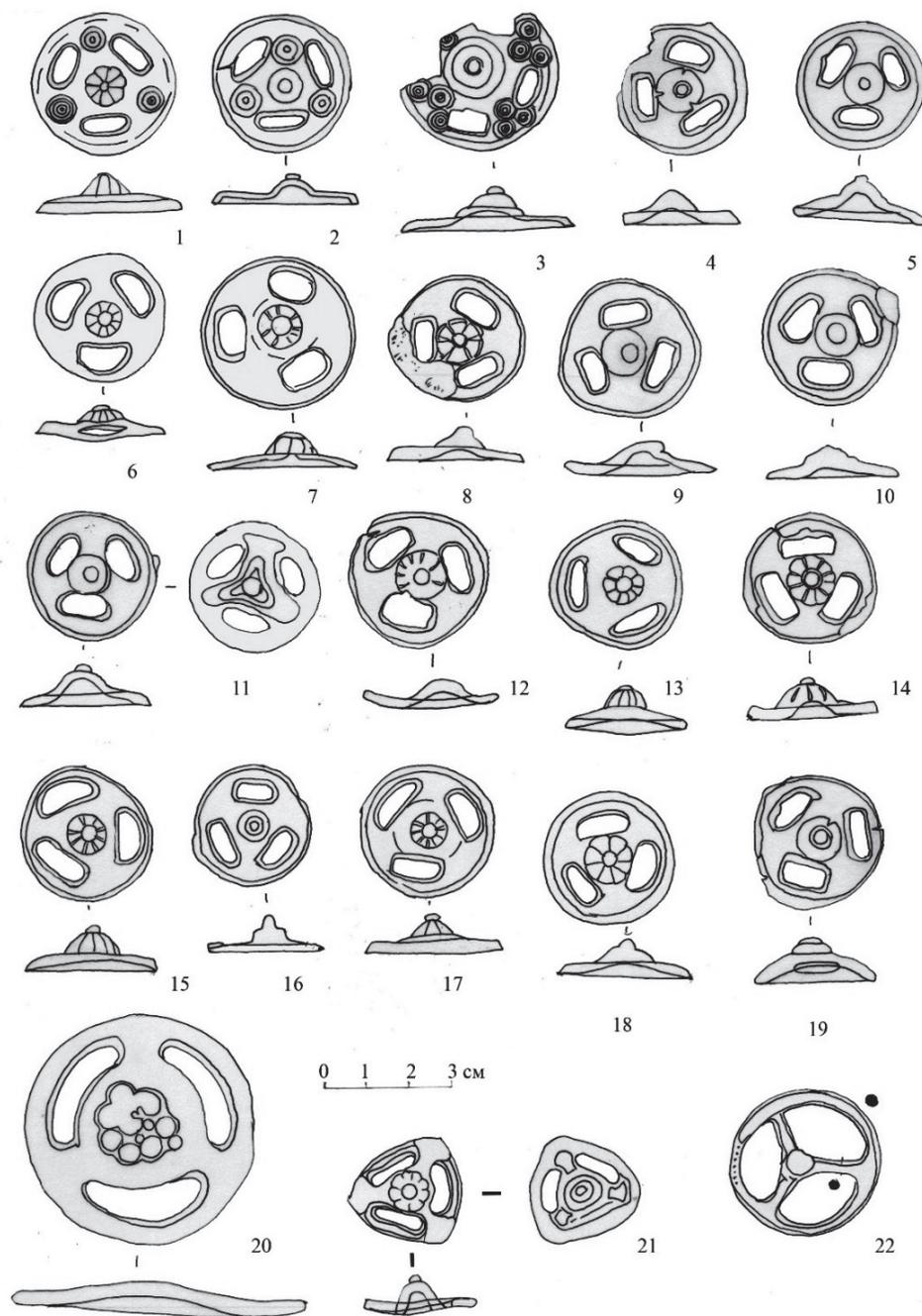

Рис. 5. Бронзовые тройники. Билярское (1–9; 11–22) и Булгарское (10) городища. Коллекция НМ РТ. 1 – НМ РТ, инв. № 5717-1; 2 – НМ РТ, инв. № 5717-2, Бил. 86; 3 – НМ РТ, инв. № 5717-3, Бил. 86; 4 – НМ РТ, инв. № 5717-16; 5 – НМ РТ, инв. № 5717-17; 6 – НМ РТ, инв. № 5717-4; 7 – НМ РТ, инв. № 5717-5; 8 – НМ РТ, инв. № 5717-6; 9 – НМ РТ,

инв. № 5717-7; 10 – НМ РТ, инв. № 10359, Булг-12; 11 – НМ РТ, инв. № 5717-8; 12 – НМ РТ, инв. № 5717-9; 13 – НМ РТ, инв. № 5717-10; 14 – НМ РТ, инв. № 5717-18; 15 – НМ РТ, инв. № 5717-11; 16 – НМ РТ, инв. № 5717-12; 17 – НМ РТ, инв. № 5717-13; 18 – НМ РТ, инв. № 5717-14; 19 – НМ РТ, инв. № 5717-19, АА-23/2; 20 – НМ РТ, инв. № 5717-21; 21 – НМ РТ, инв. № 5717-15; 22 – НМ РТ, инв. № 5717-20, АА-23/5

Fig. 5. Bronze details of the bridle. Bilyar (1–9; 11–22) and Bulgar (10) hillfort. Collection National Museum of the Republic of Tatarstan. 1 – NM RT, no. 5717-1; 2 – NM RT, no. 5717-2, Bil. 86; 3 – NM RT, no. 5717-3, Bill. 86; 4 – NM RT, no. 5717-16; 5 – NM RT, no. 5717-17; 6 – NM RT, no. 5717-4; 7 – NM RT, no. 5717-5; 8 – NM RT, no. 5717-6; 9 – NM RT, no. 5717-7; 10 – NM RT, no. 10359, Bulg-12; 11 – NM RT, no. 5717-8; 12 – NM RT, no. 5717-9; 13 – NM RT, no. 5717-10; 14 – NM RT, no. 5717-18; 15 – NM RT, no. 5717-11; 16 – NM RT, no. 5717-12; 17 – NM RT, no. 5717-13; 18 – NM RT, no. 5717-14; 19 – NM RT, no. 5717-19, AA-23/2; 20 – NM RT, no. 5717-21; 21 – NM RT, no. 5717-15; 22 – NM RT, no. 5717-20, AA-23/5

Такого типа тройники появились у болгар в IX–X вв., судя по находкам в Танкеевском и Больше-Тарханском могильниках [Генинг, Халиков, 1964: 48, 49, рис. 14.-3; табл. XIII.-13,14; Казаков, 1992: 155, 156, рис. 58.-10–16]. В это время они применялись не только для соединения ремней оголовья, но и для портупеи, использовавшейся для ношения колчана [Мажитов, 1981: 102,103, рис. 55: 3]. Аналогичные изделия от ремней портупеи можно найти в древностях Южной Сибири, в погребальных комплексах IX–X вв. [Могильников, 2002: 22,23, 176, рис. 47.-25; 48.-7]. Отметим, что в Башкирском Предуралье в X–XI вв. использовались тройники такого же типа, только железные [Мажитов, 1981: 138–141, рис. 68.-10; 69.-6]. Как деталь бытового пояса тройники этого типа бытовали в Древней Руси; судя по новгородским древностям — с 30-х гг. XII в. [Мурашева, 1997: 307, табл. 67.-3, 53; Седова, 1981: 149, рис. 58.-7,9].

В XI–XII вв. у болгар, помимо вышеописанных функций, тройники стали использоваться для соединения ремней уздечки. Они имели существенные отличия от тройников предшествующего времени. Это выразилось в том, что само изделие — это уже не кольцо со «спицами» внутри, закрепленных в центре дополнительным элементом, а выпуклый или плоский диск с тремя прорезями и декоративной центральной частью. Большая часть имеющихся в музейных собраниях таких артефактов происходит из Биллярского и Булгарского городищ [Полякова, 1996: 217, рис. 69.-2,3,4; Хузин, 1986: 200, табл. LXVI.-2–5; Руденко, 2001: 104, рис. 18.-12,14]. На селищах они встречаются очень редко [Казаков, 1991: 105, рис. 37.-4; Руденко, 2001: 104, рис. 18.-13]. В XI–XII вв. некоторые бронзовые тройники украшались циркульным орнаментом (диаметр кружочков 0,5–0,7 см) (рис. 5.-1,2,3) и небольшим полусферическим выступом в центре (диаметр в основании 1–1,5 см), увенчанным небольшим шариком (рис. 5.-2,3,5,9–11,16,19). В ряде случаев, в центре имеется полусфера, внешняя поверхность которой разделена на 6–7 вертикальных долек (рис. 5.-1,6–8,12–15, 17, 18, 21) [Хузин, 1986: 200, табл. LXVI.-4; Полякова, 1996: 217, рис. 69.-3].

Е. П. Казаков, утверждает, что такого типа тройники связаны с древностями угров. По его мнению, они были характерной деталью уздечки кушнаренокского населения Южного Урала и угорского компонента ранних болгар на Волге. Аргументировал он это предположение ссылками на инвентарь погребений IX–X вв. Больше-Тиганского

и Танкеевского могильников [Казаков, 1991: 105; Халикова, Халиков, 2018; 31, рис. 27; табл. XVIII.-8]. Можно только добавить, что в XI в. данные предметы существенно изменились внешне, расширилась их сфера использования. Очевидно, что этнокультурная составляющая этих артефактов была уже не актуальной.

Заключение

Таким образом, инновации в снаряжении коня у волжских булгар в XI в. совпадают с общей тенденцией к заимствованию различных элементов дизайна и формированию на их основе новых, собственных подходов к художественной форме целого круга изделий, выполненных из железа. Сюда, кроме удила и псалий, следует отнести и разнообразие мелких поделок, например, некоторые типы железных пряжек и накладок. Одним из ведущих направлений таких заимствований, в этом отношении, было восточное. Начало этого процесса можно отнести к середине — второй половине XI в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Генинг В. В., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М. : Наука, 1964. 200 с.

Горбунова Т. Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул : Азбука, 2010. 136 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М. : Наука, 1992. 335 с.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. : Наука, 1973. 140 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки // Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. Вып. V. 332 с.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // Свод археологических источников. 1983. № E3–18. 126 с.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Мурашова В. В. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. С. 79–80.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. : Наука, 1989. 288 с.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань : ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

Руденко К. А. Железные изделия с инкрустацией из Волжской Болгарии XI–XII вв. // Пензенский археологический сборник. Вып. 5. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 203–225.

Руденко К. А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань : Школа, 2001а. 244 с.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 42–102.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань : Заман, 2001. 256 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 196 с.

Халикова Е. А., Халиков А. Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). Казань : Фэн, 2018. 144 с.

Хузин Ф. Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М. : Наука, 1985. С. 193–213.

Шполянский С. В. Предметы вооружения и конского снаряжения X — первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополя // Российская археология. 2017. № 1. С. 150–167.

REFERENCES

Gening V. V., Khalikov A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik)* [Early Bulgarians on the Volga (Bolshie-Tarkhany burial ground)]. Moscow: Nauka, 1964. 200 s. (in Russian).

Gorbunova T. G. *Rekonstruktsiia konskogo snariazheniia srednevekovykh kochevnikov Altaia: metodika i nekotorye rezul'taty* [Reconstruction of the horse equipment of medieval Altai nomads: methodology and some results]. Barnaul: Azbuka Publ., 2010. 136 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy* [Bulgar village of the 10th–13th centuries in the lower reaches of the Kama]. Kazan: Tat. book. publishing house, 1991. 176 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii)* [Culture of early Volga Bulgaria (stages of ethnocultural history)]. Moscow: Nauka, 1992. 335 s. (in Russian).

Khalikov A. Kh., Khalikova E. A. *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskii mogil'nik)* [Early Hungarians in the Kama and the Urals (Bolshe-Tigansky burial ground)]. Kazan: Izd-vo Fen, 2018. 144 s. (in Russian).

Khuzin F. Sh. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia* [Equipment of the rider and riding horse]. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie Kh — XIII vv.* [Culture of Bilyar. Bulgarian tools and weapons of the X–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1985. S. 193–213 (in Russian).

Kirpichnikov A. N. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* [Equipment of a rider and a riding horse in Russia in the 9th — 13th centuries]. Leningrad: Nauka, 1973. 140 s. (in Russian).

Korol' G. G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki.* [Art of medieval nomads of Eurasia: Essays.]. *Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva* [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. Is. V. 332 s.

Kyzlasov I. L. Askizskaia kul'tura Iuzhnoi Sibiri. X–XIV vv. [Askiz culture of Southern Siberia. X–XIV centuries]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Code of archaeological sources]. 1983, no. E3–18. 126 s. (in Russian).

Mazhitov N. A. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Mounds of the Southern Urals VIII–XII centuries]. Moscow: Nauka, 1981. 164 s. (in Russian).

Mogilnikov V. A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [Nomads of the northwestern foothills of Altai in the 9th–11th centuries]. Moscow: Nauka, 2002. 362 s. (in Russian).

Murashova V. V. Poiasnoi nabor [Belt set]. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Russia. Life and culture]. Moscow: Nauka, 1997. S. 79–80 (in Russian).

Pletneva S. A. *Na slaviano-khazarskom pogranič'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks* [On the Slavic-Khazar border. Dmitrievsky archaeological complex]. Moscow: Nauka, 1989. 288 s. (in Russian).

Polyakova G. F. Izdeliia iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Products from non-ferrous and precious metals]. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov* [City of Bolgar. The craft of metallurgists, blacksmiths, foundry workers]. Kazan: IYALI AN RT, 1996. S. 154–268 (in Russian).

Rudenko K. A. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv.* [Material culture of the Bulgar settlements of the lower reaches of the Kama in the XI–XIV centuries]. Kazan: Shkola, 2001a. 244 s. (in Russian).

Rudenko K. A. Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XII vv. (arkheologicheskie aspekty problemy) [The Turkic world and the Volga-Kamie in the XI–XII centuries. (archaeological aspects of the problem)]. *Tatarskaia arkheologiiia* [Tatar archeology]. 2000. no. 1–2 (6–7). S. 42–102 (in Russian).

Rudenko K. A. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog* [The Turkic world and the Volga-Kama area in the XI–XIV centuries. Products of the Askiz circle in the Middle Volga region. Research and catalogue]. Kazan: Zaman, 2001. 256 s. (in Russian).

Rudenko K. A. Zheleznye izdeliia s inkrustatsiei iz Volzhskoi Bulgarii XI–XII vv. [Iron products with inlay from the Volga Bulgaria of the 11th–12th centuries]. *Penzenskii arkheologicheskii sbornik. Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov.* [Penza archaeological collection. International collection of scientific works]. Penza: Institute for Regional Development of the Penza Region, 2022. Is. 5. S. 203–225 (in Russian).

Sedova M. V. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.)*. [Jewelry of ancient Novgorod (X–XV centuries)]. Moscow: Nauka, 1981. 196 s. (in Russian).

Shpolyansky S. V. Predmety vooruzheniia i konskogo snariazheniia X — pervoi poloviny XII v. iz Suzdalia i sel'skikh poselenii Suzdal'skogo Opol'ia [Items of weapons and horse equipment of the 10th — the first half of the 12th century. from Suzdal and rural settlements of the Suzdal Opol'e]. *Rossiiskaia Arkheologiiia* [Russian Archeology]. 2017. no. 1. S. 150–167 (in Russian).

Список сокращений

БГИАМЗ — Булгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

ИЯЛИ АН РТ — Институт языка, литературы и истории Академии наук Республики Татарстан.

НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан.

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Статья поступила в редакцию: 03.07.2022.

Принята к публикации 10.10.2022

Дата публикации 26.12.2022

УДК 2–65, 81.37

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–02

Д. Ю. Гук

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗАЙЦА НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В МУЗЕЙНЫХ ОБРАНИЯХ

Публикации, аккумулирующие археологические источники с VII в. по IV до н. э., представляют собой практически полный перечень изображений зайцев в скифском и сарматском изобразительном искусстве. Предложенная классификация отождествляет зайца с объектом охоты и воинской славы, однако не объясняет, зачем эти изображения сопровождали погребённых. В то же время двойственность, подразумевающая символ плодородия и хтонический одновременно, вызывает сомнение ввиду отсутствия интегральной семы в данном семантическом поле.

Цель настоящей работы заключается в проверке предлагаемой трактовки семантики образа зайца как везения на расширенном массиве изображений, включающем предметы из музейных коллекций как скифского, так и сарматского времени. Применение историко-диахронного метода к систематизации изображений позволило автору сформулировать предварительную гипотезу о магической функции данного символа и эволюции его использования на предметах широкого географического диапазона Евразии.

Ключевые слова: музейные исследования, ранний железный век, заяц, семантика, семантическое поле, удача, везение, метод фокальных объектов, электронные каталоги, цифровые ресурсы.

Цитирование статьи:

Гук Д. Ю. Семантика образа зайца на предметах из погребений раннего железного века в музейных собраниях // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 23–35. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–02.

D. Yu. Hookk

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg (Russia)

THE SEMANTIC OF IMAGE OF A HARE ON ITEMS FROM EARLY IRON AGE BURIALS IN THE MUSEUM COLLECTIONS

The available publications accumulating archaeological sources from the VII century to the IV BC present an almost complete list of images of hares in Scythian and Sarmatian fine art. The proposed classification identifies the hare with the object of hunting and military glory and does not explain why these images accompanied the buried. At the same time, the duality implying a fertility symbol and a chronic one at the same time is questionable due to the absence of an integral seme in this semantic field.

The purpose of this work is to test the proposed interpretation of the semantics of the image of the hare as luck on an expanded array of images, including items from museum collections of both Scythian and Sarmatian times. The application of the historical-diachronic method to the systematization of images allowed the author to formulate a preliminary hypothesis about the magical function of this symbol and the evolution of its use on objects coming from wide Eurasian territory.

Keywords: museum studies, Early Iron Age, hare, semantics, semantic field, luck, the method of focal objects, electronic catalogues, digital sources.

For citation:

Hook D. Yu. The semantic of image of a hare on items from early iron age burials in the museum collections. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 4. Р. 23–35. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–02.

Гук Дарья Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** hookk@hermitage.ru.

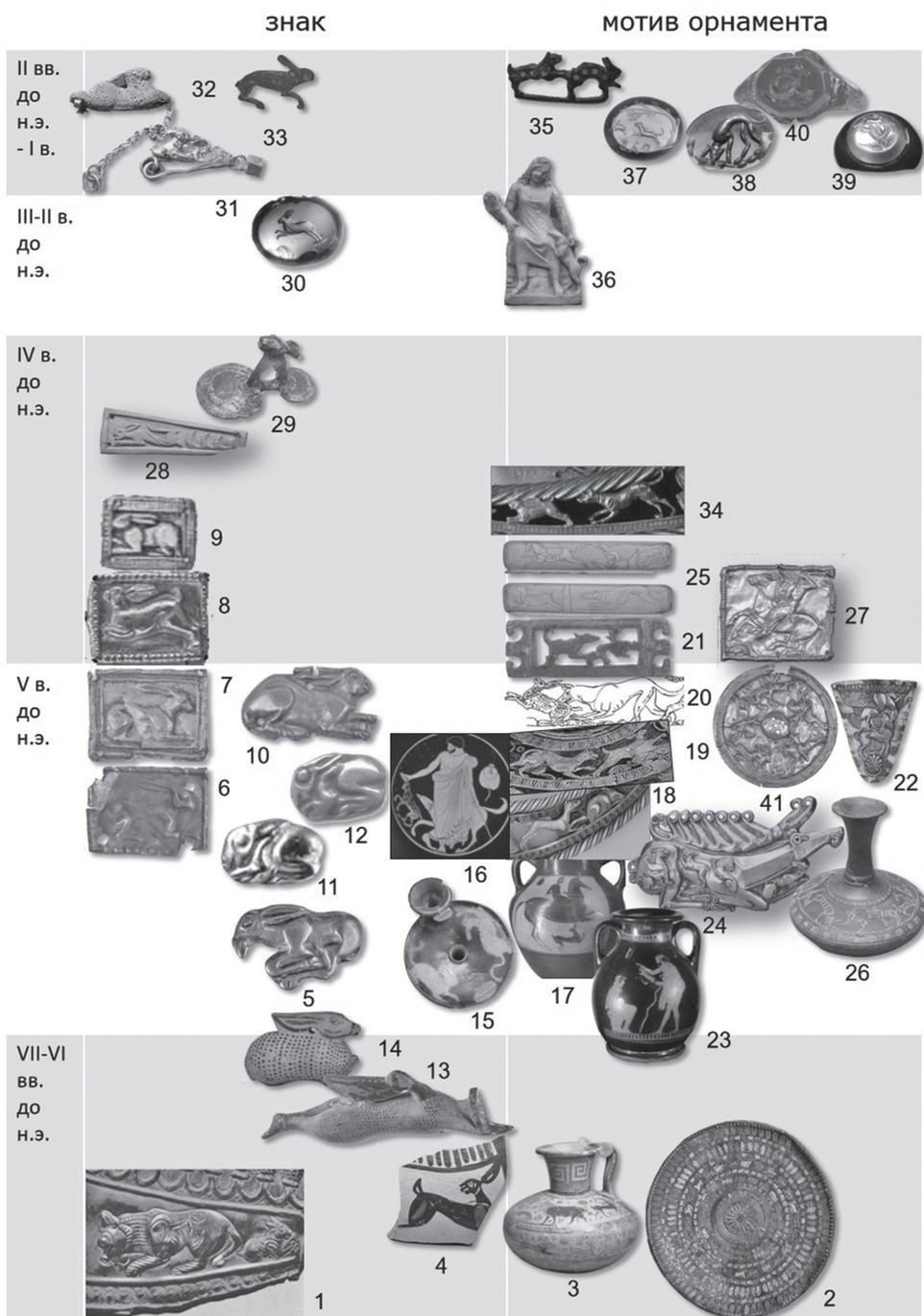
Hookk Daria Yurievna, candidate of philological Sciences, senior researcher researcher of the Orient Europe and Siberia Archaeology department at the State Hermitage Museum, Saint Petersburg (Russia). **Contact address:** hookk@hermitage.ru.

История исследования образа зайца

Система мышления современного человека не подготовлена к восприятию зооморфных изображений скифского искусства и их семантической нагрузки. Знаковая система скифов представляла трудность для персов и греков, и спустя тысячелетия можно лишь строить догадки на основе вторичных источников [Раевский, 1985]. Одним из таких непонятных образов является обычный заяц [Молев, 2015: 63].

Изображения зайцев на предметах из музейных коллекций: 1, 2 – пектораль и диск из Зивие, VII в до н. э.; 3 – онохойя из кург. Темир-Гора, VI в. до н. э.; 4 – фрагмент сосуда с о. Березань, VI в. до н. э.; 5 – бляшка из кург. у с. Шумейко, V в. до н. э.; 6 – нашивная бляшка из Майкопа,

VII–IV вв. до н. э.; 7 – бляшка из кург. Куль-Оба, IV в. до н. э.; 8 – нашивная бляшка из ст. Лабинской, V–IV вв. до н. э.; 9 – нашивная бляшка из кург. 6 у с. Башмачки (по Спицыну, 1901), V в. до н. э.; 10 – нашивная бляшка из кург. у ст. Елизаветинской, V в. до н. э.; 11, 12 – бляшки из мог. у с. Парутино, V в. до н. э.; 13 – сосуд из Этрурии; 14 – арибал из Камира, VI в. до н. э.; 15 – гуттус, VI в. до н. э.; 16 – центральная часть килика, Аттика, V в. до н. э.; 17 – амфора, V в. до н. э.; 18 – фрагмент пекторали из кург. Большая Близница, V в. до н. э.; 19 – фрагмент декора рыбного блюда из Афин; 20 – фрагмент декора ритона из коллекции В. Божковского, 420–410 вв. до н. э.; 21 – фрагмент пряжки, Пантикапей, VI–IV вв. до н. э.; 22 – накладка на ритон, Семибратние курганы, V в. до н. э.; 23 – пелика, 470 г. до н. э.; 24 – бляха из кург. Куль-Оба, V в. до н. э.; 25 – накладки на гребень из кург. Куль-Оба, IV вв. до н. э.; 26 – бутылка из Мацхузена, V в. до н. э.; 27 – нашивная бляшка из кург. Куль-Оба, IV в. до н. э.; 28 – уздечная бляшка из кург. Пазырык 3, IV–III вв. до н. э.; 29 – конский налобник из кург. «Козёл», IV в. до н. э.; 30 – инталия, I тыс.; 31 – фибула из кург. у ст. Воздвиженская, I в. до н. э. – II в.; 32 – аграф (фибула) из мог. у ст. Усть-Лабинская, II в.; 33 – брошь, Дижон, 1–200 гг.; 34 – фрагмент пекторали из кург. Толстая могила, IV–III вв. до н. э.; 35 – брошь, Франция, 101–200 гг.; 36 – статуэтка, Херсонес, II в.; 37 – инталия, I в.; 38 – инталия из Задара, 1–200 гг.; 39 – инталия, II–III в.; 40 – перстень, Пантикапей, II в.; 41 – украшение щита из Амударьинского клада, V в. до н. э.

Fig. 1. Images of hare on the objects from museum collections: 1, 2 – pectoral and disk from Zivie, VII BC; 3 – onojoya from kurgan. Temir-Gora, VI century BC; 4 – a fragment of a vessel from Berezan Island, VI century BC; 5 – a plaque from the burial mound at the village Shumeyko, V century BC; 6 – a patch plaque from Maykop, VII–IV centuries BC; 7 – a plaque from the burial mound Kul-Oba, IV century BC; 8 – a patch plaque from the Labinskaya art., V–IV centuries BC; 9 – a patch plaque from the kurgan 6 at the village of Bashmachki (by Spitsyn 1901), V century BC; 10 – a patch plaque from the kurgan at the village Elizavetinskaya, V century BC; 11, 12 – plaques from the grave at the village Parutino, V century BC; 13 – a vessel from Etruria; 14 – aribal from Camir, VI century BC.; 15 – guttus, VI century BC; 16 – the central part of Cilic, Attica, V century BC; 17 – amphora, V century BC; 18 – a fragment of the pectoral from the burial mounds Bolshaya Bliznitsa, V century BC; 19 – a fragment of the decor of a fish dish from Athens, GR-20684; 20 – a fragment of the decor of a rhyton from the collection of V. Bozhkovsky, 420–410 centuries BC; 21 – a fragment of a buckle, Panticapaeum, VI–IV centuries BC; 22 – an overlay on a rhyton, Semibratnie mounds, V century BC; 23 – pelica, 470 BC; 24 – plaque from the mounds Kul-Oba, V century BC; 25 – overlays on the crest of the mounds Kul-Oba, IV century BC; 26 – bottle from Matshauzen, V century BC.; 27 – a patch plaque from kurgan Kul-Oba, IV century BC; 28 – bridle plaque from the burial mounds Pazyryk 3, IV–III centuries BC; 29 – horse forehead from the kurgan 'Kozel», IV century BC; 30 – intaglio, I thousand; 31 – fibula from the burial mound at the village. Vozdvizhenskaya, I c. BC–II c.; 32 – agraph (fibula) from the grave at art. Ust-Labinskaya, II century.; 33 – brooch, Dijon, 1–200 years.; 34 – a fragment of the pectoral from the burial mound Tolstaya mogila, IV–III centuries BC; 35 – brooch, France, 101–200; 36 – statuette, Chersonese, II century; 37 – intaglio, I century; 38 – intaglio from Zadar, 1–200; 39 – intaglio, II–III century; 40 – ring, Panticapaeum, II c.; 41 – decoration of the shield from the Oxus treasure, V century BC.

В ключевых моментах из истории скифо-персидских взаимоотношений (Hrd. IV, 134; Hrd. I, 123–124) зайца упоминает Геродот, но современные исследователи полагают, что он занимает «второстепенное место» [Полидович, Вольная, 2005: 415]. Известные статьи [Полидович, Вольная, 2005; Молев, 2015], аккумулирующие археологические источники, представляют практически полный перечень изображений зайцев с VII в. до н. э. по IV в. н. э., происходящих из погребений. Был предложен ряд догадок относительно семантики образа [Граков, 1971: 36, 47; Раевский, 1985: 60–64; Полидович, Вольная, 2005: 429], рассматривающих современные представления о зайце как объекте охоты [Dalton et al., 1905: 87; Кузьмина, 1977: 109; Полидович, 2007] или базирующихся на эпитетах (плодовитый, быстрый, непредсказуемый). Цитирование Геродота привело историков к гипотезе о связи зайца с понятием славы и успеха, базировавшейся на единственной находке (ГЭ, № К-О 48), где всадник держит копьё в правой руке, в то время как заяц находится от него слева (рис.-27), в отличие от сходных двух других изображений (ГЭ, № К-О 49; ГИМ, № 54791/2) без зайца. Данное смысловое значение не позволяет объяснить его размещение на других единичных предметах: зеркало, метопиды, нашивки на головные уборы, бляха-украшение горита, оружие, украшения, обкладки гребня или детали конской упряжи, каменное изваяние, — и тиражируемых нашивных бляшек. Несколько позже было высказано предположение, что заяц олицетворяет собой жизнь [Молев, 2015: 62–63]. Во всех случаях восприятие образа шло через призму греческого представления о скифской культуре или представлений учёных XX в. о греческой культуре [Граков, 1971: 7–10]. Несмотря на неоднородность признаков предложенной систематизации [Полидович, Вольная, 2005: 423–424], она содержит рациональное зерно, заключающееся в разбиении одиночных изображений по принципу *динамика — статика*. Важно, что у зверька согнуты задние лапы, в таком положении он не движется. Напротив, если задние лапы распрямлены, то животное движется или его тело перемещается.

К образу зайца автор уже обращался в своих исследованиях, акцентируя внимание на различии понятий удачи и везения [Гук, 2016; 2021: 180]. Применение историко-диахронного метода к систематизации изображений и соотнесение их с функцией предметов, на которых они изображены, а приводит к заключению о магической функции данного символа, служащего амулетом для привлечения на сторону его обладателя именно везения [Гук, 2021: 186]. Использование открытых интернет-ресурсов позволило значительно расширить источниковую базу.

Дополнительные материалы

Во время работы с электронными каталогами музейных собраний выявилась лакуна, связанная с тем, что из рассмотрения выпало значительное число предметов, обычно не попадающих в доступные широкому кругу исследователей публикации, поскольку являются случайными находками или приобретениями, поэтому вырваны из археологического контекста. Приведённый в работе Ю. Б. Полидовича и Г. Н. Вольной перечень изображений зайца [Полидович, Вольная, 2005: 433–436] в основном содержит образцы торевтики и практически не сопоставляет их с синхронными по времени вазопищью, резными камнями и иными предметами.

Наиболее ранние изображения зайца на греческих сосудах (рис.-3) можно дополнить фрагментом керамики VI в. до н. э. с о. Березань (ГЭ, № Б. 76–51), на котором профильное изображение имеет характерную позу с повернутой назад головой (рис.-4). Сходные на первый взгляд с датируемыми IV в. до н. э. золотыми нашивными бляшками из кургана Куль-Оба (рис.-6) изделия из коллекции Государственного Эрмитажа были выявлены на территории Северного Кавказа вблизи Майкопа (№ ОИПК2514–24, рис.-7) и у ст. Лабинская (№ ОИПК2517–6, рис.-8). Но в отличие от часто публикуемых [Marshall, 1911. pl. XL № 2106b; Пиотровский и др., 1986; Журавлёв и др., 2014: 264, табл. 261] 25 тиснёных на матрице кульобских образцов (ГЭ, № ГР-19196, К-О 52; ГИМ, № 34625/11, 54791/31, 54791/32, 54791/33), на этих экземплярах худшей сохранности заяц статичен, как и на аналогичных 19 изображениях из кургана б у с. Башмачки (рис.-9) из раскопок А. А. Спицына [Спицын, 1901: 76, рис. 14] и из Чертомлыкского кургана [Алексеев, 1986: 160, рис. 33]. Две золотые нашивные прямоугольные штампованные бляшки (ГЭ, №№ ГР8740, ГР8743) хоть и были приобретены музеем в 1916 г., выпадают из иконографической традиции, являются явной подделкой, выполненной в связи с востребованностью подобных изделий у коллекционеров [Копейкина, 1986: 28] и создают дополнительные проблемы [Алексеев, 2014].

Ряд находок со статичным зайцем может быть дополнен бляшками, найденными у с. Парутино (ГИМ, №№ ОпБ 300/14900, 14901), и нашивкой из кургана у ст. Елисаветинской (ГЭ, № ГР-8740). Кроме аналогичных им (рис. 1–10, 11, 12) 84 экземплярам из музея Эшмола в Оксфорде [Элита Боспора Кимерийского, 2017: 93; 392, рис. 13.-1], происходящим из некрополя Нимфея, есть бляшка (рис. 1–59) из кургана у с. Шумейко [Пиотровский и др., 1986. № 78; Гук, 2021: 185]. Все они датированы V в. до н. э. Уникальный предмет также из собрания ГИМ представляет собой конский налобник с головой зайца (рис. -29) из кург. «Козёл» у с. Новоалександровка близ Мелитополя (ГИМ, № 54746/1141), датируемый IV в. до н. э.

Фibuла (рис. -31), обнаруженная Н. И. Веселовским в Кубанской обл. у ст. Воздвиженская, в кургане на участке Харина близ аула Хатаджукеевского [ОАК, 1899: 48, рис. 87], входит в собрание Государственного Исторического музея¹ в Москве (ГИМ, № 42418/132) и датирована I в. до н. э. [Амброз, 1966: 34, табл. 15.-9–13, 17.-4]. Снизу у них припаяны в виде узких пластинок кольцо для прикрепления иглы и приёмник. Такие золотые пружинные фибулы с объёмными фигурками животных, богато украшенные филигранью и зернью, часто снабжены подвесками на цепочках, по-видимому, связаны с какими-то античными прототипами, распространены на Кубани, в области меото-сарматских племен в I в. до н. э. — I в. н. э., в непосредственной близости к Боспору. Пружинные броши с зооморфными щитками распространены от Пантикапея на восток по р. Кубань [Амброз, 1966: табл. 17, 4]. Фибулы этого типа с плоскими статичными зайцами были опубликованы ещё в XIX в., как и медная с эмалью из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии [Фармаковский, 1906: 131, рис. 71].

¹ Ошибочно указана в Своде археологических памятников как хранящаяся в Государственном Эрмитаже [Кропоткин, 1970: 33].

Исключительная случайная находка (рис.-30) обнаружена в 1925 г. в грунтовом некрополе 1 в станице Усть-Лабинской и хранится в Государственном Эрмитаже (ГЭ, ОАВЕС, № 1102/674). Она была опубликована авторами раскопок и исследователями ювелирного искусства [Миллер, 1926: 87; Мордвинцева, Трейстер, 2007. Табл. 62, В/1.18]. По имеющейся классификации [Амброз, 1966: 34] её следует отнести к провинциального типа шарнирным фибулам со щитком в форме животного, распространённых преимущественно во II в. н. э. Обычно они украшены эмалью и многочисленны в римских провинциях [Амброз, 1966: 34]. Изображения на обеих фибулах объёмные. Фигурка зайца условно показана в динамике. Акцентируя внимание на шумящих подвесках на цепочке, дополняющих вторую фибулу, можно предположить, что это амулет с усиленными магическими свойствами. Иконографический тип динамичного зайца широко представлен на керамических изделиях греческого производства рубежа тысячелетий — начала новой эры (ГЭ, № ГР4367, ГР4557, ГР6046, Х1908–18, ГР43–26-А, ГР20684, АН, № 1879.131), бронзовых пряжках (ГЭ, № П1903–4–4) и резных печатях (ГЭ, №№ П1873–65, ГР23414, ГР221293) как в виде отдельных изображений (рис.-13, 14, 15), так и в композициях с сюжетом (рис.-16, 17, 19–21, 23). Кроме того, в музейных собраниях имеется ряд объёмных фигурок (рис.-33, 35), представляющих собой погоню собаки за зайцем (Ashmolean Museum, № АН1927.405) или одного зайца (Ashmolean Museum, №№ АН 1927.400, АН1879.131), найденных на территории Франции и датированных рубежом — началом новой эры. Собака выслеживает и гонит зайца (везение) в сети охотника. Данный эллинистический сюжет сохраняется на протяжении столетий в различных регионах Евразии.

Методика

Деление по принципу «одиночный символ» или «сюжет» аналогично анализу орнамента, где рассматриваются знак и мотив. Ключом к пониманию как элемента и мотива орнамента, так и всего орнаментального образа, является графический знак [Микляев, Мазуркевич, 1994: 82]. Элементом орнамента в этом случае может быть как графический знак сам по себе, так и группа знаков. Мотив орнамента — геометрически упорядоченная система элементов орнамента. Тогда сам орнамент — это множество тождественно повторяющихся мотивов. Впервые изображение зайца появляется как графический знак на пекторали (рис.-1) и в орнаментальном мотиве на блюде из Зивие (рис.-2). Потребности психики человека таковы, что от композиции он подсознательно ожидает симметрии, подтверждающей наличие порядка в окружающем его мире [Микляев, Мазуркевич, 1994: 83]. Помимо смыслового содержания, сочетание символов покоя и движения задают ритм орнамента.

Как писал Д. С. Раевский, «перед нами скифская мифологическая формула, но реальный способ её бытия в среде скифов не известен» [Раевский, 1994: 210]. Личный взгляд на описываемые Геродотом эпизоды [Раевский, 1985: 64] был поддержан, превратившись со временем в навязчивую идею, или то, что З. Фрейд назвал «всемогуществом мыслей» [Фрейд, 1923: 91]. Осмысление чуждой культовой практики затруднительно с позиций археологии и лингвистики, но возможно с точки зрения онтопсихологии [Менегетти, 2021]. Применив метод фокальных объектов для материальных свидетельств

скифской культуры и выделив непредсказуемость как ядро семантического поля, можно попытаться выйти на иное восприятие символа зайца и связанных с ним сюжетов.

Дискуссия

Иранская традиция охоты на зайцев с собаками и сетями изложена Ксенофонтом достаточно подробно [Ксенофонт, 1976. I. 6.40]. Проследив направление натянутой стрелы на служащей украшением щита пластине (The British Museum, № BM123925) из Амударьинского клада [Dalton et al. 1905. Pl. IX № 24], становится очевидным, что всадник охотится не на зайца, а на тех же горных козлов, что и уже поразившие их охотники, скачущие навстречу. Неудача другой пары охотников, чьё оружие охоты показано одинаково сломанным, хоть и попавшим в оленей [Dalton et al., 1905: 88], заставляет вспомнить об аналогичной антитезе на кульобских костяных накладках на гребень (рис.-25). Заяц (рис.-50) присутствует в композиции, но сам по себе. Других изображений зайца вместе с вооружёнными всадниками пока не известно.

Благосклонность богов как терзание жертвы хищной птицей показана Ксенофонтом на примере Кира, расценившим как ритуальную жертву сцену с орлом, расправившимся с зайцем, которого вспугнули его воины [Сурор. II, 4.19]. Трактовка события произведена в ираноязычном семантическом поле. Везение непредсказуемо, но над ним властвует божественное провидение. Следуя этой традиции, подразумевается благосклонность богов к тем, кто использовал ритуальные ритон с накладкой (рис.-22) из Семибратних курганов или жертвенное блюдо из Зивие (рис. -1–2). На благопритествование высших сил или удачу (рис.-39, 40) рассчитывали владельцы перстней с инталиями (№ AN Fr. 730; ГЭ, № П. 1873.65).

Исследователи упоминают 60 мест находок, суммарно представляющих более 470 изображений (в некоторых случаях точное число экземпляров не указано). Территориально находки с изображениями зайца в динамике связаны с греческими полисами на Боспоре и берегам рек (Днепр, Кубань) вблизи них. Изображения зайцев в статике тяготеют к левобережной Днепровской Лесостепи [Полидович, Вольная, 2005: 418]. Из диахронной схемы (рис.) следует, что оба иконографических типа существуют практически параллельно.

Динамический тип встречается и во всех сюжетных композициях (рис. -15, 18–21, 25), где собака гонится за зайцем (AN 1885.498; ГЭ, X-1908.18), или зайцы друг за другом (ГЭ, № X. 1908–18). Такой же тип представлен в сюжетах преподнесения зайца в дар (ГЭ, № ГР-4557, № ГР-4367) в качестве демонстрации везения, выпавшего на долю одариваемого (рис.-23). Создавая изделия по заказу в V и IV–III вв. до н. э., греческие мастера размещали знак и мотив орнамента вполне осознанно. И оружие, на рукояти которого есть этот символ, делает владельца везучим — контактная протрешпическая магия [Токарев, 1990], как и обладателя перстня (рис.-32, 37–39) с этим знаком № AN1890.275) или мотивом орнамента (№ AN 1890.241) и терзание птицей.

При расположении изображений зайца в хронологическом порядке обнаруживается, что характерное для V в. до н. э. повторение однотипных знаков (частотность употребления) в виде нашивных бляшек из драгоценных металлов (золота и серебра) сменяется сюжетами с участием других персонажей, симметричными парными изображениями (рис.-18,

34) или объёмными скульптурными изображениями. Инвариантность семантики подтверждается тем, что симметричные знаки как мотив орнамента могут быть не идентичны.

Заключение

Интегральная сема «благоприятное стечение обстоятельств»: везение, везучий, везти, счастливый случай, благоприятное стечение обстоятельств, фарт, — с центром семантического поля, обозначаемого графическим знаком «заяц», допускает его однозначную трактовку независимо от функции предмета. Изображения зайца в раннем железном веке следуют двум традициям — иранской и эллинистической. Семантика символа, обеспечивающего владельцу везение, сохраняется на пространной территории с VII в. до н. э. вплоть до II в. н. э. На протяжении V в. до н. э. IV в. н. э. символ приобретает самостоятельную ценность и изготавливается по специальным случаям из ценных материалов (золото, кость) с использованием различных техник (чеканка, литьё, гравировка), но не как статусная вещь, а как предмет с магической символикой и хранится в виде отдельного объёмного амулета.

Благодарности

Автор выражает благодарность сотрудникам музеев, способствовавшим подготовке данной публикации: Е. Ф. Корольковой, О. В. Горской, А. В. Катцовой, С. В. Воронятову, М. Д. Кузнецовой и Н. В. Царёву (ГЭ), Д. С. Журавлёву и Е. Ю. Новиковой (ГИМ). В статье приводятся актуальные инвентарные номера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л., 1986. С. 64–74.

Алексеев А. Ю. Археологические подделки и фальсификация древней истории // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пёстрых глав...»: 5 кн. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. Книга вторая. С. 188–194.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ Д1–30. М. : Главная редакция восточной литературы, 1966. 142 с.

Государственный Исторический музей // Электронный каталог. 2022. URL: <https://catalog.shm.ru/> (дата обращения: 26.03.2022).

Граков Б. Н. Скифы. М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. 202 с.

Гук Д. Ю. Заяц в нарративных источниках и материальной культуре. Логика и противоречия железного века // Охота и война: организация, стратегия, опыт. Животные в архаике: мировоззрение, обрядовая практика, образ: сборник научных трудов семинаров «Теория и методология архаики». СПб. : МАЭ РАН, 2021. Вып. XIII. С. 178–189.

Гук Д. Ю. Obscurum per obscurius. О функциональном подходе к объяснению некоторых сюжетов и археологических находок из коллекции Государственного Эрмитажа // Символ науки. 2016. № 11–4. С. 201–203.

Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург, 1901–1918 // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prplib.ru/section/1177039> (дата обращения: 29.03.2022).

Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986. С. 28–63.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // САИ Д1–27. М. : Главная редакция восточной литературы, 1970. 280 с.

Ксенофонт. Киропедия. М. : Наука, 1976. 336 с.

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков // Скифы и сарматы. Киев.: Наукова Думка, 1977. С. 96–119.

Менегетти А. Семантическое поле. М. : НФ «Антонио Менегетти», 2021. 386 с.

Микляев А. М., Мазуркевич А. Н. Опыт интерпретации некоторых орнаментальных мотивов посуды усвятской культуры // Проблемы археологии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 3. С. 78–84.

Миллер А. А. Краткий отчёт о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. 142 с.

Молев Е. А. История исследования семантики образа зайца в греко-скифской торевтике // Вестник Нижегородского университета. 2015. № 2. С. 57–65.

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. Симферополь ; Бонн: Тарпан, 2007. Т. III. 204 с.

Отчёт Археологической комиссии (ОАК) за 1899. СПб. : Типография главного управления уделов, 1902. 184 с.

Официальный сайт Государственного Эрмитажа. Коллекция онлайн // Экспонаты. 2022. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT> (дата обращения: 26.03.2022).

Пиотровский Б. Б., Галанина Л. К., Грач Н. Л. Искусство скифов. Л. : Аврора, 1986. 183 с.

Полидович Ю. Б. Боспорские терракотовые статуэтки со сценой охоты на зайца // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок : материалы Междной научной конф. СПб., 2007. Ч. 1. С. 93–99.

Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М. : ИА РАН, 2005. С. 425–436.

Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М. : Наука, 1985. 256 с.

Раевский Д. С. Скифский пантеон: семантика структуры // Историко-этнографические исследования по фольклору : сборник статей памяти С. А. Токарева / сост. В. Я. Петрухин. М., 1994. С. 198–213.

Спицын А. А. Раскопки, произведённые въ 1897 г. близь д. Башмачки Екатеринославского уезда (с 20 рис.) // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 69–79.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб. : Типография главного управления уделов, 1906. Вып. 13. 340 с.

Фрейд З. Тотем и табу. М. : Государственное издательство, 1923. 171 с.

Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Боспорские исследования. Керчь : Керченская городская типография, 2017. Вып. XXXIV. 480 с.

Ashmolean museum Oxford // Collection online. 2022. URL: <https://collections.ashmolean.org/> (дата обращения 26.03.2022).

Dalton O. M., Franks A. W., Read C. H. The treasure of the Oxus, with other objects from ancient Persia and India. London: British Museum, 1905. 193 p.

Marshall F. H. Catalogue of the jewellery, greek, Etruscan, and roman in the department of antiquities, British Museum. London.: Oxford Univ. Press., 1911. 400 p.

The British Museum // Explore the collection. 2022. URL: <https://www.britishmuseum.org/collection> (дата обращения: 26.03.2022).

REFERENCES

Alekseev A. Iu. Arkheologicheskie poddelki i fal'sifikatsiia drevnei istorii [Archaeological forgeries and falsification of ancient history]. *250 istorii pro Ermitazh: "Sobran'e pestrykh glav..."* [250 stories about the Hermitage: "Collection of motley chapters"]. Vol. 5. Sant Petersburg.: State Hermitage Publ., 2014. S. 188–194 (in Russian).

Alekseev A. Iu. Nashivnye bliashki iz Chertomlykского kurgana [The patchplaques from the Chertomlyk barrow]. *Antichnaia torevtika* [Antique toreutics]. Leningrad, 1986. S. 64–74 (in Russian).

Ambroz A. K. Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR II v. do n. e.-IV v. n. e. [Fibulae from the south of European Russia, II c. BC–IV c. AD]. *SAI D1–30* [A set of archaeological sources D1–30]. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoj literatury, 1966. 142 s. (in Russian).

Elita Bospora Kimmeriiskogo: traditsii i innovatsii v aristokraticheskoi kul'ture dorimskogo vremeni [Elite of the Cimmerian Bospore: traditions and innovations in aristocratic culture in pre-Roman period]. Bosporskie issledovaniia. Kerch': Kerchenskaia gorodskaia tipografiia, 2017. Iss. XXXIV. 480 s. (in Russian).

Farmakovskii B. V. Raskopki v Ol'vii v 1902–1903 gg. [Excavations in Olbia in 1902–1903]. *Izvestiia IAK* [Proceedings of the Imperial Archaeological commission]. 1906, Iss. 13. 340 s. (in Russian).

Freid Z. *Totem i tabu* [Totem and taboo]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 171 s. (in Russian).

Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei. Elektronnyi katalog [The State Historical Museum. Electronic catalogue]. Available at: <https://catalog.shm.ru/> (accessed March 26, 2022) (in Russian).

Grakov B. N. *Skify* [Scythes]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 202 s. (in Russian).

Hookk D. Yu. Obscurum per obscurius. O funktsional'nom podkhode k ob'iasneniiu nekotorykh siuzhetov i arkheologicheskikh nakhodok iz kollektcii gosudarstvennogo Ermitazha [Obscurum per obscurius. On the functional approach to the explanation of some subjects and archaeological finds from the collection of the State Hermitage museum]. *Simvol nauki* [Simbol of science]. 2016, no. 11–4 (in Russian). S. 201–204.

Hookk D. Yu. Zaiats v narrativnykh istochnikakh i material'noi kul'ture. Logika i protivorechiia zheleznoogo veka [A hare in the narrative sources and material culture. Logic and inconsistency of the Iron age]. *Teoriia i metodologiiia arkhaiski* [Theory and methodology of the archaic]. Iss. XIII. SPb.: MAE RAN, 2021. S. 178–189 (in Russian).

Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii [Proceedings of the Imperial Archaeological commission]. Prezidentskaia biblioteka im. B. N. El'tsina. Available at: <https://www.prilib.ru/section/1177039> (accessed March 26, 2022) (in Russian).

Kopeikina L. V. Zolotyie bliashki iz kurgana Kul» — Oba [Golden plaques from the kurgan Kul-Oba]. *Antichnaia torevtika* [Antic toreutics]. Leningrad. 1986. S. 28–63 (in Russian).

Kropotkin V. V. Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope (II v. do n. e. V v. n. e.) [Roman import pieces in the Orient Europe (II c. BC–V c. AD)]. *SAI-D1–27* [A set of archaeological sources D1–27]. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoj literatury, 1970. 280 s.

Ksenofont. *Kiropediia* [Kiropedia]. Moscow: Nauka, 1976. 336 s. (in Russian).

Kuz'mina E. E. Kon» v religion i iskusstve sakov [Horse in the religion and art of saks]. *Skify i sarmaty* [Saks and Sarmatians]. Kiev: Naukova Dumka, 1977. S. 96–119 (in Russian).

Menegetti A. *Semanticheskoe pole* [Semantic field]. Moscow: Antonio Menegetti, 2021. 386 s. (in Russian).

Mikliaev A. M., Mazurkevich A. N. Opyt interpretatsii nekotorykh ornamen-tal'nykh motivov posudy usviatskoi kul'tury [Essay of interpretation of some ornamental motifs of dishes of the Usvyat culture]. *Problemy arkheologii* [Problems of archaeology]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 1994. Iss. 3. S. 78–84 (in Russian).

Miller A. A. Kratkii otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii Istorii Material'noi Kul'tury v 1924 i 1925 gg. [Preliminary report on the works of the North-Caucasian expedition of the State Academy of History of Material Culture in 1924–1925]. *Soobshcheniia GAIMK* [Reports of GAIMK]. 1926. 142 s. (in Russian).

Molev E. A. Istoriia issledovaniia semantiki obraza zaita v greko-skifskoi torevtike [History of the study of the image of hare in the greek-scythian toreutics]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of NNGU]. 2015, No 2. S. 57–65 (in Russian).

Mordvintseva V. I., Treister M. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n. e. 2 v. n. e.* [Toreutic and jewelry art in the northern Black Sea region, 2 c. BC — 2 c. AD]. Simferopol»; Bonn: Tarpan, 2007. Vol. III. 204 s. (in Russian).

Otchet Arkheologicheskoi komissii (OAK) za 1899 [Report of the Archaeological commission in 1899]. SPb.: Tipografiia glavnogo upravleniia udelov, 1902. 184 s. (in Russian).

Official web-site of the State Hermitage Museum. Collection Online. Ekspozitsii 2022. Available at: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT> (accessed March 26, 2022) (in Russian).

Piotrovskii B. B., Galanina L. K., Grach N. L. *Iskusstvo skifov* [Scythian art]. Leningrad: Avrora, 1986. 183 s. (in Russian).

Polidovich Iu. B. Bosporskie terrakotovyie statuetki so stsenoi okhoty na zaita [Bosporan terracotta figurines with a scene of hunting a hare]. *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok. Materials of the intern. scient. conf. conf.* [The Bosporan phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds. Material. Interd. scientific conf.]. SPb., 2007. Part. 1. S. 93–99 (in Russian).

Polidovich Iu. B., Vol'naia G. N. *Obraz zaitsa v skifskom iskusstve* [Image of a hare in Scythian art]. *Drevnosti Evrazii ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia. Pamiati V. S. Ol'khovskogo* [Antiquities of Eurasia from early Bronze Age to early Middle Age. In memoriam V. S. Olkhovsky]. Moscow, 2005. S. 425–436 (in Russian).

Raevskii D. S. *Mir skifskoi kul'tury* [World of scythian culture]. Moscow: Nauka, 1985. 256 s. (in Russian).

Raevskii D. S. *Skifskii panteon: semantika struktury* [Scythian panteon: the structure semantics]. *Istoriko-etnograficheskie issledovaniia po fol'kloru* [Historical and ethnographic studies on folklore]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1994. S. 198–213 (in Russian).

Spitsyn A. A. *Raskopki, proizvedennye v' 1897 g. bliz' d. Bashmachki Ekaterinoslavskogo u'zda (s 20 ris.)* [Excavations provided in 1897 near the village Bashmachki in Ekaterinoslavsky region (with 20 figs)]. *Izvestiia IAK* [Proceedings of the Imperial Archaeological commission]. 1901. Iss. 1. S. 69–79.

Tokarev S. A. *Rannie formy religii*. Moscow: Politizdat, 1990. 622 s. (in Russian).

Ashmolean museum Oxford. Collection online. 2022. Available at: <https://collections.ashmolean.org/> (accessed March 26, 2022).

Dalton O. M., Franks A. W., Read C. H. *The treasure of the Oxus, with other objects from ancient Persia and India*. London: British Museum, 1905. 193 p.

Marshall F. H. *Catalogue of the jewellery, greek, Etruscan, and roman in the department of antiquities, British Museum*. London: Oxford Univ. Press., 1911. 400 s.

The British Museum. Explore the collection. 2022. Available at: <https://www.britishmuseum.org/collection> (accessed March 26, 2022).

Список сокращений

ГИМ — Государственный Исторический музей

ГЭ — Государственный Эрмитаж

AN — Ashmolean museum number

BM — British Museum

Статья поступила в редакцию: 10.07.2022.

Принята к публикации 15.10.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 902.01

DOI: 10.14258/nreur(2022)4-03

А. В. Данич

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
(Россия)*

МОНЕТЫ И МОНЕТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ РАСКОПОК БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ¹

В статье анализируются монеты и монетовидные подвески, полученные в ходе многолетних исследований Баяновского могильника, исследованного в 2005–2021 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета. Являясь частью погребального обряда, они представляют собой надёжный датирующий материал, позволяющий говорить о хронологии могильника.

Памятник расположен на правом берегу реки Исток, правого притока Вильвы, левого притока Косьвы, левого притока Камы Добрянского муниципального района Пермского края. Могильник относится к ломоватовской археологической культуре. На данный момент на нём исследовано 527 погребений, в 42 из которых обнаружено 44 дирхама и 59 монетовидных подвесок, украшенных, как правило, серебряными брактеатами — подражаниями дирхамам.

В работе впервые обобщен значительный материал IX — начала X в. из археологических раскопок, не введенный в научный оборот. В задачи входило обобщение сведений о хронологии монет из погребений, изучение закономерностей их распространения на территории могильника, а также рассматривается функция монет в погребениях.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, ломоватовская культура, дирхам, монетовидная подвеска, могильник.

Цитирование статьи:

Данич А. В. Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 36–55.

DOI: 10.14258/nreur(2022)4-03.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019.

A. V. Danich

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, (Russia)

COINS AND COIN-SHAPED PENDANTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE BAYANOVSKY BURIAL GROUND IN THE PERMIAN URALS

The article analyzes the coins and coin-shaped pendants obtained during the long-term studies of the Bayanovskoye burial ground investigated in 2005–2021. detachment of the Kama archaeological and ethnographic expedition of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. As part of the funeral rite, they are reliable dating material that allows us to talk about the chronology of the burial ground.

The monument is located on the right bank of the river. The source, the right tributary of the river. Vilva, the left tributary of the river. Kosvy, the left tributary of the river. Kama Dobriansky municipal district of the Perm region. The burial ground refers to the Lomovotov archeological culture. At the moment 527 burials have been investigated on it, 42 of which have been found 44 dirhams and 59 coin-like pendants, decorated, as a rule, with silver bracts — imitations of dirhams.

The work summarizes for the first time the significant material of the IX — early X centuries from archaeological excavations that has not been introduced into scientific circulation. The tasks included summarizing information about the chronology of coins from burials, studying the patterns of their distribution on the territory of the burial ground, and also considering the function of coins in burials.

Keywords: Perm Preduralye, Lomovotov culture, dirham, coin — shaped pendants, burial ground.

For citation:

Danich A. V. Coins and coin-shaped pendants from the excavations of the Bayanovsky burial ground in the Permian Urals. 2022. Nations and religions of Eurasia. Т. 27, № 4. P. 36–55. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–03.

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии экспериментальной археологии НИИ Археологии и антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь (Россия). **Адрес для контактов:** adanich@yandex.ru; ORCID 0000–0002–2754–2286.

Danich Andrey Vasilevich, leading specialist of the laboratory of trace analysis of the archaeological, anthropology, experimental archaeology Research Institute of Archaeology and Anthropology, Perm state humanitarian-pedagogical University, Perm (Russia).

Contact address: adanich@yandex.ru; ORCID 0000–0002–2754–2286.

Введение

Находки монет, имеющих точную дату чеканки, археологи всегда считают большой удачей при раскопках погребений, так как в этом случае появляется возможность уточнить дату погребения и в целом хронологию некрополя. Являясь частью погребального обряда, монеты приобретают самостоятельное значение в его контексте и представляют собой надёжный датирующий материал, позволяющий говорить об абсолютной археологической дате. В связи с этим перед исследователями всегда возникает ряд вопросов: когда монета того или иного времени чеканки могла попасть в погребение, время хождения тех или иных монет, место и значение монет в погребальном обряде. Эти вопросы так или иначе поднимаются практически в каждом исследовании, рассматривающем монетные находки в погребениях. Ясно, что дата чеканки монеты, найденной в погребении, не может являться точной датой самого погребения, так как почти все монеты с момента их чеканки до момента их попадания в погребение какое-то время находились в обращении. По мнению В. М. Потина, разница во времени между датой чеканки монеты и датой её использования в погребении составляет несколько десятилетий, поэтому точность датировки погребений вероятна в пределах полустолетия [Потин, 1971: 71].

Целью настоящей работы является изучение монет и монетовидных подвесок в погребениях Баяновского могильника в Пермском Предуралье. В задачи входило обобщение сведений о хронологии монет из погребений, изучение закономерностей их распространения и также рассматривается функция монет в погребениях. Статья продолжает работу 2008 г. [Данич, 2008a].

Местонахождение памятника и история исследований

Баяновский могильник находится в 170 м к северо-западу от деревни Бояново Пермской сельской администрации Добрянского муниципального района Пермского края, на правом берегу реки Исток, правого притока Вильвы, левого притока Косьвы, левого притока Камы, на гребне пологого холма, являющегося древним берегом реки Косьвы, в 2 км к юго-востоку от современного русла этой реки.

Памятник был обнаружен весной 1951 г. при разработке карьера, из которого брали грунт для насыпи строящейся железной дороги Лёвшино — Кизел, которым была разрушена часть памятника.

В 1951, 1953 гг. на могильнике были произведены раскопки отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством В. А. Оборина. За период полевых работ было изучено 17 погребений, отнесённых к IX–X вв. [Оборин, 1953; 1965].

В сентябре 2004 г. памятник был осмотрен В. В. Ильиных, сотрудницей Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета. Были обнаружены следы грабительских раскопок площадью около 1 500 м². Всего было насчитано 52 свежие грабительские ямы и более 40 старых. На поверхности грабительских ям был собран подъёмный материал — около 200 находок.

В 2005–2021 гг. работы на могильнике были продолжены отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педаго-

гического университета под руководством А. В. Данича. Было исследовано 527 погребений, которые можно датировать IX — первой половиной X в. [Данич, 2016].

Результат полевых исследований

За период исследования памятника было обнаружено 44 монеты и 59 монетовидных подвесок, которые встречены в 42 погребениях, что составляет 8% от числа всех погребений могильника. Среди погребений с монетами 10 отнесены к мужским, что составляет 22,5% и 32 к женским, соответственно 77,5% (половозрастные определения выполнены старшим инженером Пермского филиала Уральского отделения института истории и археологии РАН Н. Г. Брюховой). В 31 погребении определён возраст погребённого. Их можно поделить на четыре возрастные группы: ребёнок 2–12 лет (22,6%) (погребения 33, 60, 64, 272, 280, 356, 515), подросток 15–20 лет (12,9%) (погребения 20, 101, 129, 270), лица среднего возраста 20–30 лет (38,7%) (погребения 51, 69, 70, 92, 97, 113, 122, 136, 252, 266, 276, 513) и взрослого >30 лет (25,8%) (погребение 37, 111, 239, 275, 282, 283, 285, 316). Все погребения с монетами, кроме одного, совершены по обряду ингумации. И лишь одно — по обряду кремации (единственное погребение на могильнике, совершённое по этому обряду).

Как мы видим, монеты присутствуют в погребениях всех возрастных групп. Также можно утверждать, что монета социально универсальна. Она входит в погребальный инвентарь как богатых захоронений, так и бедных, хотя последних значительно меньше.

Традиции положения монет в погребения прослежены ещё с римского времени. Эта традиция бытовала у германских племён, тюрков, финно-угров и др. Определение монет выполнено Т. Яниной (Государственный исторический музей, Москва) — погребение 8, В. С. Кулешовым (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) — погребения 18–525.

Погребение 6. Погребение женское. Ниже ожерелья, на шее, лежали три почти полностью разрушенные монеты с куфическими письменами, расположенные в форме треугольника с вершиной вниз. Монеты круглой формы с дыркой в верхней части, изготовленные из тонкой серебряной пластины. Использовались в качестве погребальной маски [Оборин, 1953: 149].

Погребение 8. Погребение мужское. В области ног располагалось целое скопление украшений, скатившееся из верхней части погребения. Тут же в куче лежали две серебряные подвески в виде монет и одна такая же подвеска — в области пояса.

Подвески представляют собой серебряные кружки, наложенные на бронзовую монетовидную подвеску, и имеют приклёпанное бронзовое ушко для подвешивания. На серебряных кружках имеются односторонние изображения, подражающие лицевой стороне арабского дирхама. Они выбиты одним штампом, подражающим дирхамам Омейядов, чеканенным в Васите в первой половине VIII в. Однако дата могильника, и в том числе этого погребения, несколько позже, чем та, которая выбита на подвесках [Оборин, 1965: 114].

Погребение 18. Погребение мужское. Два неправильной формы обломка одностороннего подражания куфическому дирхаму X в. находились на фрагменте шёлкового лицевого покрытия, на фрагменте челюсти (БМ05/208–209). Использовались в качестве погребальной маски.

Рис. 1. Монеты из Баяновского могильника: 1 – погребение 33; 2–4 – погребение 37; 5 – погребение 40; 6–7 – погребение 51; 8 – погребение 64; 9–11 – погребение 69; 12–13 – погребение 70

Fig. 1. 1 – burial 33; 2–4 – burial 37; 5 – burial 40; 6–7 – burial 51; 8 – burial 64; 9–11 – burial 69; 12–13 – burial 70

Погребение 20. Погребение женское (возраст погребённой — 15–20 лет). В погребении найдены четыре бронзовые подвески с ушками для подвешивания и фрагментами приклеенных дирхамов или односторонних подражаний им. Две подвески практически полностью разрушенные. Состояние еще двух очень плохое, прочесть надписи невозможно. Подвески располагались попарно. Две находились немного выше верхней челюсти, на ширине глаз, две другие лежали рядом друг с другом немного ниже нижней челюсти (БМ05/296–297). Использовались в качестве погребальной маски.

Погребение 21а. Погребение женское. Небольшой фрагмент бронзовой монетовидной подвески с фрагментами приклеенного дирхама или подражания ему располагался на шёлковом лицевом покрытии в районе черепа. Прочесть надпись невозможно (БМ05/604). Использовалась в качестве погребальной маски.

Погребение 33. Погребение, вероятнее всего, женское (возраст погребённой 6–8 лет). Три обломка саманидского дирхама конца IX — первой половины X в. находились рядом с зубами. Два наиболее крупных фрагмента пробиты остриём ножа (БМ05/483) (рис. 1.-1). Использовались в качестве погребальной маски.

Погребение 37. Погребение принадлежит взрослому мужчине. В погребении обнаружены три монеты, находящиеся под черепом, который откатился со своего первоначального места. Монеты использовались в качестве погребальной маски.

1. Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, место чеканки стёрто, 28х г. х. (893–902). Монета дважды пробита (с л. с. и о. с., отверстия смежные). Слегка погнута. Монета находилась на шёлковом лицевом покрытии (БМ05/509) (рис. 1.-2).

2. Саманиды, Наср б. Ахмад (914–943), Самарканд, год (?). Монета с двумя отверстиями, пробитыми с л. с. (отверстия смежные, расстояние между ними меньше 1 см). Монета находилась на шёлковом лицевом покрытии (БМ05/510) (рис. 1.-3).

3. Саманиды, Наср б. Ахмад (914–943), Самарканд, год (?). Монета с двумя отверстиями с о. с., отверстия смежные. Монета находилась на шёлковом лицевом покрытии (БМ05/511) (рис. 1.-4).

Погребение 40. Погребение женское. Монета найдена в погребении левее скопления зубов нижней челюсти. Использовалась в качестве погребальной маски.

Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш, 298 г. х. (910/911). Пробита с о. с., проколота с о. с., надрезана, погнута (БМ06/119) (рис. 1.-5).

Погребение 51. Погребение женское (возраст погребённой < 30 лет). Погребение совершено по обряду кремации. Представлено более 150 фрагментов костей, которые подверглись воздействию высокой температуры на стороне. После чего кости выложены двумя скоплениями (череп и остальные кости). И сверху разложены вещи в соответствии с прижизненным костюмом [Данич, 20086].

В погребении обнаружено 9 бронзовых монетовидных подвесок с ушком для подвешивания и приклеенными серебряными брактеатами — подражаниями сасанидским драхам Хосрова II (БМ06/306–307; 318; 337–342) (рис. 1.-6–7).

В халифате монеты Хосрова II были в денежном обращении в VII — первой половине VIII в. и в подавляющей части обращения второй половины VIII в. В IX в. они выходят из употребления, и достать их становится невозможно. Но желающих иметь монеты с царём-богом не становилось меньше, и появились односторонние серебряные

подражания — брактеаты. В. С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII — первой половине IX в., с тяготением к началу периода.

Погребение 60. Погребение женское (возраст погребённой 5 лет ± 16 месяцев). Немного ниже челюсти, в составе ожерелья из стеклянных бусин, найдены 2 бронзовые монетовидные подвески с ушком для подвешивания (БМ06/953–954). Под ушком видны фрагменты серебряной пластины (возможно аналогичной погребению 51).

Погребение 64. Погребение, вероятнее всего, женское (детское). Череп в погребении не сохранился, но исходя из местоположения остальных находок монета найдена немного правее и ниже нижней челюсти. Использовалась в качестве погребальной маски.

1. «Аббасиды, ал-Ма'мун, Мадинаг ас-Салам, 217 г. х. (823/833). Это тип, обращавшийся только во второй трети IX в. Аккуратно пробита с о. с. (БМ06/1125) (рис. 1.-8).

Погребение 69. Погребение женское (возраст погребённой 20–30 лет). В погребении обнаружено 3 монеты, которые использовались в качестве погребальной маски.

1. Саманиды, Наср б. Ахмад, Андараба (?), год потёрт. С именем халифа ал-Муктадира би-ллаха (908–932). В интервале 914–932 г. Пробита с о. с., незначительная утрата по краю. Монета найдена лежащей на зубах (БМ06/1420) (рис. 1.-9).

2. Саманиды, Наср б. Ахмад, аш-Шаш (?), 325 (?) г. х (936/937). Пробита с л. с., слегка погнута. Монета найдена в районе правого предплечья (БМ06/1421) (рис. 1.-10).

3. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 305 г. х. (918/919). Монета пробита с о. с., утраты по краю. Монета найдена в районе левого локтя (БМ06/1482) (рис. 1.-11).

По своему местонахождению монеты расположены треугольником, первая и вторая недалеко друг от друга и на большем расстоянии от них находится третья монета. Вероятно, монеты располагались на глазах и рту погребённой и далее при истлевании органических материалов они скатились вниз.

Погребение 70. Погребение женское (возраст погребённой 20–30 лет). Череп не сохранился, обнаружено только скопление зубов верхней и нижней челюсти. Монеты найдены правее района черепа, немного выше уровня зубов. Использовались в качестве погребальной маски.

1. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд (?), 321 г. х. (933/934). Пробита с о. с., слегка погнута, разрывы по краю (БМ06/1671) (рис. 1.-12).

2. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 301 г. х. (914). Аккуратно пробита, слегка погнута (БМ06/1670) (рис. 1.-13).

Погребение 92. Погребение женское (возраст погребённой 20–30 лет). Немного ниже челюсти, в составе ожерелья из стеклянных бусин, найдено 5 бронзовых монетовидных подвесок с ушком для подвешивания (БМ07/624–628). Состояние подвесок плохое, но можно видеть тонкий слой серебра, оставшийся от приклеенных сверху пластин, по отдельным деталям и аналогий с могильника можно сказать, что это брактеаты — подражания сасанидским драхмам Хосрова II. В. С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII — первой половине IX в., с тяготением к началу периода.

Рис. 2. Монеты из Баяновского могильника: 1–2 – погребение 97; 3–4 – погребение 101; 5 – погребение 111; 6 – погребение 239; 7–9 – погребение 266; 10–12 – погребение 270; 13 – погребение 272; 14–15 – погребение 275; 16 – погребение 356

Fig. 2. Coins from the Bayanovsky burial ground 1–2 – burial 97; 3–4 – burial 101; 5 – burial 111; 6 – burial 239; 7–9 – burial 266; 10–12 – burial 270; 13 – burial 272; 14–15 – burial 275; 16 – burial 356

Погребение 97. Погребение женское (возраст погребённой 18–25 лет). Немного ниже челюсти в составе ожерелья из стеклянных бусин найдено 7 бронзовых монетовидных подвесок с ушком для подвешивания и приклеенными серебряными брактеатами — подражаниями сасанидским драхам Хосрова II. Место чеканки DA (Дарабгерд, Парс) (?) (БМ07/838–843). В. С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII — первой половине IX в., с тяготением к началу периода (рис. 2.-1–2).

Погребение 101. Погребение женское (возраст погребённой 16–20 лет). Немного ниже челюсти в составе ожерелья из стеклянных бусин найдено две бронзовые монетовидные подвески с ушком для подвешивания и приклеенными серебряными брактеатами — подражаниями Умайядам, чеканенным в Васиту 740-х гг. (БМ07/921–922) (рис. 2.-3–4).

Погребение 111. Погребение женское (возраст погребённой >30 лет). Немного ниже челюсти в составе ожерелья из стеклянных бусин найдена бронзовая монетовидная подвеска с ушком для подвешивания и приклеенным серебряным брактеатом (определить невозможно) (БМ07/1732) (рис. 2.-5).

Погребение 113. Погребение мужское (возраст погребённого 20–30 лет). На нижней челюсти были обнаружены две бронзовые монетовидные подвески с ушком для подвешивания. На лицевых сторонах виднеются следы серебра (БМ07/1781). Использовались в качестве погребальной маски.

Погребение 122. Погребение женское (возраст погребённой 25–30 лет). На нижней челюсти была обнаружена бронзовая монетовидная подвеска с приклеенным серебряным брактеатом (определить невозможно) (БМ07/2020). Подвеска использовалась в качестве погребальной маски.

Погребение 129. Погребение женское (возраст погребённой 16–20 лет). На нижней челюсти была обнаружена бронзовая монетовидная подвеска с приклеенным серебряным брактеатом (определить невозможно) (БМ07/2347). Подвеска использовалась в качестве погребальной маски.

Погребение 136. Погребение женское (возраст погребённой 25–30 лет). На груди в составе ожерелья из стеклянных бусин найдены 4 бронзовые монетовидные подвески с ушком для подвешивания и приклеенными серебряными брактеатами (определить невозможно) (БМ07/2936–2938).

Погребение 139. Погребение женское (возраст погребённой не определён). Немного ниже скопления зубов найдена бронзовая монетовидная подвеска с отверстием для подвешивания и приклеенным серебряным брактеатом (определить невозможно) (БМ07/3061). Подвеска использовалась в качестве погребальной маски.

Погребение 239. Погребение женское (возраст погребённой 35–55 лет). На черепе в районе левой глазницы найдена бронзовая монетовидная подвеска на шёлке, с отверстием для подвешивания и приклеенным серебряным брактеатом — подражанием сасанидской драхме Хосрова II (БМ11/34). Подвеска использовалась в качестве погребальной маски. В. С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII — первой половине IX в., с тяготением к началу периода (рис. 2.-6).

Погребение 252. Погребение женское (возраст погребённой 25–30 лет). На груди в составе ожерелья из стеклянных бусин найдены две бронзовые монетовидные подвески с ушком для подвешивания (БМ11/434–435).

Погребение 266. Погребение женское (возраст погребённой 18–25 лет). В погребении обнаружено три дирхама.

1. Дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, Андабара, 300 г. х. (единицы года пропущены резчиком штемпеля) (914–922). Слегка помят, у края пробит с оборотной стороны остриём шила. Вес 2,93 г. Находился с левой стороны в районе шеи (БМ12/406) (рис. 2.-7).

2. Дирхам Волжской Булгарии, подражание Саманидам, Насру ибн Ахмаду. Датируется второй четвертью X в. У края аккуратно пробит остриём шила. Вес 1,69 г. Находился в районе правого плеча, рядом с височным кольцом (БМ12/407) (рис. 2.-8).

3. Дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, Балх, 302 г. х. (914/915) Слегка помят, у края аккуратно пробит остриём шила, трещина металла. Вес 3,00 г. Находился в центральной части погребения, в районе пояса (БМ12/408) (рис. 2.-9).

Монеты в погребении находятся в виде треугольника. По всей видимости, монеты использовались в качестве маски и находились на глазах и рту погребённой, но после истлевания органических материалов раскатились.

Погребение 270. Погребение женское (возраст погребённой 16–20 лет). В погребении обнаружено три дирхама.

1. Дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 304 г. х. (916/917). Обратная сторона — граффито. У края дважды пробит с оборотной стороны остриём ножа, отверстия ориентированы друг относительно диаметра. Вес 2,33 г. Располагался правее черепа в районе виска (БМ12/409) (рис. 2.-10).

2. Дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 30[2~6] г. х. (914–919). Пробит у края (остриём ножа?), утраты и разрывы металла. Вес 2,43 г. Находился на фрагменте шёлка на зубах (БМ12/410) (рис. 2.-11).

3. Дирхам Саманидов. Наср ибн Ахмад, место чеканки стёрто и патинировано, 30[×] г. х. (914–922). Помят, у края пробит с оборотной стороны остриём ножа, утраты металла. Вес 2,56 г. Находился на фрагменте шёлка на левой стороне черепа немного ниже глаза (БМ12/411) (рис. 2.-12).

Монеты использовались в качестве погребальной маски и располагались на глазах и рту погребённой.

Погребение 272. Погребение женское (возраст погребённой 12–14 лет). В погребении с левой стороны черепа на фрагментах меха и ткани найдена бронзовая монетовидная подвеска с отверстием для пришивания, на которой сверху был приклеен серебряный брактиат под Сасанидов. Подвеска находилась на правом глазе в качестве погребальной маски (на левом находилась прямоугольная серебряная пластинка) и после истлевания органических материалов немного сместилась (БМ12/184) (рис. 2.-13).

Погребение 275. Погребение женское (возраст погребённой 30–45 лет). На месте истлевшего черепа, ориентировочно на месте глаз были обнаружены два дирхама, служившие посмертной маской.

1. Дирхам Саманидов Исма'ил ибн Ахмад, аш-Шаш, 290 г. х. (902/903). У края пробит с лицевой стороны остриём ножа. Вес 2,39 г. (БМ12/412) (рис. 2.-14).

2. Дирхам Саманидов, Исма'ил ибн Ахмад, Балх, 291 г. х. (903/904). У края пробит с лицевой стороны остриём ножа. Вес 2,69 г. (БМ12/413) (рис. 2.-15).

Рис. 3. Монеты из Баяновского могильника: 1–2 – погребение 276; 3–5 – погребение 282; 6–8 – погребение 283; 9 – погребение 285; 10 – сектор А / 2014 г.; 11 – погребение 316; 12 – погребение 415

Fig. 3. Coins from the Bayanovsky burial ground: 1–2 – burial 276; 3–5 – burial 282; 6–8 – burial 283; 9 – burial 285; 10 – Sector A/2014; 11 – burial 316; 12 – burial 415

Погребение 276. Погребение женское (возраст погребённой 20–30 лет). В погребении обнаружено два дирхама, которые использовались в качестве погребальной маски.

1. Дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 301 г. х. (914) У края дважды пробит с разных сторон шилом, отверстия ориентированы друг относительно диаметраль-но. Вес 2,71 г. Находится левее черепа на месте стыковки с нижней челюстью (БМ12/414) (рис. 3.-1,5).

2. Дирхам Саманидов, Ахмад ибн Исма'ил, аш-Шаш, 295 г. х. (907/908). У края два-жды пробит с разных сторон шилом, отверстия ориентированы друг относительно диа-метраль-но. Вес 2,55 г. Находится на нижней челюсти (БМ12/415) (рис. 3.-2, 5).

Погребение 280. Погребение женское (возраст погребённой 10–12 лет). Слева от нижней челюсти обнаружен дирхам Саманидов первой четверти Х в. (точнее не опре-делим из-за сильной патины), который использовался в качестве погребальной маски (БМ12/416).

Погребение 282. Погребение мужское (возраст погребённого 35–45 лет). В погребении обнаружено три дирхама, которые использовались в качестве погребальной маски.

1. Дирхам Саманиды, Исма'ил ибн Ахмад, Самарканд, 286 г. х. (898/899). Череп не со-хранился. Монета находилась в районе правого глаза (БМ13/4) (рис. 3.-3).

2. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Балх, 302 г. х. (914/915). Череп не сохранил-ся. Монета находилась в районе левого глаза (БМ13/5) (рис. 3.-4).

3. Дирхам Саманиды, Ахмад ибн Исма'ил, аш-Шаш, 301 г. х. (913/914). Монета нахо-дилась на зубах нижней челюсти (БМ13/6) (рис. 3.-5).

Погребение 283. Погребение женское (возраст погребённой 35–50 лет). В погребении найдено три дирхама, которые, по всей видимости, использовались в качестве по-гребальной маски.

1. Дирхам Саманиды, Исма'ил ибн Ахмад, Балх, 293 г. х. (905/906). Найден на фраг-ментах черепа в районе правой глазницы (БМ13/14) (рис. 3.-6).

2. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 307 г. х. (919/920). Найден на пра-вой стороне грудины, в районе нижних рёбер (БМ13/29) (рис. 3.-7).

3. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 307 г. х. (919/920). Найден на пра-вой стороне грудины, в районе нижних рёбер (БМ13/29) (рис. 3.-8).

Погребение 285. Погребение женское (возраст погребённой 35–45 лет). В погребении найден дирхам, разломленный на две половины, которые, по всей видимости, ле-жали на глазах погребённой и использовались в качестве погребальной маски.

1. ½ дирхама Саманиды, 900-х — 910-х гг. (БМ13/67) (рис. 3.-9).

2. ½ дирхама Саманиды, 900-х — 910-х гг. (БМ13/68) (рис. 3.-9).

Погребение 316. Погребение мужское (возраст погребённого — взрослый). В по-гребении обнаружен дирхам Умаййады, Дарабджирд, 93 г. х. = 711/712 из первой вол-ны дирхамов из Средней Азии в Прикамье. Дирхам находился на зубах покойного и ис-пользовался как погребальная маска (БМ15/26) (рис. 3.-11).

Погребение 350. Погребение женское (возраст погребённой не определён). В по-гребении обнаружено четыре бронзовые монетовидные подвески в плохом состоянии (практически тлен). Одна подвеска находилась на тлене черепа и три подвески на гру-

ди, по-видимому, в составе ожерелья из стеклянных бусин. Одна подвеска была найдена под фрагментом меха, благодаря которому удалось обнаружить, что подвески были украшены приклеенными серебряными брактеатами — подражаниями сасанидским драхмам Хосрова II (БМ15/354–355). В. С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII — первой половине IX в., с тяготением к началу периода.

Погребение 356. Погребение женское (возраст погребённой $2 \pm 0,5$ года). На груди в составе ожерелья из стеклянных бусин найдены две бронзовые монетовидные подвески с отверстием для подвешивания и приклеенными серебряными брактеатами под Сасанидов (БМ15/428).

Погребение 415. Погребение женское (возраст погребённой не определен). Кости в погребении не сохранились. В районе головы обнаружен дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 31[х] г. х. Вторая половина 920-х гг. (БМ17/83) (рис. 3.-12). Монета использовалась в качестве погребальной маски.

Погребение 434. Погребение мужское (возраст погребённого не определен). Кости в погребении не сохранились, кроме скопления зубов верхней и нижней челюсти. В районе головы обнаружены два дирхама с очень сильной степенью стёртости, которые, по всей видимости, располагались на глазах умершего и использовались в качестве погребальной маски. Оба дирхама имеют по три пробитых шилом отверстия, которые использовались для пришивания.

1. Дирхам «Аббасиды, ал-Му'тасим би-ллах, аш-Шаш, 219 г. х. (834). Найден правее района черепа и немного выше скопления зубов (БМ18/94) (рис. 4.-1).

2. Дирхам среднеаббасидского периода, ок. 850–865 гг. Найден левее района черепа и ниже скопления зубов (БМ18/97) (рис. 4.-2).

Погребение 461. Погребение мужское (возраст погребённого не определен, но, исходя из размеров погребения, похоронен в нём, вероятно, юноша). Кости в погребении не сохранились, кроме скопления зубов верхней и нижней челюсти. В районе головы, несколько левее предполагаемого места расположения черепа, на уровне глазниц обнаружена одна монета с очень сильной степенью стёртости, которая, по всей видимости, располагалась на глазах умершего и использовалась в качестве погребальной маски. Монета имеет пробитое отверстие, которое использовалось для пришивания или подвешивания.

1. Драхма Хосрова II, год находится под патиной и стёрт (БМ19/23) (рис. 4.-3).

Погребение 482. Погребение мужское (возраст погребённого не определен). В районе головы обнаружены три дирхама, расположенные треугольником, которые, по всей видимости, располагались на глазах и рту умершего и использовались в качестве погребальной маски. Все дирхамы имеют по 2–3 пробитых ножом отверстия, которые использовались для пришивания.

1. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 315 г. х. (927/928) (БМ19/233) (рис. 4.-4). Имеет два пробитых ножом отверстия, находящиеся друг напротив друга, которые использовались для пришивания.

2. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 316 г. х. (928/929) (БМ19/233) (рис. 4.-5). Имеет два пробитых ножом отверстия, находящиеся друг напротив друга, которые использовались для пришивания.

Рис. 4. Монеты из Баяновского могильника: 1–2 – погребение 434; 3 – погребение 461; 4–6 – погребение 482; 7 – погребение 486; 8 – погребение 499

Fig. 4. Coins from the Bayanovsky burial ground: 1–2 – burial 434; 3 – burial 461; 4–6 – burial 482; 7 – burial 486; 8 – burial 499

3. Дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 320 г. х. (932/933) (БМ19/233) (рис. 4.-6). Имеет три пробитых ножом отверстия, расположенных в виде треугольника, которые использовались для пришивания.

Погребение 486. Погребение мужское (возраст погребённого не определен). Кости в погребении не сохранились. В центральной части погребения (ориентировочно в районе правой плечевой кости), у западной стенки обнаружен дирхам Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 303 г. х. (916/917) (БМ20/8). С одной стороны дирхама пробито отверстие остриём ножа в виде треугольника для возможности пришивания или подвешивания (рис. 4.-7).

Погребение 499. Кости в погребении не сохранились. В центре погребения обнаружен дирхам Аббасиды, ал-Ма'мун, Мадинат Зарандж, 208 г. х. (825 г.) с именем пра-

вителя Хорасана Тахирида Талхи ибн Тахира (БМ21/226). Из обращения такие дирхамы вышли в последней трети IX в., что подтверждает датировку данной части могильника — конец IX в. (рис. 4.-8).

Погребение 513. Останки в погребении принадлежат женщине, умершей в возрасте 20–25 лет. Кости в погребении не сохранились, за исключением зубов в северной части погребения. В погребении обнаружено три серебряные монетовидные подвески в плохом состоянии (практически тлен). Одна подвеска находилась в районе зубов погребённой, незначительно ниже. (БМ22/53); вторая — в западной части погребения (ориентировочно в районе правого локтя погребённой) (БМ22/60); третья — в западной части погребения (ориентировочно немного выше стоп погребённой). Вероятно, данные монетовидные привески скатились вдоль тела при истлевании мягких тканей с более высокой точки погребённой (вероятнее всего, черепа, лежащего на подушечке), так как остальной материал находится в соответствии с прижизненным костюмом, без больших сдвигов. Вероятнее всего, данные три монетовидные подвески находились на глазах и рту погребённой и являлись погребальной маской.

Погребение 515. Кости в погребении не сохранились, за исключением скопления зубов на условной оси погребения в северной его части. Зубы принадлежат ребенку (пол не определён), умершему в возрасте 5–7 лет. В 10 см выше и ниже скопления зубов обнаружены две серебряные монетовидные подвески. Подвеска, найденная выше зубов, представляла собой практически тлен, подвеска, найденная ниже зубов, была немного лучшей сохранности (БМ22/104). Вероятно, данные монетовидные подвески служили погребальной маской и вполне возможно, что была третья подвеска, которая превратилась в тлен и не была зафиксирована.

Сектор А 2014 г. (разграбленная часть могильника). В межмогильном пространстве на разграбленной части памятника (квадрат Т/12) найден фрагмент дирхама Саманиды, Наср ибн Ахмад, выпускные данные обломаны, но понятно, что самое начало 300-х гг. х., т. е. около 914–920-х гг. (БМ14/33) (рис. 3.-10).

Грабительская яма 7. В перемешанном слое грабительских отвалов найден небольшой фрагмент дирхама рядом с зубами (БМ05/584). По-видимому, монета использовалась в качестве погребальной маски.

В целом хронологические рамки чеканки монет и брактеатов, найденных на Баяновском могильнике, выглядят следующим образом:

САСАНИДЫ (224–651 гг.)

Хосров II (590–628).

Дарабгерд, Парс (?). Вторая половина VIII — первая половина IX в, с тяготением к началу периода.

ОМЕЙЯДЫ (УМАЙЯДЫ) (661–750 гг.)

Аль-Валид I (705–715 гг.)

Дарабджирд, 93 г. х. = 711/712

???

Васит 740-х гг.

«АББАСИДЫ (750–1258 гг.)***ал-Ма'мун (813–833 гг.)***

Мадинаг Зарандж, 208 г. х. (825 г.) с именем правителя Хорасана Тахирида Талхи ибн Тахира

Мадинаг ас-Салам, 217 г. х. (823/833)

ал-Му'тасим би-ллах (833–842 гг.)

аш-Шаш, 219 г. х. (834).

??? (850–865 гг.)**САМАНИДЫ (819–999 гг.)*****Исма'ил ибн Ахмад (892–907 гг.)***

место чеканки стёрто, 28х г. х. (893–902).

Самарканд, 286 г. х. (898/899).

аш-Шаш, 290 г. х. (902/903).

Балх, 291 г. х. (903/904).

Балх, 293 г. х. (905/906).

Ахмад ибн Исма'ил (907–914 гг.)

аш-Шаш, 295 г. х. (907/908)

аш-Шаш, 298 г. х. (910/911)

аш-Шаш, 301 г. х. (913/914)

Наср ибн Ахмад (914–943 гг.)

аш-Шаш, 301 г. х. (914)

аш-Шаш, 304 г. х. (916/917)

аш-Шаш, 316 г. х. (928/929)

аш-Шаш, 325 г. х. (936/937)

Самарканд, год (?), (914–943).

Самарканд, 30[2~6] г. х. (914–919).

Самарканд, 303 г. х. (916/917).

Самарканд, 305 г. х. (918/919).

Самарканд, 307 г. х. (919/920).

Самарканд, 31[x] г. х. Вторая половина 920-х гг.

Самарканд, 315 г. х. (927–928)

Самарканд, 320 г. х. (932–933)

Самарканд (?), 321 г. х. (933/934).

Андараба, 300 г. х. (единицы года пропущены резчиком штемпеля) (914–922).

Андараба (?), год потёрт. С именем халифа ал-Муктадира би-ллаха (908–932). В интервале 914–932 гг.

Балх, 302 г. х. (914/915)

место чеканки стёрто и патинировано, 30[×] г. х. (914–922)

выпускные данные обломаны, но понятно, что самое начало 300-х гг. х., т. е. около 914–920-х гг.

Подражание Саманидам (Насру ибн Ахмаду)

Дирхам Волжской Булгарии. Вторая четверть X в.

Заключение

Таким образом, монетная коллекция для этого достаточно крупного могильника сравнительно невелика. Как видно, самая ранняя монета на могильнике — дирхам Умайядов, чеканенный в Дарабджирде в 93 г. х. (711/712) из первой волны дирхамов из Средней Азии в Прикамье. Иранские монеты умайядской фазы III [Кулешов, 2009] начали обращаться в Средней Азии с 740–750-х гг., соответственно в середине VIII в. они начали поступать в Поволжье. Базовые памятники этой волны — Редикор, Элмед, Мыдлань-Шай [Кулешов, 20126]. Даты этих памятников — от середины VIII в. до первой половины IX в. Таким образом, Дарабджирд 93 г. х. появляется на территории Пермского Предуралья в интервале от середины VIII в. до середины IX в., в погребении монета должна была попасть в первой половине / середине IX в. для более позднего периода нахождение её экстраординарно.

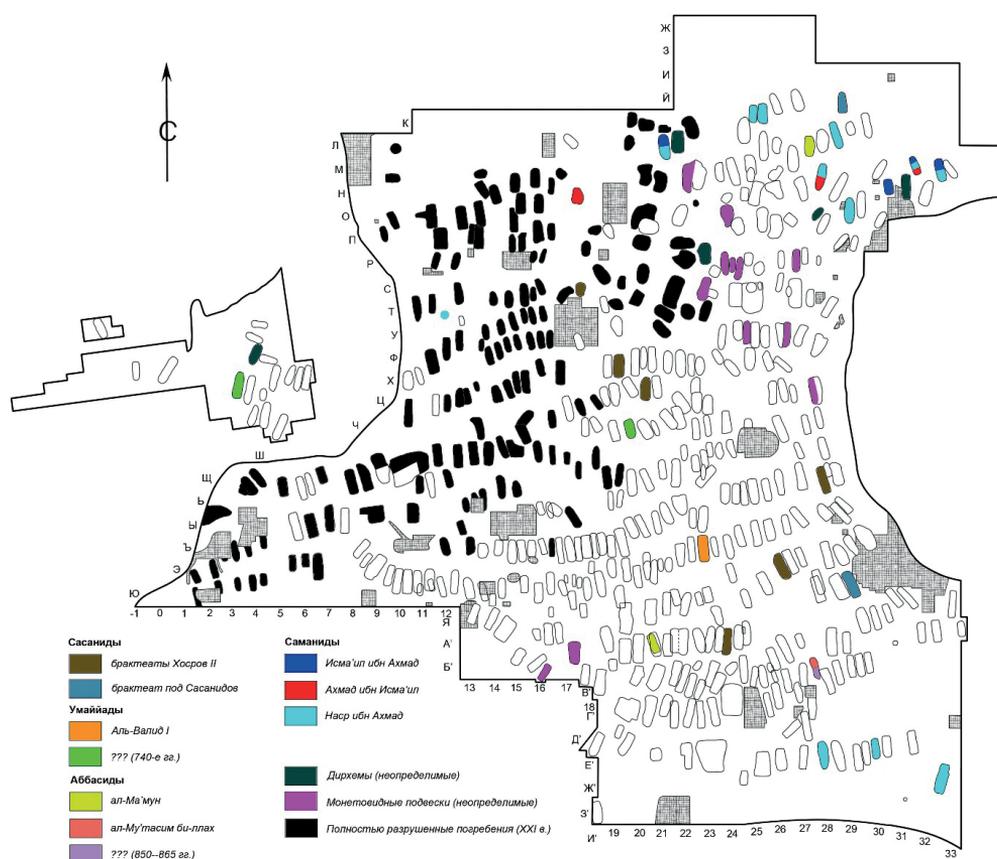

Рис. 5. Расположение монет и монетовидных подвесок на Баяновском могильнике
Fig. 5. The location of coins and pendants in the form of coins on the Buyanovo burial ground

Самые поздние монеты, представленные в коллекции, это саманидские дирхамы Наср ибн Ахмада, чеканенные в аш-Шаш в 325 г. х. (936/937). Суммарно чеканка пред-

ставленных в выборке монетных типов наиболее компактна на отрезке 893–922 гг. Такая структура выборки соответствует ранней поре III периода обращения арабского серебра в Восточной Европе, т. е. в целом — первой четверти X в., что позволяет их датировать в их вторичной функции не позднее 930–950 гг. [Кулешов, 2012а: 181]. Первая четверть X в. — время беспрецедентно быстрого ежегодного обновления монетной массы. Запаздывание дат в это время минимально, буквально считанные годы [Кулешов, 2012а: 171–172]. Таким образом, монеты подтверждают дату могильника IX — первая половина X в.

Расположение монет на могильнике также подтверждает эту дату памятника (рис. 5). Крайние погребения северо-востока и в меньшей степени юго-востока датируются первой половиной X в. Центральная же часть могильника датируется IX в.

Монеты на могильнике, хоть и не были большой редкостью, но использовались в основном в ритуальных целях, в качестве погребальной маски — 90,9% найденных монет (погребения 6, 33, 37, 40, 64, 69, 70, 266, 270, 275, 276, 280, 282, 283, 285, 316, 415, 434, 461, 482) и в 9,1% найденных монет (погребения 486 и 499) их функция не определена (вероятнее всего, они также были использованы в качестве маски). Также в 54,5% погребений с монетовидными подвесками они служили этой же цели (погребения 18, 20, 21а, 113, 122, 129, 139, 259, 272, 350 (?), 513, 515). И лишь в 45,5% погребений монетовидные подвески использовались как украшения (погребения 8, 51, 60, 92, 97, 101, 111, 136, 252, 356).

Рис. 6. Баяновский могильник. Погребение 276.

Расположение монет в качестве погребальной маски

Fig. 6. Buyanovsky burial ground. Burial 276. Arrangement of coins in the form of a death mask

Монеты-«украшения» располагались на бронзовых монетовидных подвесках и входили в состав шейных украшений. Монеты и монетовидные подвески — «погребальные маски» в основном нашивались на шёлковое посмертное лицевое покрытие в районе рта / глаз / глаз и рта погребённого. Монеты-маски так же, как и большинство металлических накладок-масок, изготовлялось из серебра, которое было сакральным металлом для угров. Маски выполняли, если судить по идеологическим представлениям угров, двойную функцию. Первая — матерчатое покрытие изолирует существо в виде мертвого тела от живых сородичей. Вторая — закрывая лицо умершего, сородичи как бы изолировались от «шонгота», или «души-тени», которая являлась первой в пантеоне реинкарнации угров. Однако по их представлениям это существо в виде мертвого человека может выходить из могилы с белым блестящим лицом, может быть деятельным, даже есть и пить. Поэтому вторая функция масок — показать важнейшие атрибуты этого деятельного существа: глаза, рот [Казаков, 1968: 237–238].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Данич А. В. Исследования Баяновского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. Пермь: ПГГПУ, 2016. С. 36–43.

Данич А. В. Монеты Бояновского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008а. Вып. 2. С. 16–18.

Данич А. В. Погребение 51 Бояновского могильника (обряд кремации) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008б. С. 460–464.

Казаков Е. П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Вып. 191. Пермь, 1968. С. 230–239.

Кулешов В. С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65: Первые каменные храмы Древней Руси : материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012а. С. 162–184.

Кулешов В. С. Комплекс Умайядских монет Элмедского клада и его выдающееся историко-культурное значение // Труды КАЭЭ. Вып 8. Пермь : ПГГПУ, 2012б. С. 218–227.

Кулешов В. С. Периодизация чеканки куфических дирхамов в халифате Умайядов (по данным нумизматических источников) // Труды государственного Эрмитажа. Материалы и исследования Отдела нумизматики. Вып. XLVIII. СПб. : ГЭ, 2009. С. 86–97.

Оборин В. А. Баяновский могильник на р. Косье // УЗ ПГУ, Т. IX, вып. 3. Труды КАЭ. Вып. 1. Харьков, 1953. С. 145–161.

Оборин В. А. Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК. Вып. 65. М., 1965. С. 107–118.

Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 12. Л., 1971. 204 с.

REFERENCES

Danich A. V. Issledovaniia Baianovskogo mogil'nika [Studies of the Bayanovsky burial ground]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Protivoavariinye issledovaniia pamiatnikov arkheologii Permskogo kraia* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic expedition. Emergency studies of archaeological monuments of the Perm region]. Perm', PGGPU, 2016. Is. XI. S. 36–43 (in Russian).

Danich A. V. Monety Boianovskogo mogil'nika [Coins of the Boyanovsky burial ground]. *Vestnik muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals]. Perm', 2008a. Is. 2. S. 16–18 (in Russian).

Danich A. V. Pogrebenie 51 Boianovskogo mogil'nika (obriad krematsii). Arkheologicheskaia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo nasledii Evrazii: *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii posviashchennoi 35-letiiu so vremeni obrazovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Burial of 51 Boyanovsky burial ground (cremation ceremony). Archaeological expedition: the latest achievements in the study of the historical and cultural heritage of Eurasia: Materials of the All-Russian scientific Conference dedicated to the 35th anniversary of the formation of the Kamsko-Vyatka archaeological expedition]. Izhevsk, 2008b. S. 460–464 (in Russian)

Kazakov E. P. O naznachanii pogrebal'nykh litsevykh pokrytii Tankeevskogo mogil'nika. (Ob odnom elemente pogrebal'nogo obriada) [About the purpose of the funerary face coverings of the Tankeyevsky burial ground. (About one element of the funeral rite)]. *Uch. zap. Perm. gos. un-ta* [Uch. zap. Perm. state University]. 1968. Is 191. S. 230–239 (in Russian).

Kuleshov V. S. Kievskie klady pervoi poloviny X v. i numizmaticheskaiia khronologiia mogil'nika na Starokievskoi gore [Kiev treasures of the first half of the 10th century and numismatic chronology of the burial ground on Starokievskaya Hill]. SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2012a. S. 162–184 (in Russian).

Kuleshov V. S. Kompleks Umayyadskikh monet Elmedskogo klada i ego vydaiushcheesia istoriko-kul'turnoe znachenie. [The complex of Umayyad coins of the Elmed treasure and its outstanding historical and cultural significance]. *Trudy KAE* [Works of KAE]. Perm': PGGPU, 2012b. Is. 8. S. 218–227 (in Russian)

Oborin V. A. Baianovskii mogil'nik na r. Kos've [Bayanovsky burial ground on the river Kosva]. *Trudy KAE* [Proceedings of the KAE]. Khar'kov, 1953. Is. I. S. 145–161 (in Russian).

Oborin V. A. Pamiatniki rodanovskoi kul'tury u s. Tabor [Monuments of Rodanov culture near the village of Tabora]. *KSIIMK* [KSIIMK]. M., 1965. Is. 65. S. 107–118 (in Russian).

Potin V. M. Monety v pogrebeniiakh drevnei Rusi i ikh znachenie dlia arkheologii i etnografii [Coins in the burials of ancient Russia and their significance for archeology and ethnography]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. L., 1971. Vol. 12. S. 204 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 16.06.2022.

Принята к публикации 30.09.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)4-04

Н. А. Константинов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)

В. И. Соенов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)

С. В. Трифанова

Алтайский государственный природный биосферный заповедник, Горно-Алтайск (Россия)

**РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПОК
НА МОГИЛЬНИКЕ КУРАЙКА В 2015 Г.**

В работе представлены результаты аварийных раскопок археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) на могильнике Курайка (Кош-Агачский район Республики Алтай) в 2015 г. Публикуются результаты изучения четырех погребений, находящихся на высоком обрыве размываемого края террасы на правом берегу реки Курайка. Два исследованных объекта представляли собой погребения взрослых людей, совершенные в относительно глубоких ямах под прямоугольными наземными сооружениями. К этим курганам были пристроены еще два небольших объекта, в которых находились детские погребения. Отмечено, что по своим характеристикам исследованные курганы соответствуют другим объектам, раскопанным на этом памятнике. Ближайшие аналогии погребениям могильника Курайка обнаруживаются на памятниках Ак-Кол-1 и Кальджин-6, исследованные на плато Укок (Южный Алтай). Общие черты погребального обряда, выявленные на исследованных объектах памятника, фиксируются также на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае. Погребения под наземными сооружениями прямоугольной формы относятся к кок-пашскому типу памятников булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени Алтая. Они датируются второй четвертью I тыс. н. э.

Ключевые слова: могильник Курайка, Алтай, гунно-сарматское время, предтюрокское время, кок-пашский тип, булан-кобинская культура.

Цитирование статьи:

Константинов Н. А., Соенов В. И., Трифанова С. В. Результаты спасательных раскопок на могильнике Курайка в 2015 году // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 56–73. DOI: 10.14258/nreur(2022)4-04.

N. A. Konstantinov

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

V. I. Soenov

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

S. V. Trifanova

Altai State Natural Biosphere Reserve, Gorno-Altai (Russia)

RESULTS OF RESCUE EXCAVATION AT THE KURAYKA BURIAL GROUND IN 2015

The paper presents the results of emergency excavations at the Kuraika burial ground (Kosh-Agach district of the Altai Republic) in 2015. Four burials were studied, located on a high cliff of the eroded edge of the terrace on the right bank of the Kuraika River. Two objects were burials of adults, made in relatively deep pits under rectangular ground structures. Two more small objects with children's burials were attached to these objects. According to their characteristics, the studied mounds correspond to other objects excavated at this site. The closest analogies to the burials of the Kuraika burial ground are found at the Ak-Kol-1 and Kaldzhin-6 sites, explored on the Ukok Plateau (Southern Altai). Common features of the funeral rite are also recorded at the Kok-Pash burial ground in Eastern Altai. Burials under ground structures of a rectangular shape of the second quarter belong to the Kok-Pash type of sites of the Hunno-Sarmatian time of Altai. They dated back to the second quarter of the 1st millennium AD.

Keywords: Kuraika, Altai, Hunno-Sarmatian time, pre-Turkic time, Kok-Pash type, Bulan-Koby culture.

For citation:

Konstantinov N. A., Soenov V. I., Trifanova S. V. Results of rescue excavation at the Kurayka burial ground in 2015. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 4. P. 56–73. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–04.

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск (Россия). **Адрес для контактов:** nikita.knstntnv@yandex.ru.

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, Горно-Алтайск (Россия). **Адрес для контактов:** soyonov@mail.ru.

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела науки Алтайского государственного природного биосферного заповедника, Горно-Алтайск (Россия). **Адрес для контактов:** trifanovasv@mail.ru.

Konstantinov Nikita Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia). **Contact address:** nikita.knstntnv@yandex.ru.

Soenov Vasily Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Gorno-Altai (Russia).

Contact address: soyonov@mail.ru.

Trifanova Synaru Veniaminovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Science Department of the Altai State Natural Biosphere Reserve, Gorno-Altai (Russia). **Contact address:** trifanovasv@mail.ru.

Введение

В конце мая 2014 г. из-за длительных проливных дождей на Алтае произошло наводнение, вызвавшее многочисленные разрушения мостов, дорожной инфраструктуры и затопление населенных пунктов. Мощный паводок стал разрушительным и для памятников археологии, многие из которых оказались смытыми. В 2015–2016 гг. нами проводились раскопки пострадавших памятников в Кош-Агачском районе Республики Алтай — могильники Курайка, Курайка-2 и Талдура II [Соенов, Константинов, Трифанова, 2016; Константинов, Урбушев, 2017; Константинов, Серегин, 2021]. С 2020 г. проводятся спасательные работы в Онгудайском районе на поселении Купчегень-1 [Константинов, 2021], которое, по сообщениям местных жителей, также получило значительные разрушения во время тех проливных дождей и продолжает размываться.

В этой статье представлены результаты аварийных раскопок на могильнике Курайка в 2015 г. Памятник был открыт В. И. Соеновым в 1994 г. Часть объектов уже тогда находилась в аварийном состоянии. В том же году под его руководством раскопано 19 погребений в северо-восточной части могильника и по всему краю террасы [Соенов, Эбель, 1998]. В 2001 и 2003 гг. проведены повторные раскопки нескольких объектов для получения образцов древесины дендрохронологическим отрядом археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством И. Ю. Слюсаренко и Е. С. Богданова. В 2005 и 2007 гг. в северо-восточной части могильника этим отрядом были раскопаны еще семь курганов [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008: 43]. В 2017–2019 гг. около 20 погребений и ряд ритуальных объектов памятника изучены Е. С. Богдановым и О. И. Новиковой [Богданов, Новикова, 2017; 2018].

Нами в 2015 г. осуществлены раскопки четырех аварийных объектов в северной части памятника. Предварительное сообщение о работах публиковалось в материалах конференции [Соенов, Константинов, Трифанова, 2016], а в этой работе представлены полные результаты аварийных работ.

Описание исследованных погребений

Могильник Курайка находится в северной части Курайской межгорной котловины, в 2 км к северо-востоку от села Курай (рис. 1). Могильник расположен на узкой высокой правобережной террасе реки Курайка. Терраса прилегает к склону одного из западных отрогов Курайского хребта. Береговой край террасы в северо-восточной части могильника подмывается рекой и представляет собой крутой обрыв высотой более 10 м.

В остальной части береговой террасы подмыванию края препятствуют деревья, которыми порос крутой склон берега.

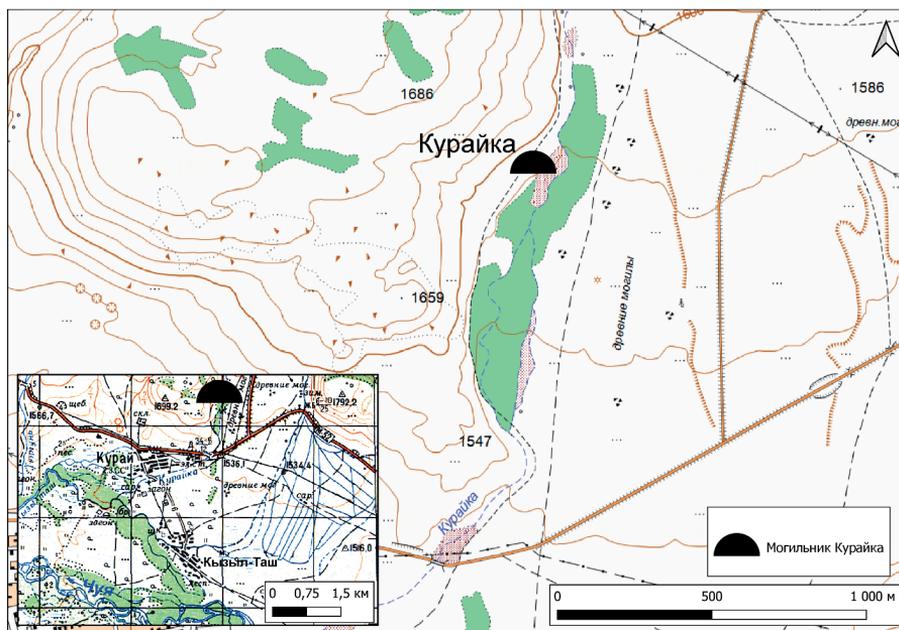

Рис. 1. Расположение могильника Курайка
Fig. 1. Location of the Kuraika burial ground

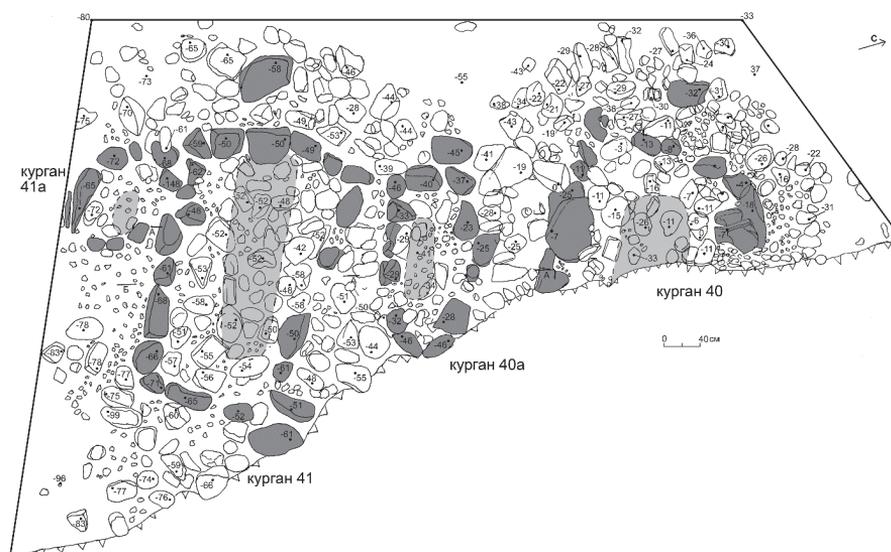

Рис. 2. План насыпей объектов, исследованных в 2015 г. на могильнике Курайка
Fig. 2. Plan of mounds of the objects investigated in 2015 at the Kuraika burial ground

В 2015 г. было исследовано четыре погребения в северной части памятника, расположенных на размываемом крае террасы и находящихся под угрозой разрушения (рис. 2). Одно из погребений (курган 40) частично уже осыпалось. До начала работ на участке земляных работ прослеживалось два кургана (по нумерации 1994 г. № 40 и 41). После зачистки развала каменной наброски были выявлены два небольших объекта, получивших обозначения — курганы 40а и 41а. Приведем описание изученных объектов.

Курган¹ 40 расположен в северо-восточной половине могильника, с южной стороны к объекту пристроен курган 40а, с северо-восточной располагался курган 34, разрушенный обвалом края террасы в период между 2007 и 2015 г. Первоначально полностью разрушенный на сегодняшний день курган 34 и курганы 40–42 составляли небольшую микроцепочку (рис. 2). Восточная половина кургана 40 разрушена, в обрыве террасы был виден контур профиля могильной ямы, заполнение которой отличалось более темным цветом. Курган имел прямоугольную форму, длинной стороной ориентирован по линии запад — восток, с небольшим отклонением в южный сектор. Размеры сохранившейся части развала насыпи 3,6х2,6 м. Насыпь слабо задернована, сложена из рваных и окатанных камней. По краям насыпи прослеживаются крупные камни крепиды. Крепида прямоугольной формы сложена из крупных каменных блоков и рваных камней. Размеры сохранившейся части крепиды составляют 2,4х1,7 м. С южной стороны крепиды зафиксированы древесные угольки. С западной стороны крепиды находился большой плоский камень размерами 0,4х0,5 м, вокруг которого зафиксированы камни меньших размеров, преимущественно округлой формы. Под камнем находок и объектов не обнаружено.

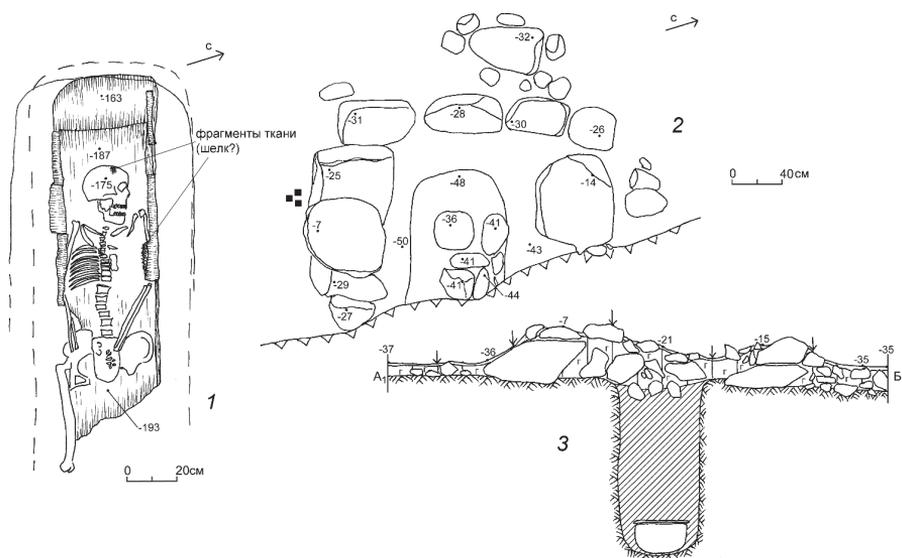

Рис. 3. План кургана 40. 1 — план погребения; 2 — план крепиды, 3 — профиль объекта
 Fig. 3. Plan of barrow 40. 1 — burial; 2 — stone base of barrow, 3 — profile of barrow

¹ Использование понятия «курган» к объектам могильника Курайка достаточно условно. К аналогичным объектам на других памятниках также применяется определение «ограда», «ограда-стенка» и т. д.

Рис. 4. Погребение в кургане 40 (1) и фрагмент погребения в кургане 41 (2)
 Fig. 4. Burial in barrow 40 (1) and a fragment of burial in barrow 41 (2)

Могильная яма имела овальную форму и ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 3.-2). Размеры сохранившейся части ямы в верхней части 1,1x1,3 м, глубина — 1,5 м. На дне находилась деревянная колода с перекрытием. Перекрытие представляло собой тонкие деревянные плашки, положенные поперек колоды. Размеры сохранившейся части колоды составляли 1,2x0,41x0,26 м. В колоде находились останки женщины², умершей

² Половозрастные определения погребенных индивидов в курганах 40, 40а и 41 выполнены кандидатом исторических наук Д. В. Поздняковым.

в возрасте 40–45 лет. Тело умершей было уложено в колоду вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 3.-1). Руки вытянуты вдоль тела, кисти рук лежали на костях таза. Сохранность погребения не полная, кости ног осыпались в овраг, сохранилась только правая бедренная кость (рис. 4.-1).

В области головы, локтевой и плечевой костей левой руки зафиксированы небольшие фрагменты шелка. На лицевой части черепа различимы следы красной краски, а в лобной части черепа и вокруг глазниц белый налет. На дне колоды под костяком прослеживается тлен белого цвета, наибольшая концентрация которого фиксируется под грудной клеткой и под костями таза. Инвентаря в погребении не обнаружено. При осмотре осыпи под обрывом не удалось найти недостающих костей, скорее всего, они были смыты рекой во время паводка.

Курган 40А располагался между курганами 40 и 41. Юго-восточный край погребения осыпался в овраг. Насыпь подовальной формы сложена из окатанных и рваных формы камней, по краю прослеживаются крупные камни крепиды. Размеры насыпи кургана 2,4х1,8 м. Крепида, имеющая подовальную форму (рис. 5.-1), была сложена из крупных окатанных камней. Размеры крепиды 2,1х1,4 м. С западной стороны крепиды лежит плоский крупный камень, имеющий размеры 0,4х0,25 м. Под камнем находок и объектов не обнаружено.

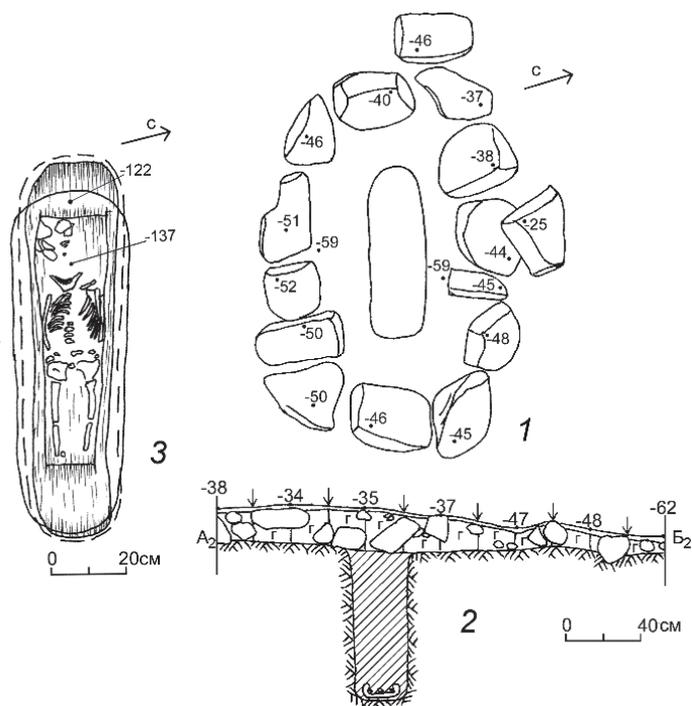

Рис. 5. План кургана 40а. 1 – план крепиды; 2 – профиль объекта; 3 – план погребения
 Fig. 5. Plan of barrow 40a. 1 – stone base of barrow; 2 – profile; 3 – burial of barrow

Рис. 6. Погребения в кургане 40а (1) и в кургане 41а (2)
 Fig. 6. Burials in barrow 40a (1) and in barrow 41a (2)

Могильная яма немного смещена от центра объекта в северный сектор. Яма имела вытянутую подовальную форму, ориентирована длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры ямы 0,95х0,3 м, глубина 0,8 м. На дне могилы находилась деревянная колода (рис. 5.-3). При зачистке колоды фиксировались небольшие фрагменты деревянного перекрытия. Размеры колоды 1х0,25х0,26 м. В колоде находились останки ребенка возрастом около 9 месяцев. Кости и череп ребенка имели плохую сохранность. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки и ноги вытянуты вдоль тела, головой на ЗСЗ (рис. 5.-3; 6.-1). Череп раздавлен. Под головой зафиксированы небольшие фрагменты ткани. Инвентаря в погребении не обнаружено.

Курган 41 расположен к югу от кургана 40, с севера и юга к кургану пристроены курганы 40А и 41А с детскими погребениями. Насыпь кургана имеет прямоугольную форму, длинной осью вытянута по линии ЗСЗ-ВЮВ. Сложена из рваных и окатанных камней. Размеры развала насыпи 5,4х2,4 м. По краю насыпи прослеживаются крупные камни крепиды. Крепида прямоугольной формы сложена из крупных, преимущественно окатанных камней (рис. 7.-2). Ее размеры составляют 3,1х1,8 м. С западной стороны крепиды расположен крупный плоский окатанный камень размером 0,7х0,4 м. Под камнем находок и объектов не обнаружено.

Размеры могильной ямы составляли 2,4х0,6 м, глубина 1,65 м. На дне ямы находилась деревянная колода (рис. 7.-1). Торцы колоды изготовлены из отдельных деревян-

ных деталей (рис. 4.-2). Размеры колоды — 2,27x0,5x0,2 м. В колоде находились останки мужчины, умершего в возрасте 35–40 лет. Тело было уложено на спину, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук лежали на тазовых костях. У головы зачищено деревянное блюдо с костями животного (рис. 4.-2). Другого инвентаря не обнаружено.

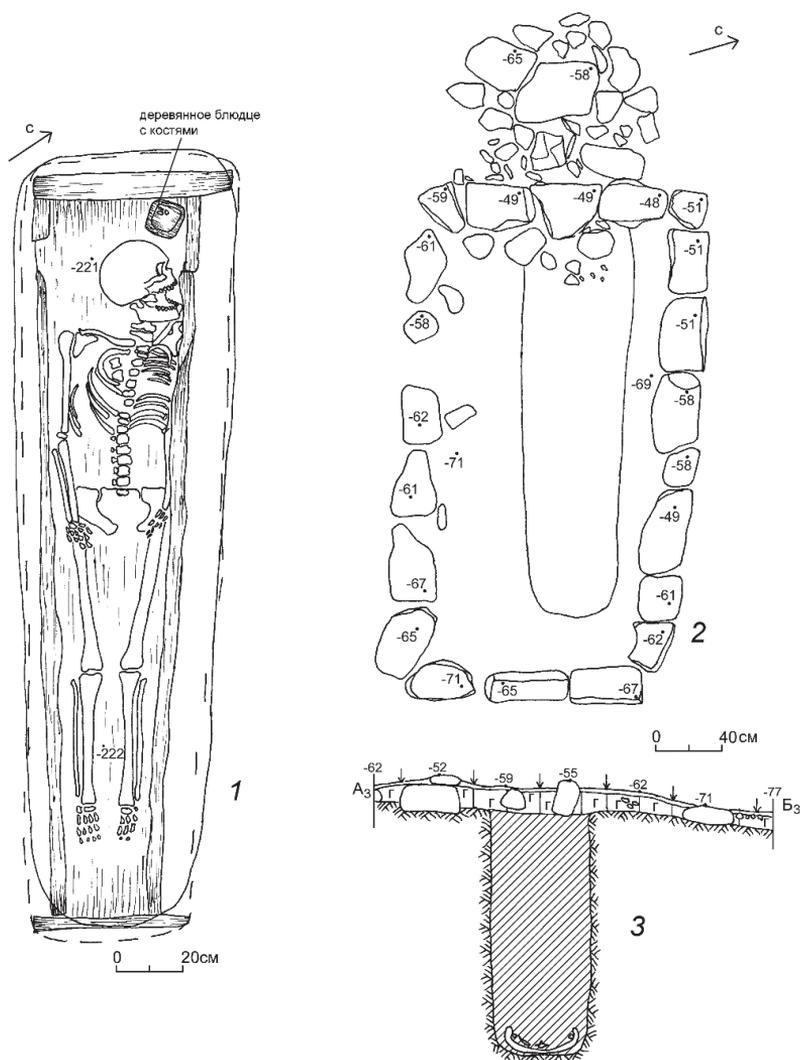

Рис. 7. План кургана 41. 1 – план погребения; 2 – план крепиды, 3 – профиль объекта
 Fig. 7. Plan of barrow 41. 1 – burial; 2 – stone base of barrow, 3 – profile of barrow

Курган 41А располагался в юго-западной части раскопа, между раскопанным курганом 41 и курганом 42, находящимся на безопасном отдалении от края обрыва и не включенном в участок зачистки. Объект имел округлую форму, его насыпь сложена из небольших окатанных камней. Размеры 1,2x0,9 м. По краю был выложен круп-

ными окатанными камнями (рис. 8.-3). В западной части крепиды находился большой вертикально установленный камень.

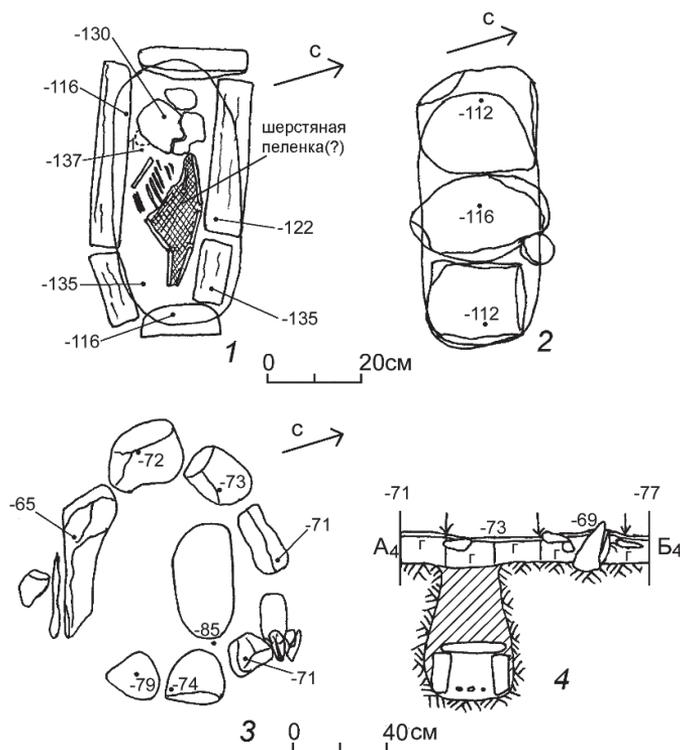

Рис. 8. План кургана 41а. 1 – план погребения; 2 – план перекрытия; 3 – план крепиды; 4 – профиль объекта

Fig. 8. Plan of barrow 41a. 1 – burial; 2 – stone cover of burial; 3 – stone base of barrow; 4 – profile of barrow

После разбора насыпи и зачистки крепиды в ВСВ части выявлено пятно могильной ямы. Размеры ямы 0,57x0,21 м, глубина 0,52 м. На глубине 0,27 м выявлено перекрытие из двух окатанных плоских камней и одного плоского рваного камня (рис. 8.-2). Под перекрытием находился ящик из шести камней, поставленных на ребро (рис. 8.-1; 6.-2). Размер ящика 60x30 см. Благодаря плотно подогнанным плитам, ящик лишь частично был засыпан землей, в нем образовалась воздушная камера. В ящике находилось погребение младенца, завернутого в шерстяную (?) пеленку (рис. 8.-1; 6.-2). Умерший был уложен в могилу на спину головой на ЗСЗ. Инвентаря в погребении не обнаружено.

Культурно-хронологическая атрибуция изученных объектов

При первой публикации могильник Курайка был датирован III–V вв. н. э. [Соенов, Эбель, 1998]. Надо отметить, что инвентарь, обнаруженный при раскопках объектов, весьма немногочисленный. Он включает в себя предметы вооружения (накладки на лук,

кинжал), деревянную и керамическую посуду, украшения и детали костюма. Находки, безусловно, указывают на принадлежность к первой половине I тыс. н. э., но по большей части не имеют существенного значения для установления более узкой хронологической принадлежности. К относительно узко датированным находкам можно отнести серьгу со щитком в виде двух концентрических спиралей. Такие специфичные серьги, судя по всему, являются изобретением местных алтайских мастеров под влиянием саянбийских мотивов и датируются второй половиной III–V вв. н. э. [Соенов, Трифанова, 2018: 32].

В этом контексте стоит отметить, что благодаря хорошей сохранности деревянных внутримогильных конструкций, материалы раскопок могильника Курайка привлекались для дендрохронологического анализа. Были исследованы образцы внутримогильных конструкций и получена плавающая дендрошкала протяженностью 144 года. Для установления абсолютной датировки проводился радиоуглеродный анализ (изучены 11 образцов) и осуществлена процедура «подгонки по зубцам» (wiggle-matching). Верхняя дата полученной дендрошкалы была установлена 240 г. н. э. [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008: 47]. Учитывая, что внешние кольца не сохранились ни у одного из образцов [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008: 46], верхняя хронологическая граница не должна быть раньше середины III в. Проведенная радиоуглеродная датировка образца кости человека из исследованного в 2015 г. кургана 41 подтверждает такую датировку [Konstantinov et al, 2018: табл. 1].

По конструктивным особенностям наиболее близкие аналогии погребениям, исследованным на Курайке, демонстрируют объекты на могильниках Аккол-1 (один объект) и Кальджин-6 (семь объектов), раскопанные в 1993–1994 гг. на плато Укок [Молодин, 1997а; 1997б; Археологические памятники плоскогорья Укок, 2004]. Эти погребения имели надмогильные сооружения, в основе которых были прямоугольные ограды-крепиды из уложенных друг на друга или, в некоторых случаях, из поставленных на ребро каменных плит. Внутри оград-крепид находились глубокие ямы до 2,35 м. Внутримогильные сооружения представлены деревянными конструкциями — колоды и ящики. Погребения имели деревянные перекрытия. Судя по опубликованным чертежам, в некоторых случаях рядом с одной из узких сторон крепид также находились уложенные плашмя крупные плоские камни.

Особо стоит отметить, что на могильнике Кальджин-6 к объекту 43, в могильной яме которого находилось погребение взрослого человека, была пристроена небольшая ограда с погребением младенца в каменном ящике [Археологические памятники плоскогорья Укок, 2004: 169–170]. Полностью аналогичная ситуация была зафиксирована нами при изучении объектов 41 и 41а. Судя по всему, эти случаи демонстрируют особенности младенческих погребений.

На крупном погребально-поминальном комплексе Кок-Паш, расположенном в долине реки Чулышман в Восточном Алтае, исследовано значительное количество погребений предтюркского времени, совершенных под подпрямоугольными надмогильными сооружениями [Бобров, Васютин, Васютин, 2003: 14]. По материалам этого памятника и других комплексов Восточного Алтая (Пазырык, Балыктуюль, Коо I) был выделен кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени [Елин, Ва-

сютин, 1984: 35; Елин, 1990]. Некоторые исследователи даже предлагают использовать понятие кок-пашская культура [Худяков, 1993: 70–74; История Сибири, 2019: 181–183]. В. Н. Елин обозначил особенности памятников кок-пашского типа: наличие надмогильных сооружений в виде прямоугольных и округлых оград и оград-крепид; типологически разнообразные внутримогильные конструкции; вытянутое положение тел умерших; своеобразие вещевых комплексов, испытавших влияние материальной культуры хунну; хронологические рамки III–V вв. н. э.; локализация памятников на территории Восточного Алтая.

Однако памятники, объединенные в один тип, демонстрируют существенное разнообразие объектов и внутренние различия. После накопления материалов по археологии Алтая первой половины I тыс. н. э. стало очевидно, что в «чистом» виде погребальные конструкции, выглядящие как некий единый монолитный комплекс, фиксируются на могильниках Курайка, Аккол-1 и Кальджин-6. Объекты на этих памятниках четко отделяются от собственно булан-кобинских объектов. Надо отметить, что на могильнике Кальджин-6 также раскопаны объекты № 17 и 18, представляющие собой погребения в каменных ящиках, установленных в неглубокие ямы под небольшими овальными выкладками [Археологические памятники плоскогорья Укок, 2004: 161–163]. Эти объекты по особенностям конструкций отличаются от других исследованных на могильнике Кальджин-6 объектах и близки «классическим» булан-кобинским погребальным памятникам.

Могильник Кок-Паш и другие погребальные комплексы Восточного Алтая демонстрируют своеобразие, но все-таки погребальные конструкции и способы захоронения имеют также и собственно булан-кобинские элементы погребального обряда, зафиксированные в других районах Алтая. Обращает на себя внимание, как неоднократно подчеркивалось специалистами, что среди нескольких десятков исследованных погребений первой половины I тыс. н. э. в Восточном Алтае отсутствуют объекты с сопроводительным захоронением лошади. Исследователи считают, что памятники предтюркского времени Восточного Алтая были оставлены смешанным населением — пришлыми «кок-пашцами» и местными «булан-кобинцами» [Соенов, 1997: 20–21; Серегин, Матренин, 2016: 164].

Исследователи указывали на аналогичные четырехугольные надмогильные сооружения среди отдаленных, хронологически и географически, хуннских погребальных памятников и более близких объектов кокэльской культуры Тувы [Елин, Васютин, 1992: 142, 144; Худяков, 1993: 74]. Антропологические исследования краниологических материалов из погребений могильников Ак-Кол-1 и Кальджин-6, первоначально отнесенных к концу I тыс. до н. э. [Молодин, 1997] и могильника Кок-Паш показали преобладание монголоидного морфологического комплекса, близость погребенных индивидов к центральноазиатскому антропологическому типу в целом и могильнику Кокэль в частности [Ким, 1990: 135; Чикишева, Поздняков, 1997: 155; 2000: 127]. Отмечалась антропологическая неоднородность популяций, однако общая тенденция заключается в том, что в популяции южных и восточных районов Алтая позднего периода гунно-сарматского времени появляются индивиды центральноазиатского расового типа [Поздняков, Чикишева, 2021: 598]. Рассмотрение серии из пяти мужских и четырех

женских черепов могильника Курайка И. Р. Газимзяновым, позволило ему охарактеризовать мужской краниологический комплекс памятника как европеоидный морфотип с включением некоторых монголоидных признаков [Газимзянов, 2018: 139]. Однако эти данные не согласуются с выводами, обозначенными в указанных выше работах и другими сведениями [Серегин, Матренин, 2016: 163].

Обозначенные археологические наблюдения, как и данные антропологии, позволяют связать появление погребений, относящихся к кок-пашскому типу, с притоком нового населения, скорее всего, с территории Тувы. Произошло это, если исходить из датировки памятников, в первой половине — середине III в. н. э. Учитывая наблюдения антропологов, можно прийти к выводу, что пришедшие «кок-пашцы» вместе с собственно «булан-кобинцами» послужили одним из компонентов в формировании раннесредневекового тюркского населения.

Заключение

Одной из проблем изучения гунно-сарматского времени Алтая до сих пор остается введение в научный оборот полных результатов изучения значительного корпуса источников по раскопанным погребально-поминальным комплексам. Изучение аварийных объектов могильника Курайка, проведенное в 2015 г., дополняют фонд источников по археологии Алтая второй четверти I тыс. н. э. В целом, рассмотренные объекты соответствуют другим погребениям, изученным на памятнике в другие годы. Эти объекты относятся к кок-пашскому типу второй четверти I тыс. н. э. Появление могильников этого типа, видимо, связано с переселением на юг и восток Алтая новой группы населения. Антропологические заключения и характеристики погребальных конструкций, близкие кокэльской культуре Тувы, позволяют предположить, что движение населения было с территории этого региона. Однако нельзя исключать и другие районы Центральной Азии в качестве истоков миграции.

Благодарности

Выражаем благодарность кандидату исторических наук Д. В. Позднякову, определившему пол и возраст погребенных индивидов в курганах 40, 40а и 41, за предоставленные сведения.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20–78–10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2004. 256 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2003. 224 с.

Богданов Е. С., Новикова О. И. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 275–279.

Богданов Е. С., Новикова О. И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 229–233.

Газимзянов И. Р. Новые данные по краниологии населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 17–162.

Елин В. Н. Кок-пашский тип памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 119–136.

Елин В. Н., Васютин А. С. Наземные погребальные сооружения предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая (методика раскопок и вопросы классификации) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 135–154.

Елин В. Н., Васютин А. С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово : КемГУ, 1984. С. 35–39.

История Сибири. Т. 2: Железный век и Средневековье. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2019. 643 с.

Ким А. Р. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н. э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. Вып. I. С. 134–136.

Константинов Н. А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 19–33.

Константинов Н. А., Серегин Н. Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрков в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 229–248.

Константинов Н. А., Урбушев А. У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 4. С. 51–64.

Молодин В. И. Могильник Кальджин-6 и Ак-Кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 1997а. Т. III. С. 230–232.

Молодин В. И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // Российская археология. 1997б. № 1. С. 37–49.

Поздняков Д. В., Чикишева Т. А. Население булан-кобинской культуры по антропологическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИЭАТ СО РАН, 2021. Т. XXVI. С. 594–599.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. XI в. н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соёнов В. И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соенов В. И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Аварийные работы на могильнике Курайка (Южный Алтай) в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2016. С. 82–88.

Соенов В. И., Трифанова С. В. Серьги в виде двойной спирали из погребений Алтая гунно-сарматского времени // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 4 (24). С. 26–38.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992а. 116 с.

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири II в. до н. э. — V в. н. э. Новосибирск : НГУ, 1993. 89 с.

Чижишева Т. А., Поздняков Д. В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 116–131.

Чижишева Т. А., Поздняков Д. В. К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : АлтГУ, 1997. С. 154–159.

Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S. History and culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th-6th century AD // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 16. P. 103–115 (in English).

REFERENCES

Arheologicheskie pamyatniki ploskogor'ya Ukok (Gornyy Altaj) [Archaeological sites of the Ukok Plateau (Altai Mountains)]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2004. 256 s. (in Russian).

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. *Vostochnyy Altaj v epohu velikogo pereseleniya narodov* [Eastern Altai in the great migration of peoples period]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2003. 224 s. (in Russian).

Bogdanov E. S., Novikova O. I. Issledovatel'skie raboty na mogil'nike Kurajka (Gornyy Altaj) v 2017 godu [Research work at the Kuraika burial ground (Gorny Altai) in 2017]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2017. Vol. XVIII. S. 275–279 (in Russian).

Bogdanov E. S., Novikova O. I. K voprosu o kul'turnoj prinadlezhnosti mogil'nika Kurajka [On the question of the cultural affiliation of the Kuraika burial ground]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2018. Vol. XXIV. S. 229–233 (in Russian).

Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Antropologiya naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoe vremya [Anthropology of the population of Gorny Altai in the Hunno-Sarmatian

time]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2000. no. 3. S. 116–131 (in Russian).

Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. K osobennostyam morfologii naseleniya gunno-sarmatskogo vremeni central'nyh i vostochnyh rajonov Gornogo Altaya [To the features of the morphology of the population of the Hunno-Sarmatian time of the central and eastern regions of Altai Mountains]. *Social'no-ekonomicheskie struktury drevnih obshchestv Zapadnoj Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul: AltSU publ., 1997. S. 154–159 (in Russian).

Elin V.N. Kok-pashskij tip pamyatnikov predtyurkskogo vremeni v Gornom Altae [Kok-Pash type of sites of the pre-Turkic period in Gorny Altai]. *Problemy izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii Gornogo Altaya* [Problems of studying the ancient and medieval history of Altai Mountains]. Gorno-Altajsk, 1990. S. 119–136 (in Russian).

Elin V.N., Vasyutin A. S. Nazemnye pogrebal'nye sooruzheniya predkudyrginskogo vremeni na mogil'nike Kok-Pash iz Vostochnogo Altaya (metodika raskopok i voprosy klassifikacii) [Surface burial structures of the pre-Kudyrga time at the Kok-Pash burial ground from the Eastern Altai (excavation technique and classification issues)]. *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* [Materials for the study of the past of Altai Mountains]. Gorno-Altajsk, 1992. S. 135–154 (in Russian).

Elin V.N., Vasyutin A. S. Novye materialy predtyurkskogo vremeni iz Vostochnogo Altaya [New materials of the pre-Turkic period from the Eastern Altai]. *Problemy arheologii stepej Evrazii. Sovetsko-vengerskij sbornik* [Problems of archeology of the steppes of Eurasia. Soviet-Hungarian collection]. Kemerovo: KemSU publ., 1984. S. 35–39 (in Russian).

Gazimzyanov I. R. Novye dannye po kraniologii naseleniya Gornogo Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [New data on the craniology of the population of Gorny Altai in the Hunno-Sarmatian period]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archeology]. 2018. no. 4 (26). S. 17–162 (in Russian).

Istoriya Sibiri. Tom 2: Zheleznyj vek i Srednevekov'e [History of Siberia. Volume 2: The Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2019. 643 s. (in Russian).

Kim A. R. K paleoantropologii vostochnoj chasti Gornogo Altaya v pervoj polovine I tys. n. e. [On paleoanthropology of the eastern part of Gorny Altai in the first half of the 1st millennium AD]. *Ohrana i ispol'zovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and use of archaeological sites of Altai]. Barnaul: AltSU publ., 1990. Is. I. S. 134–136 (in Russian).

Konstantinov N. A. Predmetnyj kompleks poseleniya Kupchegen' — 1 (Central'nyj Altaj) [Subject complex of the Kupchegen-1 settlement (Central Altai)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and practice of archaeological research]. 2021. Vol. 33, no. 1. S. 19–33 (in Russian).

Konstantinov N. A., Seregin N. N. Pogrebal'no-pominal'nyj kompleks Kurajka-2 (Yugo-Vostochnyj Altaj): novye materialy k istorii tyurok v epohu Ujgurskogo kaganata [Funeral and memorial complex Kuraika-2 (South-Eastern Altai): new materials on the history of the Turks in the era of the Uighur Khaganate]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research]. 2021. no. 4. S. 229–248 (in Russian).

Konstantinov N. A., Urbushev A. U. Potrevozhennoe pogrebenie pazyrykskoj kul'tury v Yugo-Vostochnom Altae [Disturbed burial of the Pazyryk culture in the South-Eastern Altai]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij* [Proceedings of the laboratory of ancient technologies]. 2017. Vol. 13. no. 4. S. 51–64 (in Russian).

Molodin V. I. Mogil'nik Kal'dzhin-6 i Ak-kol-1 na ploskogor'e Ukok i ih kul'turno-hronologicheskaya interpretaciya [Burial ground Kaldzhin-6 and Ak-kol-1 on the Ukok plateau and their cultural and chronological interpretation]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 1997b. Vol. III. S. 230–232 (in Russian).

Molodin V. I. Nekotorye itogi arheologicheskikh issledovanij na yuge Gornogo Altaya [Some results of archaeological research in the south of Gorny Altai]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian archeology]. 1997b. no 1. S. 37–49 (in Russian).

Pozdnyakov D. V., Chikisheva T. A., Naselenie bulan-kobinskoj kul'tury po antropologicheskim dannym [The population of the Bulan-Koba culture according to anthropological data]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2021. Vol. XXVI. S. 594–599 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. Pogrebal'nyj obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. XI v. n. e. [The funeral rite of the nomads of Altai in the II century. BC. XI century. AD]. Barnaul: AltSU publ., 2016. 272 s. (in Russian).

Slyusarenko I. Yu., Bogdanov E. S., Soyonov V. I. Novye materialy gunno-sarmatskoj epohi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurajka) [New Materials of the Hunno-Sarmatian Epoch from Gorny Altai (Kuraika Burial Ground)]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri* [The study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altajsk, 2008. Is. 7. S. 42–57 (in Russian).

Soenov V. I. Pogrebal'nyj obryad naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epohu. *Dis. kand. ist. Nauk* [Funeral rite of the population of Gorny Altai in the Hun-Sarmatian era: Abstract of the thesis in Archaeology]. Barnaul, 1997. 22 s. (in Russian).

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Kurgany gunno-sarmatskoj epohi na Verhnej Katuni* [Mounds of the Hun-Sarmatian era on the Upper Katun]. Gorno-Altajsk: GAGPI publ., 1992a. 116 s. (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V. Avarijnye raboty na mogil'nike Kurajka (YUzhnyj Altaj) v 2015 godu [Emergency work at the Kuraika burial ground (Southern Altai) in 2015]. *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii (problemy interpretacii i sohraneniya)* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat publ., 2016. S. 82–88 (in Russian).

Soenov V. I., Trifanova S. V. Ser'gi v vide dvojnoj spirali iz pogrebenij Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Earrings in the form of a double helix from the Altai burials of the Hun-Sarmatian period]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and practice of archaeological research]. 2018. no. 4 (24). S. 26–38 (in Russian).

Hudyakov YU. S. *Arheologiya Yuzhnoj Sibiri II v. do n. e. V v. n. e.* [Archeology of Southern Siberia II century BC–V century AD]. Novosibirsk: NSU publ., 1993. 89 s. (in Russian).

Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S. History and culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th-6th century AD. *Archaeological Research in Asia*. 2018. Vol. 16. P. 103–115 (in English).

Статья поступила в редакцию: 14.04.2022.

Принята к публикации 16.10.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–05

Н. Н. Серегин

---

*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);***М. А. Демин**

---

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)***С. С. Радовский**

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);

РАНЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМ ЗЕРКАЛОМ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации объекта № 20 некрополя Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, частично исследован в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета. В ходе раскопок кургана № 20, локализованного в западной части некрополя, выявлено захоронение молодой женщины в каменном ящике. Анализ зафиксированных признаков обрядовой практики позволяет отнести данный объект к бийкенской археологической культуре раннескифского времени. Облик сопроводительного инвентаря, включающего немногочисленные украшения, а также металлическое зеркало, также характерен для предметного комплекса кочевников обозначенного периода. Принимая во внимание зафиксированные характеристики комплекса, а также результаты радиоуглеродного датирования, время сооружения публикуемого погребения представляется возможным определить в рамках второй половины VIII — первой половины VI в. до н. э.

Ключевые слова: Алтай, раннескифское время, погребение, металлическое зеркало, хронология, обрядовая практика.

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 74–85. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–05.

N. N. Seregin

---

*Altai State University, Barnaul (Russia)***M. A. Demin**

---

*Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)***S. S. Radovskiy**

Altai State University, Barnaul (Russia)

EARLY SCYTHIAN BURIAL WITH A METAL MIRROR FROM NORTHERN ALTAI

The article is devoted to the introduction into scientific circulation and cultural and chronological interpretation of object No. 20 of the Karban-I necropolis. This complex, located in the Chemal district of the Altai Republic, was partially explored in 1989–1990 by expedition of the Barnaul State Pedagogical University (now Altai State Pedagogical University). During the excavations of mound No. 20, located in the western part of the necropolis, a burial of a young woman in a stone box was revealed. An analysis of the recorded signs of ritual practice allows us to attribute this object to the Biyke archaeological culture of the early Scythian period. The appearance of the accompanying inventory, which includes a few decorations, as well as a metal mirror, is also characteristic of the object complex of the nomads of the indicated period. Taking into account the recorded characteristics of the complex, as well as the results of radiocarbon dating, it seems possible to determine the period of construction of the published burial within the second half of the 8th — first half of the 6th centuries BC.

Keywords: Altai, early Scythian period, burial, metal mirror, chronology, ritual practice.

For citation:

*Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S. Early Scythian burial with a metal mirror from Northern Altai. *Nation and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 4. P. 74–85.*

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–05.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** mademin52@mail.ru.

Радовский Святослав Сергеевич, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: radovskiy1996@mail.ru.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru.

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of Altai State Pedagogical University; Barnaul city (Russia).

Contact address: mademin52@mail.ru.

Radovsky Svyatoslav Sergeevich, postgraduate student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University; Barnaul city (Russia).

Contact address: radovskiy1996@mail.ru.

Введение

Металлические зеркала представляют собой довольно редкую группу находок в археологических комплексах горной части Алтая раннескифского времени. Вместе с тем такие предметы имеют большое значение в рамках культурно-хронологической и социальной интерпретации материалов данного периода. Кроме того, хорошо известны предположения о том, что металлические зеркала могли использоваться древним населением в ходе реализации определенных ритуальных действий. Так или иначе, подобные изделия традиционно привлекают внимание специалистов, и различные аспекты анализа находок из памятников Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени неоднократно рассматривались в научной литературе. В связи с этим публикация новых сведений о металлических зеркалах обозначенного периода, особенно о предметах, происходящих из закрытых комплексов, имеет большое значение. Данная статья посвящена введению в научный оборот одного из таких объектов, раскопанного на площади некрополя Карбан-I.

Характеристика источников

Археологический комплекс Карбан-I расположен на левом берегу Катуня, в 1,7 км к северо-западу от с. Куяс, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). Памятник выявлен в 1983 г. сотрудником Алтайского государственного университета М. Т. Абдулганеевым при осуществлении рекогносцировочных исследований в зоне предполагаемого водохранилища проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990 гг. более 40 объектов данного комплекса раскопаны участниками археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института (ныне — Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина. Установлено, что более 10 исследованных объектов памятника относятся к раннескифскому времени. Планиграфически рассматриваемые сооружения представляют собой несколько локальных групп. Основная масса захоронений обозначенного периода сосредоточена в западной части комплекса Карбан-I у подножья горы, ограничивающей долину. Кроме того, небольшая группа раннескифских курганов исследована в центре некрополя.

Рис. 1. Место расположения комплекса Карбан-I на карте-схеме Республики Алтай
 Fig. 1. Location of the Karban-I complex on the schematic map of the Altai Republic.

Курган № 20 выявлен в юго-западной части раскопа 2, включающего большую часть комплексов раннескифского времени. Обозначение «курган» в данном случае имеет условный характер, так как над каменным ящиком не была обнаружена насыпь из камней, которая, как правило, возводилась над погребениями рассматриваемого периода (рис. 2). При этом нельзя исключать, что наземная конструкция изначально была, но не сохранилась в связи со спецификой использованных материалов.

Рис. 2. Карбан-I. Вид с востока на каменный ящик объекта № 20
 Fig. 2. Carbane-I. View from the east of the stone box of object No. 20

В ходе раскопок обнаружен каменный ящик, сложенный из пяти крупных плит. Данная конструкция была заглублена в материк, и стенки ее не выступали над современной поверхностью почвы. Перекрытие ящика не обнаружено, но в юго-западной части заполнения находились три более крупных камня. Ящик, размеры которого по дну составляли 1,2×0,6 м, имел прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток (рис. 4.-1-2). Длинная северо-восточная стенка состояла из двух плит, за счет чего северный угол сооружения был немного скруглен.

Рис. 3. Карбан-1. Погребение кургана № 20
Fig. 3. Carbane-1. Burial of mound No. 20

Заполнение каменного ящика в основном состояло из гумусированного песка вперемешку с большим количеством мелкого обломочного материала. Дно могилы зафиксировано на глубине 40–45 см от современной поверхности (рис. 4.-3). Отметим, что наличие в верхней части заполнения слоя с мелкими овальными обломками, возможно, свидетельствует о том, что на протяжении какого-то периода верхняя часть плит каменного ящика выступала над поверхностью.

На дне ящика расчищен неполный скелет молодой женщины 16–17 лет, который находился в анатомическом порядке (определения к. и. н. А. Р. Кима) (рис. 3; 4.-2). Кости характеризовались плохой сохранностью. Зафиксирована часть скелета выше пояса и длинные кости ног, за исключением правой бедренной. По-видимому, умершая была положена в ящик головой на запад — северо-запад, на спину, с согнутыми в коленях ногами. Череп наклонен вперед и немного влево. Ключицы, ребра и вытянутые вдоль них плечевые кости фиксируют положение покойной на спине. В то же время согнутые ноги завалены влево. Левая рука согнута в локте, запястье подведено к левому плечу, кисть лежит на груди. Костей правого предплечья не зафиксировано. Под головой умершей обнаружена тонкая каменная плитка.

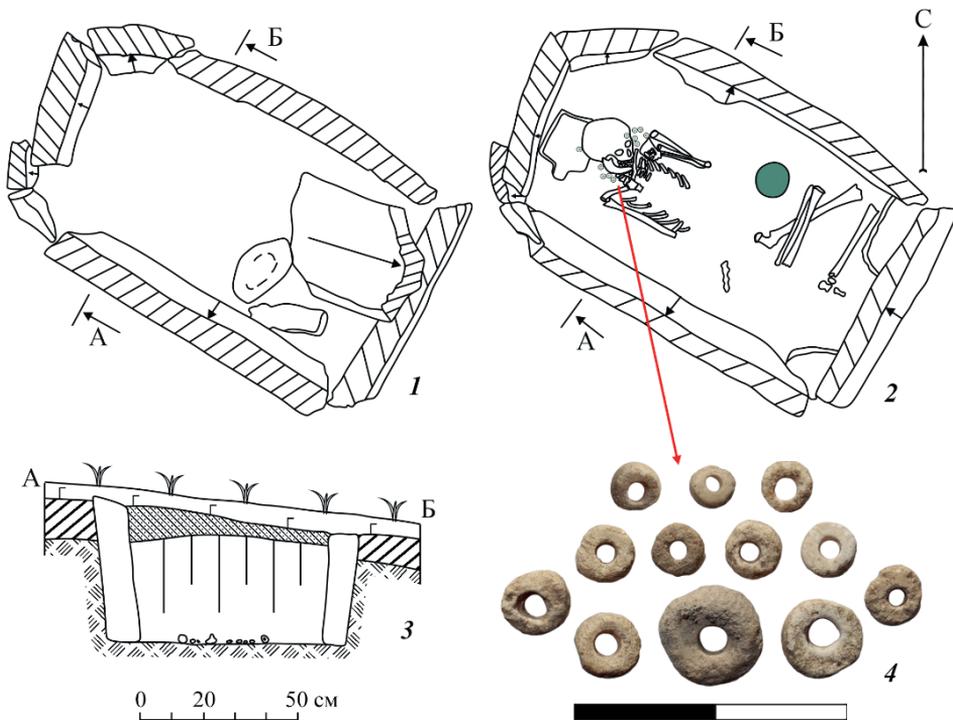

Рис. 4. Карбан-1, курган № 20. 1–3 – планы и разрез каменного ящика и захоронения;
4 – бусы из могилы

Fig. 4. Karban-1, mound No. 20. 1–3 – plans and section of the stone box and burial;
4 – beads from the grave

В погребении зафиксирован немногочисленный сопроводительный инвентарь. В левой части могилы, в районе пояса умершей, находилось круглое металлическое зеркало. Под ним обнаружена пара бронзовых пронизок — колечек разного диаметра (данные предметы не сохранились). В районе черепа — вдоль нижней челюсти, на лбу, у затылка, у левой ключицы и на груди, зафиксированы круглые плоские бусы, предположительно из белой пасты (?) (рис. 4.-2, 4).

Анализ и интерпретация материалов

Обряд захоронения, зафиксированный в ходе раскопок кургана № 20, характерен для населения бийкенской археологической культуры Алтая раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997: 47–48, 50–55; Тишкин, Дашковский, 2003: 151–152]. Показательными признаками публикуемого комплекса являются погребение в каменном ящике, заглубленном в материк; положение умершего человека на спине с согнутыми в коленях ногами, заваленными влево; ориентировка покойной в западный сектор горизонта. Вместе с тем, как в случае с несколькими другими объектами некрополя Карбан-1, наблюдается ряд отличий от наиболее распространенных традиций носителей обозначен-

ной общности. Прежде всего отметим отсутствие каменного надмогильного сооружения, характерного для всех культур рассматриваемого региона начиная с эпохи энеолита. Довольно редкой чертой кургана № 20 является сильное заглубление каменного ящика в материк, хотя следует признать, что данная особенность устройства погребальной камеры неоднократно фиксировалась в комплексах бийкенской культуры [Кирюшин, Тишкин, 1997: 47–48]. Не совсем обычным для захоронений носителей обозначенной общности является положение умерших на спине с подогнутыми ногами. При этом нельзя исключать, что корпус покойной был развернут на спину под давлением грунта.

Своеобразной характеристикой обрядовой практики, выявленной в захоронении объекта № 20 комплекса Карбан-I, является наличие каменной плитки (так называемой «подушки») под головой погребенной. В комплексах Алтая раннескифского времени подобные конструкции встречены весьма редко, что отчасти может быть связано с особенностями фиксации в ходе раскопок. Вместе с тем известны, по крайней мере, четыре такие находки, причем показательно, что все они происходят из северной части рассматриваемого региона [Демин, Гельмель, 1992: 30; Абдулганеев, 1994: 37; Тишкин, 1996: 22; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 30.-2]. Отдельные случаи помещения каменных «подушек» в погребения раннескифского периода отмечены и за пределами Алтая [Бернштам, 1952, рис. 11, 13; Степная полоса..., 1992, табл. 26.-36б, 38; Бейсенов, 2018: 139–143]. В скифо-сакское время данный элемент обряда был наиболее характерен для населения саглынской (уюкской) культуры Тувы [Грач, 1980: 30, Степная полоса..., 1992, табл. 73]. Носителями пазырыкской культуры Алтая наряду с каменными использовались «подушки» из дерева или других материалов [Кубарев, 1991: 28–29; Кубарев, Шульга, 2007: 12].

Принимая во внимание хорошо известную скудность наборов вещей, характерную для большинства погребений населения бийкенской культуры, сопроводительный инвентарь из захоронения кургана № 20 представляет значительный интерес.

Бусы из белой пасты (?), найденные в районе головы умершей, вероятно, представляют собой нашивки на одежду или ожерелье. Обнаружено 12 таких изделий диаметром 0,35–0,7 см (рис. 4.-4). Находки бус из разных материалов нередко фиксируются в археологических комплексах скифской эпохи Алтая [Кирюшин, Степанова, 1999: 66–70]. В погребениях бийкенской культуры в ряде случаев обнаружены от одной до нескольких сотен бусин [Абдулганеев, 1994: 37–38; Тишкин, 1996: 22; Кирюшин, Тишкин, 1997: 90–91, рис. 68.-3–6]. Такие находки выявлены и в других раннескифских захоронениях некрополя Карбан-I [Демин, Гельмель, 1992: 30–31; Серегин, Демин, Радовский, 2022: 341–347]. Другим элементом украшений из кургана № 20 являются две бронзовые пронизки, которые не сохранились. Они находились под металлическим зеркалом и, вероятно, использовались для декорирования ремешка, крепившего данное изделие к поясу. Находки бронзовых пронизок или бус рядом с зеркалом известны в материалах комплексов Алтая раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997: 38, рис. 10.-5; Шульга, 1998: 25].

Наиболее показательным элементом сопроводительного инвентаря из погребения кургана № 20 некрополя Карбан-I является металлическое зеркало (рис. 5–6). Данное изделие представляет собой округлый, слегка неровной формы диск, без бортика.

На оборотной стороне в центре зеркала имеется петля из тонкой широкой пластинки. В месте крепления держателя к диску выделяются небольшие выступы, по-видимому, сделанные для лучшей фиксации ручки. Диаметр зеркала — 10,3×9,7 см, толщина — 0,2 см. Ширина петли — 0,7 см, толщина — 0,2 см, высота держателя по отношению к диску — 0,7 см. находка покрыта патиной, отличающийся по цвету с внешней и внутренней сторон.

Рис. 5. Металлическое зеркало из захоронения объекта № 20 некрополя Карбан-1

Fig. 5. A metal mirror from the burial of object No. 20 of the Karban-1 necropolis

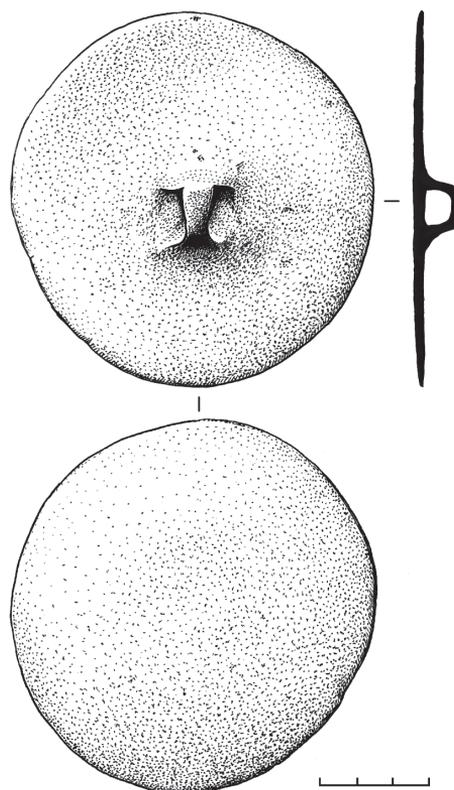

Рис. 6. Металлическое зеркало из захоронения объекта № 20 некрополя Карбан-1

Fig. 6. A metal mirror from the burial of object No. 20 of the Karban-1 necropolis

Металлические зеркала с гладким диском и центральной ручкой-петлей имеют широкий круг аналогий в археологических материалах Центральной и Северной Азии эпохи бронзы и раннего железного века [Жирюшин, Тишкин, 1997: 88; Могильников, 1997: 81; Ситников, 2015: 55]. Особенно много таких изделий найдено в ареале распространения тагарской культуры [Членова, 1967: 82]. В отличие от зеркал с бортиком, датирующихся достаточно узко в пределах VII–V вв. до н. э. [Кузнецова, 2010: 235–236], хронология изделий с гладким диском определяется более широко. В культурах скифской эпо-

хи данные предметы, судя по имеющимся сведениям, появились в VIII в. до н. э. и бытовали до IV в. до н. э. Имеются основания для предположения о том, что раннескифские зеркала отличаются большими размерами и массивностью по сравнению с такими изделиями скифо-сакского периода [Членова, 1967: 82–83; Тишкин, Серегин, 2011: 94].

В погребениях Алтая раннескифского времени обнаружена серия металлических зеркал, характеризующихся различными нюансами в оформлении [Могильников, 1986: 36; 1988: 71–72; Абдулганеев, 1994: 37; Тишкин, 1996: 44–45; Кирюшин, Тишкин, 1997: 38–39; Могильников, Суразаков, 1997: 128; Шульга, 1998: 25; Шульга, Демин, 2021: 27]. Большая часть предметов представляет собой округлый диск с бортиком и без такового, с центральной петлей. В одном захоронении обнаружено зеркало с боковой ручкой. Размер диска изделий варьирует от 6 до 18,5 см. Во всех случаях, когда было установлено расположение зеркала в могиле, такие находки были обнаружены в районе пояса умерших.

В целом, публикуемый предметный комплекс характерен для населения Алтая раннескифского периода и определяет время совершения захоронения кургана № 20 в широких рамках второй половины VIII — первой половины VI вв. до н. э.

Заключение

Захоронение кургана № 20 некрополя Карбан-I может быть уверенно отнесено к кругу объектов бийкенской культуры Алтая раннескифского времени. Об этом свидетельствуют характерные особенности погребального обряда, а также облик предметов сопроводительного инвентаря. Хронология данного захоронения, с учетом сравнительной невыразительности зафиксированного предметного комплекса, определяется в границах второй половины VIII — первой половины VI в. до н. э. Данному заключению не противоречит серия радиоуглеродных дат по материалам из погребений рассматриваемого памятника, которую планируется представить в специальной публикации.

Приведенная характеристика обнаруженного металлического зеркала подчеркивает актуальность работы, направленной на обобщение и систематизацию информации о подобных находках из археологических памятников Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени. Реализация такого исследования станет основанием для уточнения хронологии различных типов изделий, а также будет способствовать детализации представлений о значении металлических зеркал в традициях обрядовой практики древних кочевников.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, МД-792.2022.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.

Бейсенов А. З. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 139–149.

Бернштам. А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М. ; Л. : АН СССР, 1952. № 26. 346 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.

Демин М. А., Гельмель Ю. И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Барнаульский гос. пединститут, 1992. С. 28–34.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III веков до н. э. Т. II. М. : ТАУС, 2010. 426 с.

Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ. 1986. С. 35–67.

Могильников В. А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 60–107.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н. э. М. : Пушкинский научный центр РАН, 1997. 195 с.

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки Второго Сальдырского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАИГИ, 1997. С. 126–144.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Погребение раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. XXVIII. С. 341–347.

Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 494 с.

Тишкин А. А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Шульга П. И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 25–49.

Шульга П. И., Демин М. А. Курганы Сентелека. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 2021. 188 с.

REFERENCE

Abdulganeev M. T. *Maiemirskie kurgany Boitygema* [Mayemir burial mounds of Boitogem]. *Arkheologiya Gornogo Altaia* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994. S. 37–43 (in Russian).

Bejsenov A. Z. *Tasmolinskie pogrebeniya mogil'nika Kyzyl* [Tasmolin burials of the Kyzyl burial ground]. *Sovremennyye resheniya aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii* [Modern Solutions to Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Iss. 2. S. 139–149 (in Russian).

Bernshtam. A. N. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Central'nogo Tyan' — SHanya i Pamiro-Alaya* [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alay]. MIA. M.; L.: AN SSSR, 1952. no 26. 346 s. (in Russian).

Chlenova N. L. *Proiskhozhdenie i rannyya istoriya plemen tagarskoj kul'tury* [Origin and early history of the tribes of the Tagar culture]. M.: Nauka, 1967. 300 s. (in Russian).

Demin M. A., Gel'mel' Iu. I. *Kurgannoe pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaia* [Kurgan burial of the early Scythian period from Gorny Altai]. *Voprosy arkheologii Altaia i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla* [Questions of Archeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul: Barnaul'skii gos. pedinstitut, 1992. S. 28–34 (in Russian).

Grach A. D. *Drevnie kochevniki v centre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia]. M.: Nauka, 1980. 256 s. (in Russian).

Kiryushin YU. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast' III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednej Katuni* [Stepanova N. F. Scythian era of Gorny Altai. Part III: Funeral complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 s. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Tishkin A. A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaia. Chast' I. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya* [Scythian era of Gorny Altai. Part I. Culture of the population in the early Scythian time]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 s. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany YUstyda* [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 s. (in Russian).

Kubarev V. D., SHul'ga P. I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany CHui i Ursula)* [Pazyryk culture (kurgans Khui and Ursula)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 s. (in Russian).

Kuznecova T. M. *Zerkala Skifii VI–III vekov do n. e. T. II.* [Mirrors of Scythia VY–III centuries BC T. II.]. M.: TAUS, 2010. 426 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Nekotorye aspekty etnokul'turnogo razvitiya Gornogo Altaya v rannem zheleznom veke* [Some Aspects of the Ethnocultural Development of the Altai Mountains in the Early Iron Age]. *Materialy po arheologii Gornogo Altaya* [Materials on the archeology of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk: GANIIIYAL. 1986. S. 35–67 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Kurgany Ker-Kechu* [Mounds of Ker-Kechu]. *Problemy izucheniya kul'tury naseleniya Gornogo Altaya* [Problems of studying the culture of the population of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk: GANIIIYAL, 1988. S. 60–107 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine — vtoroj polovine I tys. do n. e.* [The population of the Upper Ob region in the middle — the second half of the I millennium BC.]. M.: Pushkinskij nauchnyj centr RAN, 1997. 195 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. *Raskopki Vtorogo Sal'diarskogo mogil'nika* [Excavations of the Second Saldiar burial ground]. *Istochniki po istorii Respubliki Altai* [Sources on the history of the Altai Republic]. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskii institut gumanitarnykh issledovanii, 1997. S. 126–144 (in Russian).

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. *Pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz urochishcha Karban (Severnyj Altaj)* [Early Scythian burial from the Karban tract (Northern Altai)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2022. Iss. XXVIII. S. 341–347 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Ranneskifskaya upryazh' VII — nach. VI vv. do n. e. po materialam pogrebeniya na r. CHarysh* [Early Scythian harness VII — beg. VI centuries. BC according to the materials of the burial on the river. Charysh]. *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* [Riding horse equipment in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998. S. 25–49 (in Russian).

SHul'ga P. I., Demin M. A. *Kurgany Senteleka* [Mounds of Sentelek]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2021. 188 s. (in Russian).

Sitnikov S. M. *Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya* [Culture of the Sargarin-Alekseevsky population of the forest-steppe and steppe Altai]. Barnaul: AltGPU, 2015. 254 s. (in Russian).

Stepnaya polosa aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. M.: Nauka, 1992. 494 s. (in Russian).

Tishkin A. A. *Pogrebal'nye sooruzheniia kurgannogo mogil'nika Biike i kul'tura naseleniia, ostavivshego ikh* [Burial structures of the Biike burial mound and the culture of the population that left them]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. S. 20–54 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi* [Social structure and system of worldviews of the population of Altai in the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 430 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Seregin N. N. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya (po materialam Muzeya arheologii i etnografii Altaya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya (po materialam Muzeya arheologii i etnografii Altaya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta)]. Barnaul: Azbuka, 2011. 144 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.06.2022.

Принята к публикации 26.10.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–06

Д. В. Папин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

В. Л. Кобзев

Независимый исследователь (Барнаул, Россия)

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРАВОБЕРЕЖНОМ БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ

Статья посвящена изучению материалов поселения Кошкаргаиха-1, расположенного на правом берегу Барнаульского Приобья. Приводится история открытия памятника, анализируется ландшафтное окружение объекта археологического наследия, на основе системного анализа керамической коллекции реконструируются процессы этнокультурного взаимодействия, протекавшие на территории исследуемого региона в бронзовом веке. Делается вывод о том, что выявлено два уровня обитания поселения, первый связан с продвижением населения андроновской культуры, второй — с периодом поздней бронзы. Второй горизонт характеризуется двумя культурными компонентами: наиболее массовый связан с автохтонным населением ирменской культуры, а мигранты представлены традициями саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы степного Алтая. Поселение Кошкарагаиха 1 является наиболее восточным памятником продвижения носителей степных культур в лесную зону Верхнего Приобья. Установлено, что наиболее близкие аналогии демонстрируют материалы поселения Фирсово 15 и 18, расположенного в Фирсовском археологическом микрорайоне. Общая хронология поселения Кошкаргаиха-1 рассматривается в пределах второго тысячелетия до нашей эры, чему не противоречат находки бронзовых ножей.

Ключевые слова: период средней и поздней бронзы, ирменская культура, Барнаульское Приобье.

Цитирование статьи:

Папин Д. В., Кобзев В. Л. Материалы периода средней и поздней бронзы в правом берегу Барнаульского Приобья // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 86–99. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–06.

D. V. Papin*Barnaul Laboratory of Archeology of Southern Siberia, IAE SB RAS, Novosibirsk (Russia)*

V. L. Kobzev*Independent researcher, Barnaul (Russia)*

MATERIALS OF THE MIDDLE LATE BRONZE AGE IN THE RIGHT-BANK BARNAUL PRIOB

The article is devoted to the study of materials from the Koshkargaikha-1 settlement located on the right bank of the Barnaul Ob region. The history of the discovery of the monument is given, the landscape environment of the archaeological heritage object is analyzed, and the processes of ethno-cultural interaction that took place on the territory of the studied region in the Bronze Age are reconstructed based on a systematic analysis of the ceramic collection. It is concluded that two levels of settlement habitation have been identified, the first one is associated with the advancement of the population of the Andronovo culture, the second with the Late Bronze Age. The second horizon is characterized by two cultural components: the most massive one is associated with the autochthonous population of the Irmen culture, and the migrants are represented by the traditions of the Sargarin-Alekseev culture of the Late Bronze Age of the steppe Altai. The settlement of Koshkaragaikha 1 is the most eastern monument of the advance of the bearers of the steppe cultures into the forest zone of the Upper Ob. It has been established that the closest analogies are demonstrated by the materials of the settlement Firsovo 18, located in the “Firsovsky archaeological microdistrict”. The general chronology of the Koshkargaikha-1 settlement is considered within the second millennium BC, which is not contradicted by the finds of bronze knives.

Keywords: Middle and Late Bronze Age, Irmen culture, Barnaul Ob region.

For citation:

Papin D. V., Kobzev V. L. Materials of the late Bronze Age in the right-bank Barnaul Ob region // Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 4. P. 86–99.

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–06.

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий барнаульской лаборатории археологии Южной Сибири ИАЭ СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** papindv@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Кобзев Владимир Леонидович, независимый исследователь, Барнаул (Россия)

Papin Dmitry Valentinovich, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head. Barnaul Laboratory of Archeology of Southern Siberia, IAE SB RAS, Novosibirsk (Russia).

Contact address: papindv@mail.ru

Kobzev Vladimir Leonidovich, independent researcher. Barnaul (Russia)

Введение

Правобережье на территории Барнаульского Приобья образует своеобразный регион, обусловленный выходом Приобского лесного бора в пойму Оби. Многочисленные протоки и старичные озера создавали комфортные условия для ведения комплексного многоотраслевого хозяйства в древности. Уже первые археологические исследования показали высокую степень освоенности территории в различные исторические периоды [Грязнов, 1956]. Древние поселения приурочены к первой и второй надпойменным террасам и пойменным песчаным дюнам, выделяются микрорайоны с высокой концентрацией объектов археологического наследия. Это комплексы Ближние Елбаны, Фирсовский археологический микрорайон, Малый гоньбинский кордон, где представлены все периоды древней истории региона [Шамшин, 1997; Кунгуров, 2007]. Наиболее изученным поселенческим объектом является Фирсово 18, здесь прослежены процессы этнокультурного взаимодействия эпохи поздней и финальной бронзы, связанные с традициями ирменской и корчажкинской культур [Федорук, Шамшин, Папин, 2008]. В последние годы были получены новые материалы, свидетельствующие о широком распространении близких групп населения и в южной части Барнаульского Приобья.

В 2012 г. Владимиром Леонидовичем Кобзевым на правом берегу старицы Кошкаргаиха в окрестностях с. Малая Речка были выявлены жилищные западины. Высокий уровень воды в Оби не позволял проверить имеющуюся информацию, но осенью 2017 г. удалось посетить местонахождение объекта историко-культурного наследия. В это время участок был распахан, а на поверхности визуально выделялось восемь жилищных западин, около и внутри западин находилось большое количество фрагментов керамики. В результате раскопки оказалась разрушена часть культурного слоя долговременного поселения эпохи поздней бронзы [Кирюшин, Кобзев, Папин, 2018].

Материалы исследования

Поселение Кошкаргаиха-1 расположено в 30 км к югу от Барнаула в Первомайском районе Алтайского края. Памятник находится на правобережье Оби, на правом берегу старицы Кошкаргаиха, в которую впадает Малая Речка, в 2,2 км к юго-западу от охотничьей базы, расположенной на реке Бойничиха и в 2,2 км к северо-западу от западной окраины с. Малая Речка. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 12 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми-останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. При паводках вода в Оби поднимается, почти полностью затопливая пойму и подтапливая останец, на котором находится поселение, превращая его в остров. Вода спадает только к августу. Окружающая растительность — луговая с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. Коренной берег Оби, расположенный в 1–1,5 км к западу от памятника, покрыт сосновым лесом [Кирюшин, Кобзев, Папин, 2018].

Объект археологического наследия приурочен к небольшому останцу коренного берега (0,2x0,14 км) подтреугольной формы, который ориентирован длинной стороной по линии запад — восток, а короткой — по линии север — юг, с севера и востока он омывается болотами и старичными озёрами старицы Кишкино, высота от уре-

за воды составляла более трех метров. Через памятник проходит грунтовая дорога, из с. Малая Речка по правому берегу старицы Кошкаргаиха, по направлению к охотничьей базе, расположенной на Бойничихе. Семь жилищных западин расположены в один ряд по «длинной», северной и самой высокой части останца. Жилищные западины овальной формы (немного вытянуты по линии восток — запад); хорошо выражены в рельефе (глубина от 0,7 до 1,2 м); имеют довольно крупные размеры (от 6х4 м до 10х8 м). Восьмая западина расположена в стороне от остальных, к северу от самой западной в ряду, ниже по сравнению с остальными, не очень хорошо выражена в рельефе.

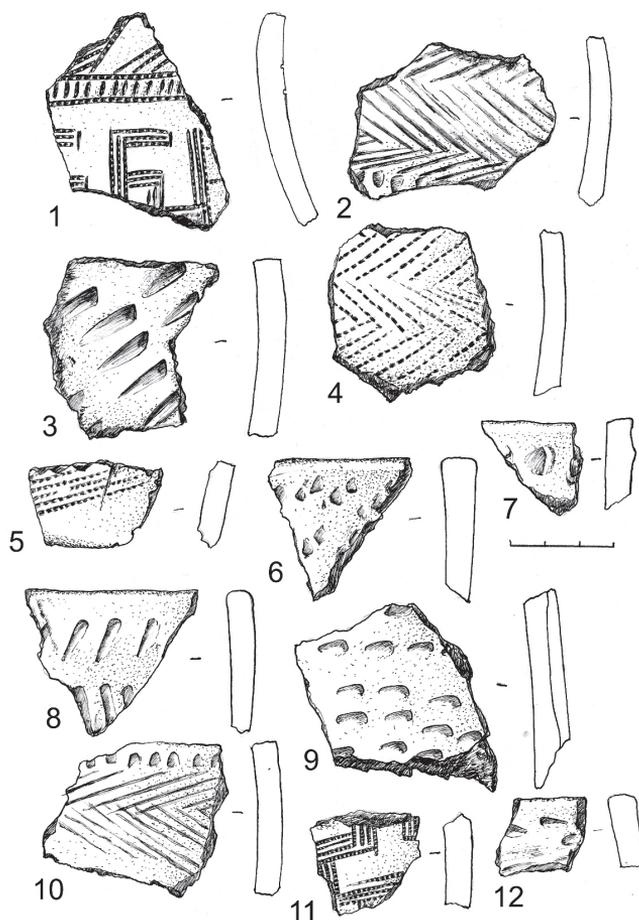

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Кошарагаиха 1
Fig. 1. Ceramic complex of the Koshkaragaikha 1 settlement

Находки в основном представлены фрагментами керамических сосудов, из которых основную массу составляют фрагменты тулов и венчиков. Исходя из профилировки большинства крупных фрагментов сосуды относятся к типу слабопрофилированных горшков и банкам. На основе типологического анализа декора и морфометри-

ческих показателей выделяется две культурно-исторические группы, которые, по всей видимости, соответствуют периодам питания поселения в эпоху бронзы.

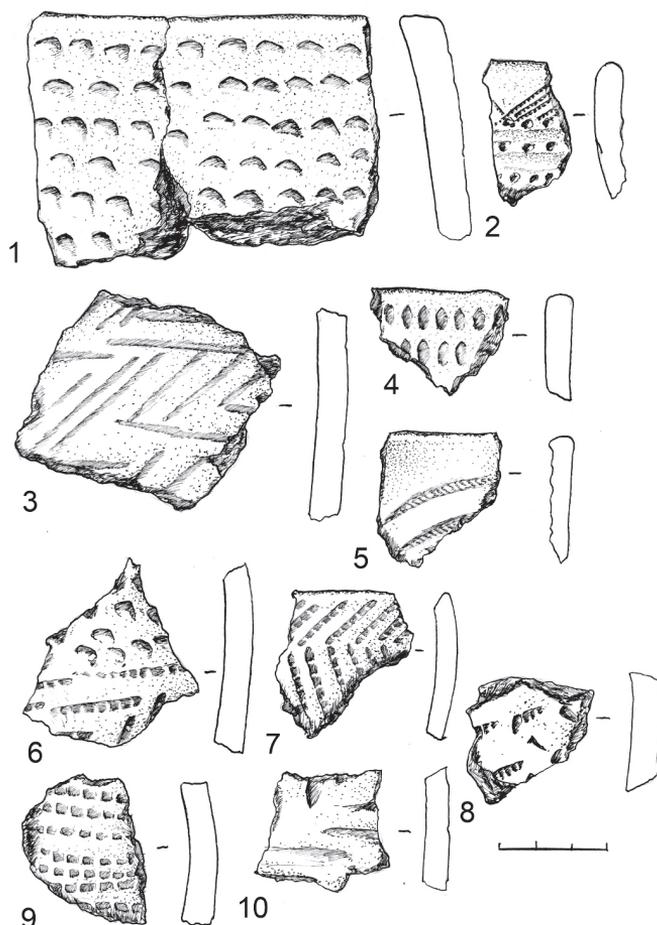

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1
Fig. 2. Ceramic complex of the Koshkaragaikha 1 settlement

Первая группа связана с андроновской археологической культурой, в керамическом комплексе выделяются банки, орнаментированные ямочными вдавлениями, «вертикальной елочкой» и «горизонтальной елочкой» (рис. 1.-3,4,7,8,9; рис. 2.-1,3,5,6). Также на банках иногда фиксируются геометрические элементы, которые свойственны больше для горшков. При декорировании горшков использовались косые треугольники, меандры, «горизонтальная елочка» (рис. 1.-1, 2, 6, 10; рис. 2.-2, 7, 8).

Основное отличие от орнаментации баночных форм заключается в преобладании геометрических элементов. Описанный набор признаков полностью соответствует традициям орнаментации андроновской культуры лесостепного Алтая и находит ближайшие аналоги в материалах поселения Фирсово 15 [Леонтьева, 2016].

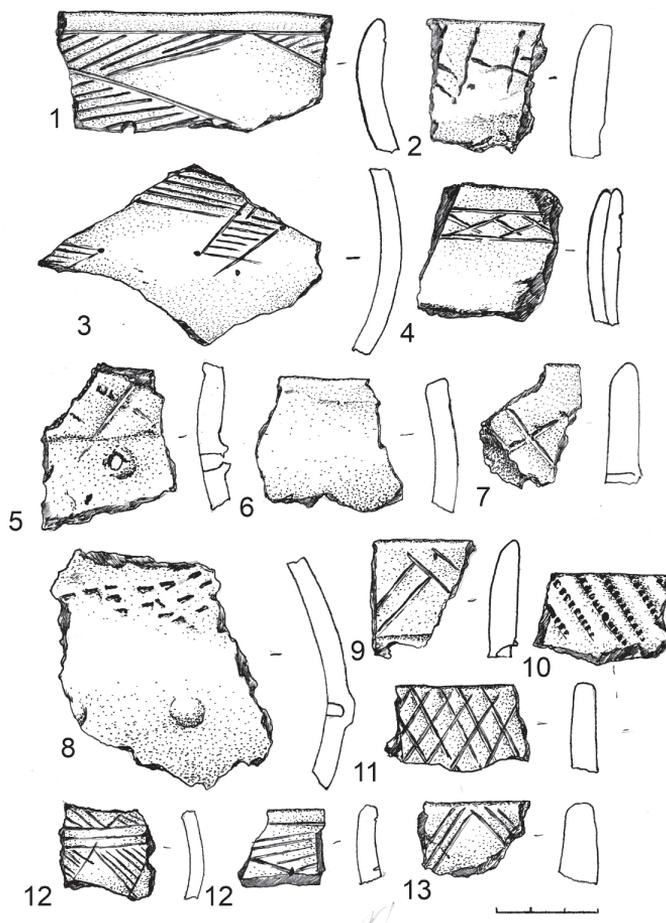

Рис. 3. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1
 Fig. 3. Ceramic complex of the Koshkaraigaikha 1 settlement

Вторая группа отражает процессы, происходившие в эпоху поздней бронзы, основной и наиболее представительной серией является керамический комплекс ирменской культуры. Сосуды представлены слабопрофилированными горшками малых и средних форм, ведущей техникой является резная и прочерчивание, а также оттки гладкого штампа. В орнаментации наиболее часто используемым элементом являются различные пояски (рис. 3.-4; рис. 5.-3,6; рис. 6.-3), сеточка (рис. 3.-2,5,8; рис. 4.-13; рис. 5.-7; рис. 6.-2,5), елочка (рис. 3, 9; рис. 4.-1,2,6,7; рис. 5.-4,6; рис. 6.-8), жемчужник (рис. 3.-5,8; рис. 4.-6,11,13; рис. 6.-1,7), ромбы и треугольники (рис. 3.-1,3,12; рис. 4.-9; рис. 5.-5). Использование в декоре такого мотива, как жемчужник с разделителем в зоне горловины, ромбов, выполненных прочерченными линиями в зоне венчика, елочки, исполненной крупным гребенчатым штампом, маленьких сосудиков, орнаментированных геометрическим орнаментом, надежно атрибутирует рассматриваемый керамиче-

ский комплекс в рамках ирменской культуры поздней бронзы Барнаульского Приобья и находит наиболее близкие аналогии в материалах поселения Фирсово 18 [Федорук, Шамшин, Папин, 2008: рис. 3–8].

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1
Fig. 4. Ceramic complex of the Koshkaragaikha 1 settlement

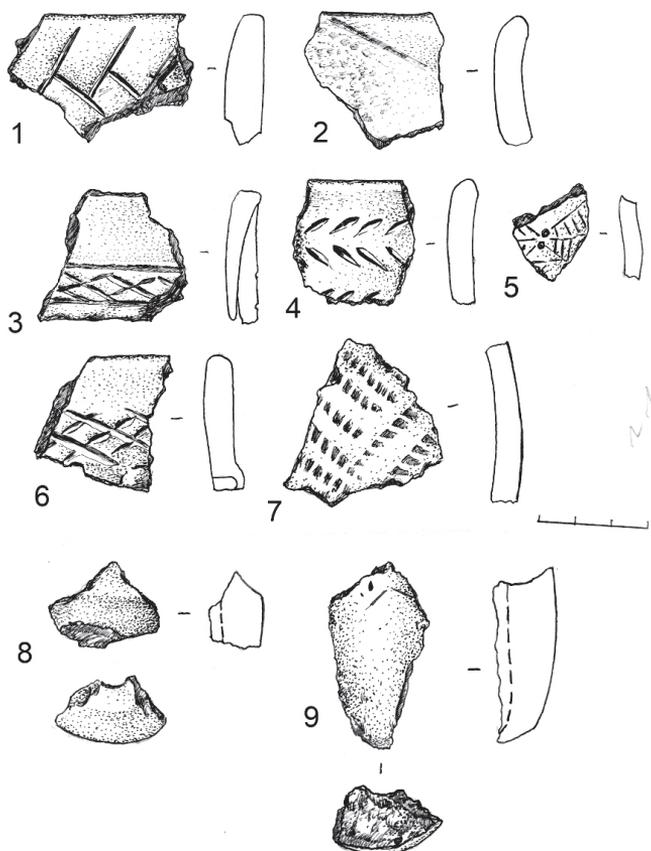

Рис. 5. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1

Fig. 5. Ceramic complex of the Koshkaraigaikha 1 settlement

В этом комплексе выделяются материалы, характерные для эпохи поздней бронзы степного Алтая. Керамика, представленная сосудами крупных форм, слабопрофилированная, орнаментирована горизонтальными отгисками крупнозубого штампа (рис. 7.-1, 2, 5, 7), пальцевидными защипами (рис. 7.-3) и формованным валиком (рис. 7.-2, 4, 5, 6, 7, 8, 9), находит аналогии в материалах саргаринско-алексеевской культуры [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008], обнаружен один фрагмент керамики, сделанный на гончарном круге (рис. 7.-10).

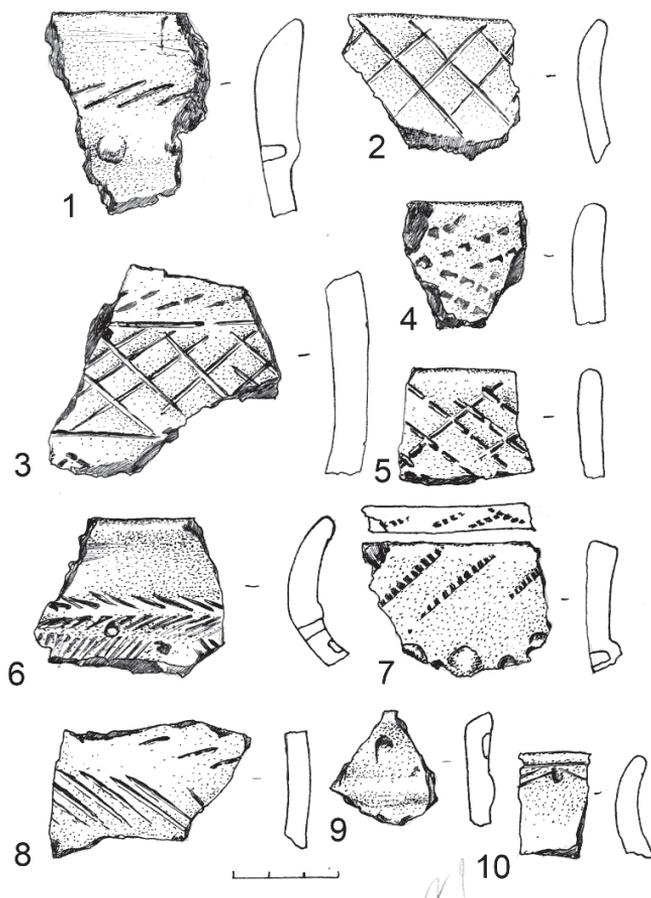

Рис. 6. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1
 Fig. 6. Ceramic complex of the Koshkaraigaikha 1 settlement

Кроме обширной керамической коллекции, на разрушениях была собрана серия металлического инвентаря. Часть изделий имеет ярко выраженное случайное происхождение и происходит вне археологического контекста, это железный наконечник стрелы «монгольского типа» (рис. 9.-1), бронзовый «костылек», характерный для скифских культур раннего железного века (рис. 9.-3), к этому же времени относятся железный трехгранный черешковый наконечник стрелы со сводчатой боевой головкой (рис. 9.-5). Три бронзовых ножа, безусловно, связаны с поселенческими материалами, два предмета представлены в обломках лезвия (рис. 9.-4, 6), имеют ярко выраженную «хвостатость» — отогнутый вверх кончик лезвия, что относит их периоду поздней бронзы и связывает с ирменским горизонтом обитания. Третий нож сохранился полностью, длина 12 см, вогнутообушковый, однолезвийный, переход от клинка к рукояти оформлен выступом, в верхней части оформлено технологическое отверстие (рис. 9-2). Возможно, что изделие являлось составным с ручкой из органических ма-

териалов, на что указывает отверстие, короткий черенок, и выступ. Подобные предметы хорошо известны из карасукских древностей [Членова, 1972: табл. 8, 62]. Хронология найденных ножей укладывается во вторую половину второго тысячелетия до нашей эры и не противоречит керамическому комплексу.

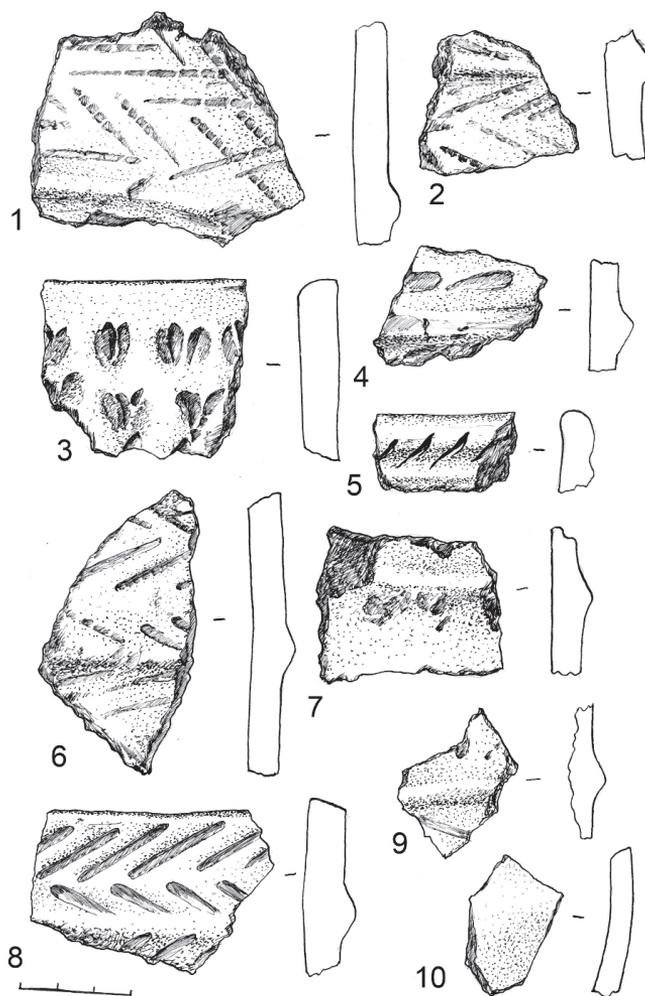

Рис. 7. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1

Fig. 7. Ceramic complex of the Koshkaragaikha 1 settlement

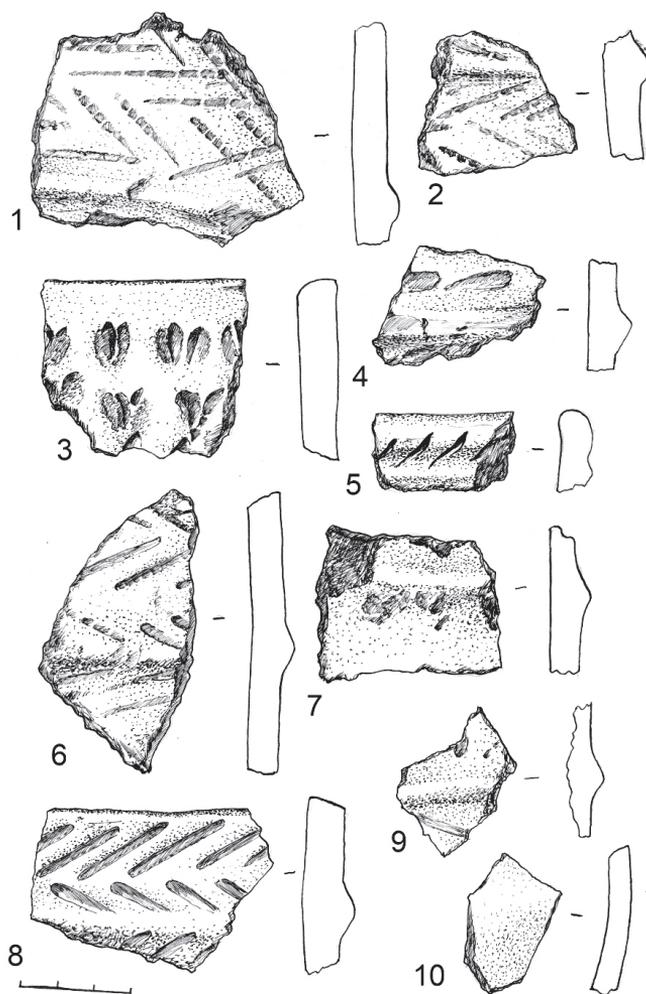

Рис. 8. Керамический комплекс поселения Кошкарагаиха 1

Fig. 8. Ceramic complex of the Koshkaragaikha 1 settlement

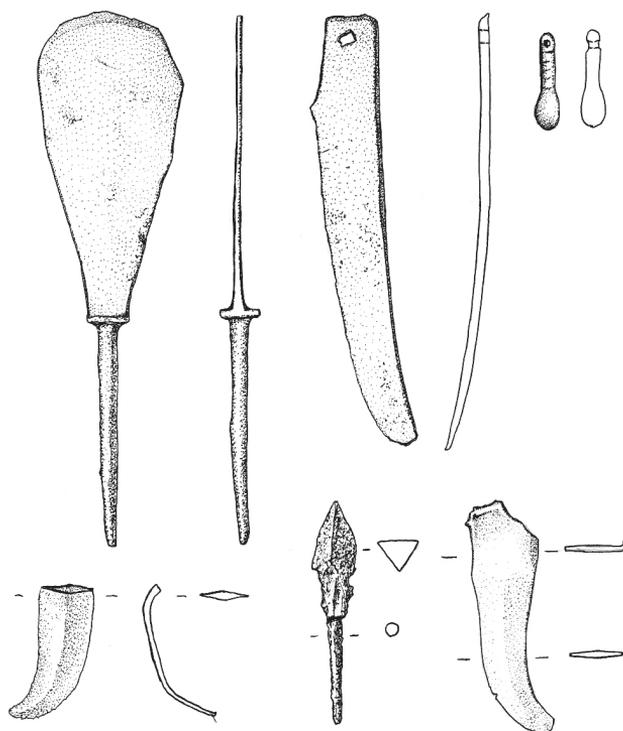

Рис. 9. Металлический инвентарь поселения Кошкарагаиха 1
 Fig. 9. Metal inventory of the Koshkaragaikha 1 settlement

Заключение

Таким образом, поселение Кошкарагаиха-1 объективно отражает процессы этнокультурного взаимодействия, протекавшие на территории правого берега Оби Барнаульского Приобья в бронзовом веке. Для рассматриваемого времени речная артерия Оби была естественным транспортным коридором, связывающим северные и южные территории Западной Сибири, именно по нему дальше на север в лесную-лесостепную зону происходили миграции пришлого андроновского населения, это событие хорошо маркируется данными Фирсовского археологического микрорайона. Безусловно, интересным является выявление в традиционном ареале ирменской культуры ярких элементов саргаринско-алексеевских традиций. Хотя единичные находки степной керамики известны по всей полосе ирменских поселений Верхней Оби, но впервые зафиксирован комплекс, которые позволяет предположить продвижение отдельных коллективов представителей степной культуры в лесную зону.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022–0006).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 48. М. ; Л., 1956. 160 с.

Кирюшин К. Ю., Кобзев В. Л., Папин Д. В. К археологической карте памятников эпохи поздней бронзы Барнаульского Приобья // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2018. № 24. С. 20–25.

Леонтьева Д. С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 31 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково 3 // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы*. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Кунгуров А. Л Памятники археологии Первомайского района // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 2006. № XV. С. 327–385.

Шамшин А. Б. Фирсовский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 326.

Федорук А. С., Шамшин А. Б., Папин Д. В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-ХVIII // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы*. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 247 с.

REFERENCES

Grjaznov M. P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village. Big River. Materials and research on archeology of the USSR.] 1956 № 48. 160 s. (in Russian).

Kiryushin K. Yu., Kobzev V. L., Papin D. V. K arkheologicheskoi karte pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy Barnaul'skogo Priob'ya [To the archaeological map of the Late Bronze Age monuments of the Barnaul Ob region] *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. 2018. № 24. S. 20–25 (in Russian).

Leont'eva D. S. 2016 *Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poselenii): avtoref. dis... kand. ist. nauk*. Barnaul, 2016. S. 31 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Papin D. V., Fedoruk A. S *Predvaritel'nye itogi issledovaniya poseleniya epokhi pozdnei bronzy Zharkovo 3* [Preliminary results of the study of the settlement of the Late Bronze Age Zharkovo 3] *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethnocultural processes in the Upper Ob and adjacent regions at the end of the Bronze Age]. Barnaul, 2008. S. 125–143 (in Russian).

Kungurov A. L *Pamyatniki arkheologii Pervomaiskogo raiona* [Sites of archeology of the Pervomaisky region] *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, 2006. Vol. XV. S. 327–385 (in Russian).

Shamshin A. B. Firsovskii arkhеologicheskii mikroraion nekotorye itogi i perspektivy issledovaniya [Firsovsky archaeological microdistrict, some results and prospects of research] *Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 1997. Vol. III. S. 326 (in Russian).

Fedoruk A. S., Shamshin A. B., Papin D. V. Predvaritel'nye itogi issledovaniya poseleniya Firsovo-XVIII [Preliminary results of the study of the Firsovo-XVIII settlement]. *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethnocultural processes in the Upper Ob and adjacent regions at the end of the Bronze Age]. Barnaul, 2008. S. 125–143 (in Russian).

Chlenova N. L. Khronologiya pamyatnikov krasukskoi epokhi [Chronology of sites of the Karasuk era.]. M.: Nauka, 1972. 247 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.06.2022.

Принята к публикации 09.11.2022.

Дата публикации 26.12.2022

РАЗДЕЛ II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902.01, 903.2 (571.1/.5)
DOI: 10.14258/nreur(2022)4-07

Ю. И. Ожередов

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)

РАКОВИНА КАУРИ В КУЛЬТУРАХ МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

Исследование направлено на обобщение доступных сведений о культурно-хронологической локализации и функциях раковины каури в территориально отстоящих от Западной и Южной Сибири обществах, изучение которых в данном контексте уже проведено. Внимание акцентировано на культурах и народах — носителях каури в Евразии, Африке и Северной Америке от древности до новейшего времени. Работа продолжила исследование, инициированное находками раковин каури в захоронениях нарымских селькупов, с этим вставших в один ряд с другими культурами в Сибири и за ее пределами. Будучи импортом символического, а не утилитарного значения, каури привнесли в Сибирь иную, не материальную ценность, обретенную ими во внешнем, географически отдаленном мире, организованном на других культурно-хозяйственных принципах и воззрениях. Расширение географии носителей каури требуется для осмысления места таежных поделок на примерах более изученных обществ, послуживших введению культурный оборот, сакрализации и символизации каури.

Ключевые слова: культурно-хронологическая локализация раковины каури, Америка, Африка, Евразия, Сибирь, селькупы.

Цитирование статьи:

Ожередов Ю. И. Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 100–141.
DOI: 10.14258/nreur(2022)4-07.

Y. I. Ozheredov

Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. Anadir (Russia)

LOCALIZATION AND CHRONOLOGY OF COWRIE SHELLS IN THE WORLD CULTURES (ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EVIDENCE)

The study summarizes the available information about cultural-chronological localization and the functions of the cowrie shells in societies outside the West and South Siberia, the territories not included in my previous work. The research focuses on the artefacts from Eurasia, Africa and North America dated from the Antiquity to the Contemporary period. The paper continues the study initiated by the cowrie finds from the Narym Selcup burials, and add them to the vast number of cultures in Siberia and its outside territories. Being imported for its symbolic rather than utilitarian qualities, cowrie shells brought a new non-material value from the outer world with different culture and economy. Expanding the group of cowrie culture representatives is necessary for estimating the role of the shell artefacts from Taiga region among the more studied cultures that originally provided the system of sacralization and symbolism for these type of objects.

Keywords: culture-chronological localization of cowrie shells, America, Africa, Eurasia, Siberia, the Selcup.

For citation:

Ozheredov Y. I. Localization and chronology of cowrie shells in the world cultures (archaeological and ethnographic evidence). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 4. P. 100–141. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–07.

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>. **Ozheredov Yuri Ivanovich**, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. **Contact address:** nohoister@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>.

Введение

Исследование культурно-хронологического позиционирования раковины каури на территории Евразии и соседних континентов вылилось в материал для двух журнальных статей, подготовленных в 2022 г. Однако работа по этой теме началась гораздо раньше и была инициирована присутствием каури в археологии и этнографии нарымских, или южных селькупов. В стремлении объяснить появление раковин из южных морей у народов северной зоны были предприняты шаги в сторону первичного обобщения

сведений об их находках в Западной Сибири и прилегающих регионах Южной Сибири. Но, как оказалось, мир каури настолько обширен, что даже публикация сводки статистического характера требует большого объема печатного пространства. Поэтому собранный материал пришлось разделить на две части. В первой статье, увидевшей свет в начале года, были собраны доступные сведения о находках каури в условных географических границах Западной и Южной Сибири [Ожередов, 2022]. Вторая (настоящая) статья посвящена культурам и этносам вне Сибири. Здесь учтены пограничные, не столь отдаленные, весьма отдаленные и вовсе далекие территории (вне Евразии), где зафиксировано присутствие «доместицированных», или окультуренных раковин каури.

Исследование показало, что сибирские пределы являются лишь малой частью мира каури, а бытующие о них представления являются пришлыми, как и сами раковины. Следовательно, побудительные причины внедрения их в таежную культуру следует искать во внешнем мире, там, где каури, по словам Мориса Годелье, занимают место в понятном ряду «средств социального воспроизводства, необходимых для украшения иницируемых, воинов, иницированных девушек, замужних женщин и т. д.» [Годелье, 2007: 170]. Целью настоящей работы стало стремление раздвинуть мир каури до предельных географических и хронологических горизонтов, а также изучить место и роль ее в культурах, породивших метафизическое осмысление и ритуальное применение. А в итоге попытаться экстраполировать полученный результат на воззрения селькупов. В широком смысле работа предполагает соотнесение представлений таежных охотников-рыболовов и представителей обществ «большого мира» — кочевников-скотоводов, земледельцев, первобытных охотников, рыболовов и собирателей отдаленных стран [Ожередов, 2022: 75–94].

В работе использованы сведения, полученные из литературных источников и от исследователей, авторские наблюдения и предметы музейного хранения в отечественных и зарубежных музеях. При этом исследование не претендует на абсолютную полноту источниковой базы, оставляя простор для новых дополнений и уточнений.

Сводка источников исследования

В свое время Л. Я. Штерберг писал: «...есть множество народов, у которых любимым украшением являются раковины, особенно мелкие ... раковинки, так называемые, каури — *Surgaea moneta*... все сибирские народы, а также наши финские народы любят каури, и торговля разнесла их по всем континентам» [Штернберг, 2012: 306]. По наблюдениям немецкого ученого Карла Вейле, «в до и протоисторическое время эти раковинки были в ходу до Северной Европы» [Вейле, 1923]. Ю. Липс, другой немецкий исследователь, в свою очередь констатировал: «Раковины каури украшают руки, шеи, прически людей на всем пространстве от Африки до Австралии» [Липс, 1954: 72–73; Lips, 1961: 230, 257].

Как показывают материалы, диапазон культурного бытования каури на евразийских и сопредельных просторах во времени и пространстве много обширнее суммарного ареала, отмеченного в предыдущей публикации [Ожередов, 2022], и того, который способен разместиться в настоящей работе. В связи с этим в обоих нарративах упомянуты лишь артефакты, демонстрирующие хронологическое и территориальное

покрытие в режиме *pars pro toto* — часть вместо целого. В данном контексте статистика, безусловно, является важным, но не решающим фактором. К такому выводу склоняет культурно-территориальный аспект, в силу которого пределы археологических культур и ареалы обитания этносов часто не укладываются в строго отведенные географические рамки, пересекают их и выходят на соседствующие пространства. К примеру, ранние формы каури одинаково присутствуют на «оленных» камнях не только Монгольского, но и Русского Алтая [Кубарев, 1991: 94, рис. 23; Савинов, Членова, 1978: 78, 80, 83, 85; Ожередов, 2022: 83]. Одновременно формально близкие к ним изображения обнаруживаются на киммерийских изваяниях Северного Кавказа и прилегающих регионов [Ольховский, 2005: 122, ил. 18–22, 24, 26–30]. Точно так же в Восточной Сибири пределы культуры «плиточных могил», известной находками каури, распространялись на территории Забайкалья и Монголии [Крадин и др., 2004: 11; Цибиктаров, 1998: 3, 166–167, рис. 48.-1; Цибиктаров, 2001: 102, рис. 27.-5]. Особенно наглядны такие контаминации в кочевых мир-империях, обладавших громадными территориями и этнокультурным разнообразием при структурной общности их обитателей [Крадин, 2000: 320–322].

Предметом данного исследования, безусловно, являются натуральные каури и их имитации, бытовавшие преимущественно у племен южных степей, подступающих к Сибири и уводящих далеко на юг, восток и запад. Кочевники евразийского степного коридора, помимо того, что в какой-то момент истории сами стали потребителями каури, издревле являлись их поставщиками к народам лесной зоны северной части Евразии. По некоторым сведениям, первые проникновения каури к северу от их колыбели в южных морях случились в карасукскую эпоху. А вот начало массового внедрения раковин в степные культуры было положено в раннескифское и савроматское время. Презентуя «покровское ожерелье», К. Ф. Смирнов писал, что в его состав входили раковины *Cyprea moneta*, известные и в других савроматских и раннесарматских прохоровских погребениях, к примеру, в могильнике Аландское II [Смирнов, 1964: 145, рис. 71, 7,8; 1989: 174, 301, табл. 71, 16].

Наиболее ранние и предельно западные «скифские» образцы найдены в Северо-Западном Причерноморье, в женском захоронении приднестровского кургана № 3 у с. Текливка (VII–VI вв. до н. э.) [Гуцал, Гуцал, Могилев, 2011: 98, рис. 4.-2–4]. Примерно синхронными им стала пара каури в наборе бус из кургана VI в. до н. э. «Червона могила» у с. Флярковка на лесостепном днепровском правобережье [Ковпаненко, 1984: 112, рис. 2–14]¹. Приднестровскими археологами опубликована сводка «скифских» древностей региона, где указано 15 случаев нахождения каури в детских и женских захоронениях V–IV — первой половины III в. до н. э. Кроме того, отмечено, что «наличие... раковин в скифских захоронениях не маркирует высокий социальный статус погребённых...», «...все указанные захоронения принадлежали рядовым общинникам». Касаюсь происхождения каури, авторы писали, что «большинство раковин из скифских за-

¹ Не лишне отметить, что, хронологически тяготея к ранним формам степной скульптуры, эти находки опосредованно подтвердили культурное сближение раннескифских и киммерийских древностей, в частности, монументальной скульптуры из камня.

хоронений Северо-Западного Причерноморья конца V — первой четверти II в. до н. э. были привозными» [Синика, Загордонец, 2018: 81, 83–85].

Способ употребления каури, их назначение, половозрастную принадлежность и социальный ранг носителей авторы оценивают следующим образом: «Раковины не являются маркером высокого социального статуса погребённых и встречаются чаще всего в детских и женских захоронениях», но имеются отдельные случаи «присутствия каури в мужских погребениях». Случай пребывания каури в мужском захоронении отмечен в могильнике Глинное (41/2). В целом анализ размещения раковин в могилах показывает, что они, как правило, были составной частью украшений — ожерелий и браслетов, о чем свидетельствуют спиленные спинки и одиночные сквозные отверстия у части экземпляров. Также «не подлежит сомнению их использование в качестве амулетов» [Синика, Загордонец, 2018: 81, 83–85]. Расширяя географию бытования причерноморских каури, Е. И. Савченко отметил их присутствие в комплексах скифского времени на Среднем Дону: в «Частых курганах» и в кургане у с. Мастюгино [Савченко, 2005: 486, рис. 9, 16, 18, 19].

Обширная сводка о каури в культурах «кочевников Азиатской Сарматии» приводится в статье М. Ю. Трейстера. На основе публикаций и личного знакомства с музейными собраниями автор презентует экземпляры из погребений «азиатских кочевников» «от Средиземноморья и Центральной Европы на западе до Китая — на востоке». Исследование охватывает финал II тыс. до н. э. — первые века новой эры. Анализу подверглись территории Карпатского района, Побужья, Приднепровья, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья, Юго-Западного и Центрального Крыма, Азиатского Боспора, Прикубанья и Прикамья. Кроме того, обзор в разной мере затрагивает ранний железный век Средиземноморья, Центральной и Восточной Европы, Восточной Сибири, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока [Трейстер, 2021: 23–27]. Однако при всей скрупулезности и наполненности исследования, автор оставил много места для дополнений, обусловленных как поставленными задачами, так и недостатком источников. За пределами обзора остались прежде всего памятники, возникшие вне эпохи раннего железа, которыми собственно и ограничено исследование. При этом в рамках означенной хронологии во множестве выявлены неучтенные публикации, несущие дополнительные сведения, к примеру, о находках на территории Сибири. Представляется, что к использованным источникам следует добавить ряд работ, начиная, например, с обобщающего коллективного исследования, отразившего ситуацию с каури у хунну Забайкалья. Группой авторов был проведен анализ инвентаря четырех крупнейших некрополей региона (Иволгинский, Дырестуйский, Культук, Черемуховая падь и Ильмовая падь), где наличие каури разделилось ровно пополам, раковины имелись лишь в двух первых [Крадин и др., 2004: 40, 51, 52, 57, 59]. А в особо выделенный автором сюжет о каури на поясах кочевников не лишне включить монографическое исследование В. Н. Добжанского, посвященное истории наборных поясов кочевников VII–I вв. до н. э., в том числе из захоронений большереченской культуры Верхнего Приобья [1990: 24]. Также недостаточно полно представлены скифоидные памятники Алтая, Тувы, Хакасии и других районов, существенно пополнивших находками корпус «сибирских» каури [Ожередов, 2022: 83].

Источниковедческий анализ показывает, что при смене скифо-савроматского мира на гунно-сарматский в отношении к каури, по сути, ничего не изменилось. Просто теперь они встречаются не в скифских, а в хуннских некрополях Сибири и не в савроматских, а в сарматских захоронениях западной зоны. К примеру, в Подонье это сарматский могильник Новый [Мец, 2004: 106, рис. 1.-1; Brosseder, 2011, s. 384, fig. 34], а в Приднепровье погребение конца II–I вв. до н. э. у с. Подгородное [Костенко, 1984: 127, рис. 2.-27]. И этот процесс культурного замещения прослеживается повсеместно, демонстрируя своей преемственностью дрейф вверх по хронологической шкале в сторону Средневековья, Нового и Новейшего времени. После захвата гуннами части европейского Боспора (III–VI вв.) каури появляются в средневековом некрополе квартала Корчев в Боспоре (в Керчи), в каменных ящиках у стен церкви Иоанна Предтечи, а в конце V–X вв. широкой полосой дефилирует от Приднестровья через Крымский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье до отрогов Закавказья [Крым, Северо-Восточное Причерноморье, 2003: 134, 457, 480]. С VI–VII и до середины IX в. каури служили амулетами у алан Северного Кавказа и Среднего Дона, где возник салтово-маяцкий вариант аланской культуры [Албегова, 2001: 84, 89, 94, табл. 2-4]. Но прежде чем в IX в. выйти из употребления, каури украсили ожерелье молодой аланки из некрополя Подорванная Балка (VII–X вв.) в Нижнем Архызе [Доде, 2005: 322, рис. 3]

Рис. 1. Аланка, VII–X вв. Реконструкция. [Доде, 2005: 322, рис. 3]

Fig. 1. Alanka, VII–X centuries. Reconstruction. [Dode, 2005: 322, fig. 3]

В Закавказье каури были найдены в захоронениях IX–XIII вв. Грузии и Азербайджана [Крым, Северо-Восточное Причерноморье, 2003: 15, табл. 47.-4, 48.-38, 171.-48, 194.-7–11].

В северной лесной зоне Восточной Европы, вплоть до Урала, картина довольно пестрая, ввиду, вероятно, бессистемных поступлений каури на эти территории. Ситуация примерно такая же, как у народов Западной Сибири, точно так же не имевших регулярного притока каури, хотя народы тайги стремились оградиться от несчастий с помощью их магической силы [Ожередов, 2022: 86].

По сведениям И. Г. Спасского, довольно рано раковины появляются в зоне расселения прибалтийских племен [Спасский, 1970: 70]. Их находили в памятниках IX–VII вв. до н. э. Северной Германии, Литвы, Латвии, балтийских островов и под белорусским Витебском. Другая группа находок каури и их имитаций выявлена в комплексах VI–VII вв. в Германии, IX в. в Швеции, XVI в. под Ригой [Воронов, 1986: 68]. О каури в землях немецкой Прибалтики писал Карл Риттер, указав на их наличие в древних могилах Померании [Риттер, 1877: 377]. Этнографические образцы выявлены далее к югу, практически в центре германских земель, где каури «еще в начале XIX столетия служили украшением сбруи саксонских гусаров» [Вейле, 1923: 101]. Судя по обстановке, торговые люди, поставившие раковины в восточные регионы, не забывали обеспечить местные прибалтийские и соседствующие с ними, часто родственные, племена. Каури известны в составе височных колец из могильников развитого Средневековья, оставленных финно-угорским народом *водь* [Седов, 1987: табл. X.-4]. По сведениям Т. Вахтер, «каури были у мордвы, «ингерманландцев», черемисов, а также, в древностях «железного века Финляндии» [Орнаментика..., 201: 78, 80, 82, 84, 431–432, 433, табл. 124, 125]. Названные народы относятся к финно-угорской языковой группе, именованной Л. Я. Штернбергом «наши финские народы» [Штернберг, 2012: 306].

По сведениям И. Г. Спасского, каури поставлялись в Северо-Западную Русь из городов Прибалтики уже с XII в. [Спасский, 1970: 70]. Особенно заметное число их обнаружено в новгородских и псковских древностях XII–XIII вв. Иногда в виде кладов, ярким образцом которых является клад, найденный под Псковом. Новгородские купцы с XII в. снабжали этими раковинами Среднее и Верхнее Поволжье [Воронов, 1986: 68; Спасский, 1970: 70]. На это же столетие приходится пик кладов, найденных в Северо-Западной Руси. Продолжая эту историю, отметим, что в XVI в. русские «гости» тысячами закупали в Риге ужовки (жуковины, змеиные «гажьи головки»), так их звали на Руси, ввозили в Новгород и распространяли по другим землям [Воронов, 1986: 68–69; Спасский, 1970: 71]. Данное утверждение подкрепляют находки в восточнославянских средневековых городах, в Новгороде, Пскове, близ Витебска. Три каури известны в составе ожерелья из погребения первой половины XII в. в детинце городища вятичей Серенска [Зайцева, 2001: 96].

Помимо русских городских некрополей, каури обнаружены в сельских могильниках Тверской земли. В женских захоронениях Верхневолжья изучены и реконструированы погребальные костюмы и нагрудные украшения XI–XII вв., оснащенные каури. Данные образцы обнаружены в могильниках Высокино 22, Дуденево и Устье. «В Высокино раковина была найдена в единичном экземпляре и занимала центральное место

в ожерелье из бус. В Дуденево раковина каури была подвешена на крупной трапециевидной подвеске», а в Устье ими украсили верхний обрез (горловину) женского платья [Степанова, 2018: 58, 59, рис. 2].

Не менее часты позднесредневековые клады каури и погребения с ними в Поволжье [Воронов, 1986: 68]. В этнографический период центром торговли в регионе являлась Казань, о которой сообщал В. М. Флоринский как о пункте распространения каури, доставленных с берегов Средиземного моря [Флоринский, 1888: 153] с последующим их продвижением на восток. По некоторым данным, у народов Сибири раковины «сохраняли свое торговое значение» вплоть до начала XIX в. [Спасский, 1970: 71]. Помимо поставок с запада, каури могли поступать в Казань по Волге от южных соседей вместе с потоками другого восточного импорта. Здесь речь идет о самых массовых образцах, собранных в бассейне Индийского океана (Мальдивские и Лаккадивские острова, остров Мафия). Существует информация, что арабские, а затем венецианские купцы целыми караванами доставляли каури из Индии в Африку [Квашин]. Нельзя исключать того, что какая-то часть этого товара уходила по обменным каналам на север и оседала у лесных племен. По данным М. Ю. Трейстера, «топография... находок показывает, что раковины каури дошли до древней области Дахистан, расположенной на юго-восточном побережье Каспийского моря», куда они проникли через территорию Бактрии и Маргианы, «намечая возможность функционирования Великого индийского пути, по ставшей, по-видимому, уже традиционной трассе — по Амударье, затем от нее через Келифский Узбой в Маргиану и далее к Каспийскому морю» [Трейстер, 2021: 27].

По сведениям К. Риттера, каури в качестве украшений встречаются «у киргизок, казанских татар и мордвы в Нижегородской губернии» [Риттер, 1877: 377]. В Волго-Камье раковина каури обнаружена в раннесредневековом могильнике Коминтерновский II (VI–VII вв.) [Казаков, 1998: 103, рис. 14.-1]. Чуть позже (VIII в.) они появляются в памятниках *среднециннской мордвы* и фиксируются в захоронениях вплоть до первой половины IX в. [Воронина, 2005: 98, 104], а в X–XI вв. каури попадает в марийский жертвенный комплекс, сопровождавший погребение Русенихинского могильника в Поволжье [Никитина, 2018: 128, рис. 10.-19]. В экспозиции Национального музея Республики Татарстан демонстрируются каури из захоронений ранних булгар в Больше-тарханском могильнике (вторая половина VIII–IX вв.). Также они найдены в трех погребениях Больше-Тиганского некрополя (IX — нач. X в.) [Халикова, Халиков, 2018: 115, 123, 124, табл. VII-22, XV-5, XVI-12]. Далее каури обнаружены в синхронных ему захоронениях Танкеевского могильника (IX–X вв.) [Chalikova, Kazakov, 1977: 183, 189, Pl. IXa-5, XVa-16b XVb-1]. Семнадцать экземпляров раковины встречены в погребении № 2 XIII–XIV вв. Аверинского I могильника родановской культуры. Согласно статистическим данным каури в числе 323 экземпляров зафиксированы среди украшений головного убора, прически, костюма и обуви [Голдина, Кананин, 1989: рис. 64, 18; 2012: табл. 8, 15]. Согласно существующей классификации бус Нижнего Поволжья синхронные аналоги обнаружены в погребениях золотоордынского времени, где «учтено 11 раковин каури, из них 10 имеют просверленное отверстие для подвешивания. Длина от 13 до 30 мм» [Курышова, 2012: 211].

В Прикамье изделия с каури выявлены в инвентаре мазунинской культуры (первая половина — середина III — середина VI в. н. э.) [Краснопёров, 2007: 110]. А на территории Удмуртии раковины найдены в погребении № 97 средневекового (IX — начало X в.) Тольёнского могильника [Семенов, 1988: 32, рис. 3.-17]. Чуть ранее сильному воздействию южных культур подверглись прикамские племена бассейна р. Чепцы, вследствие чего в наборы женских украшений VIII–IX вв. в небольшом количестве попали каури [Иванов, 1997: 114, рис. 65.-9].

В Приуралье аналогичные образцы в количестве 87 экземпляров найдены в Бирском некрополе эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.) [Мажитов, 1968: 38]. Далее к востоку каури обнаружены в средневековых захоронениях Южного Урала. В могильнике Покровском (XIII–XIV вв.) раковина с отверстием расчищена в кургане № 7 около нижней челюсти взрослого человека. Еще два экземпляра залегали в Оренбургской области в кургане № 15 Ново-Кумакского могильника, синхронного предыдущему [Гарустович, Иванов, 2014: 214, рис. 72-9, 207, рис. 79.-11].

Завершая краткий обзор средневековых находок, не лишне заметить, что каури в статистически заметном исчислении встречены в средневековых памятниках Сибири, фиксируя отдельную нишу в многообразной, разнокультурной и разноэтничной картине распространения каури у народов Евразии. Заметный вклад в заполнение средневекового пространства принадлежит находкам из погребений Алтая [Ожередов, 2022: 83]. Синхронной некоторым приуральским экземплярам стала, к примеру, раковина со срезанной спинкой из женского захоронения в тюркском кургане № 2 курганной группы Ивановка XVII (IX–X вв.) [Алехин, 1997: 134, 136, рис. 1–2]. Хронологическим продолжением этих находок явились образцы из впускных погребений монгольского времени могильников Талдуаир-I и Яконур [Тишкин, 2009: 175, рис. 120.-3, 4, 188, рис. 130.-12]. Самой поздней археологической находкой каури на Алтае стал женский накончик из позднесредневекового захоронения в Чоба-Баш, снабженный четырьмя десятками раковин (Борисенко, Худяков, 2003: 162, рис. 1). Синхронная находка встречена Е. В. Ковычевым в женском захоронении XV–XVI вв. близ забайкальского с. Ононск, где расчищен головной убор, украшенный двадцатью каури [Косых, Ковычев, 2020: 15, рис. 4, 5]. Вместе с селькупскими и иртышско-барабинскими и алтайскими образцами данный экземпляр выходит на рубеж нового времени и служит «проводником» к этнографическим аналогам, разворачивая тем самым исследования в историческую плоскость. Однако самую эту плоскость представила другая «археологическая» находка. В подкурганном детском захоронении XVIII в. могильника Кок-Паш на Алтае были расчищены бусы, в состав которых, судя по фотографии, входили семь раковин каури с обрезанными спинками [Каталог..., 2004: 65, рис. 4]. И если Чоба-Баш только придвинулся к этнографии, то Кок-Пашем фактически закончилась археология и началась этнографическая презентация алтайских народов. Ситуации, ознаменованные появлением вслед за позднесредневековыми экземплярами каури этнографических образцов, известны в Прииртышье, Притоболье, Сургутском и Томско-Нарымском Приобье Западной Сибири [Ожередов, 2022: 76–81].

Редактор советского издания книги Ю. Липса добавил от себя: «Употребление раковины каури (ужовки) в качестве украшения на одежде либо как амулета было широ-

ко распространено прежде и у народов СССР: в Поволжье, на Кавказе, в Сибири и др.» [Липс, 1954: 73]. О бытовании каури у сибирских народов Нового и Новейшего времени дает представление «Каталог съемных украшений народов Сибири», составленный на основе собрания Кунсткамеры [Клюева, Михайлова, 1988].

Что касается региона Волго-Камья, то вслед за корпусом «археологических» находок здесь отмечен блок «этнографических» каури, принадлежащий двум различным в языковом отношении группам населения — финно-уграм и поволжским тюркам. Первую группу представляют мордва-мокша, мордва-эрзя и марийцы [Калашникова, Плужников, 1990: рис. 63, 66–70]. Наглядную презентацию некоторых видов украшений поволжских угров дают музейные экспонаты. В собрании Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится марийская женская подвеска (колл. № 4346), описанная следующим образом: «Нагрудник инородческий, сплетенный из бус и раковин, оканчивающийся длинной бахромой из крученых шерстяных ниток коричневого цвета и бисерной сеткой». Предмет передан в музей «Иннокентием Петровичем Кузнецовым 4 марта 1890 года» [Флоринский, 1898: 338; Каталог... 1980: 72]. Другой элемент марийской женской одежды представлен свадебной шапочкой, у которой «сзади... спускаются две подвески из бисера, оканчивающиеся раковинами каури» (колл. № 4983–34в) [Каталог..., 1980: 70, табл. III-3].

Не меньший интерес представляет мордовское «женское нагрудное украшение», поступившее в музей, как и марийские вещи, в XIX в. М. Флоринский описал его следующим образом: «№ 4015. Овальная бляха 14 сант. ширины и 11 вышины, унизанная бусами, русскими медными монетами и раковинами. Медных монет 21, все они разных годов прошлого столетия. Куплена в Томске на толкучем рынке (такое украшение носят мордовки на груди сверх платья» [Флоринский, 1890: 216; Каталог..., 1980: 75].

К тому же следует добавить поделки прикамских удмуртов, собранные в Удмуртском республиканском музее и дающие достаточно полное понимание места каури в костюме и женских украшениях: при изготовлении сережек, наконечников, поделок шейно-нагрудного ношения и череспечных перевязей [Волкова, 1988: 159, 162, 164, 68, 171, рис. 11].

Вторая группа носителей каури в Поволжье представлена поволжскими, или казанскими татарами, появление которой обусловлено этническим и культурным наследием Золотой Орды, оно же является субстратным элементом для других территориальных татарских образований. В том числе для сибирских татар в составе барабинской и томской групп. По данным В. М. Флоринского, служившего ряд лет в Казанском университете и в подробностях знакомого с историей края, «...раковины эти называются *Nutilus*, получают они из Средиземного моря. Шаманствующие инородцы приобретают их в Казани, где этими красивыми раковинками ведется правильная торговля [Флоринский, 1888: 153]. Помимо транзита на восток, Волжская Татария употребляла каури для собственных нужд, что наглядно доказывает «Историко-этнографический атлас татарского народа», демонстрирующий головные уборы и перевязи, снабженные каури [Суслова, Мухамедова, 2000: 167, 230]. На характерную особенность таковых деталей татарской одежды в свое время указал И. Г. Георги, писавший: «Мещеряки... носят наподобие ленты через плечо широкую... перевязь. Нередко перевязь... снабжена амулетом в виде раковины «каури»...» (цит. по: [Суслова, Мухамедова, 2000: 230]).

Исследование мифологии сибирских татар, проведенное группой авторов, показало, что в воззрениях этноса присутствует множество домусульманских натурфилософских сентенций, присущих народам с языческим мировоззрением. В том числе и в контексте осмысления роли и места каури в бытовой культуре [Корусенко, Ожередов, Ярзуткина, 20013: 113–128]. По данным исследователей, каури у татар служили оберегами с соответствующими формами применения [Смирнова, 1999: 95, 96].

Этнографические образцы каури у народов Сибири ранее были представлены в специальной работе [Ожередов, 2022], поэтому, не задерживаясь, перейдем к истории этих раковин у народов Дальнего Востока. Единственным дополнением к сибирской теме следует отметить несколько примеров из порубежной бурятской этнографии, фиксирующей некую переходную зону от сибирской забайкальской к дальневосточной. По имеющимся данным, каури здесь использовали прежде всего шаманы, о чем свидетельствует костюм из собрания Российского этнографического музея [Ожередов, 2022: рис. 3.-2] и сообщение Ц. Ж. Жамцарано, описавшего у агинских бурят куклу «девицы», изображавшую *онгона* Дабая, покровителя скотоводства, на шею которого были «подвешаны раковины *Сургеа монета*». Другой *онгон*, по имени Хэстэ — «имеющий бубен», живет в бубне в виде мужской фигуры, вставленной в перекладину. К его шее прикреплена красная ленточка с *Cyprea moneta* [Жамцарано, 1909, с. 380].

По выявленным источникам, этносы — носители каури — на Дальнем Востоке расселялись преимущественно по Амуру и в приамурской зоне. Это народы тунгусо-маньчжурской языковой группы, у которых точно так же, как у народов Сибири, каури служили элементами накосных украшений. К примеру, девичий накосник нанайцев *афи* представляет собой фрагмент ткани, украшенный бусами, медными пуговицами и раковинами каури [Клюева, Михайлова, 1988: 115; Михайлова: 39]. Интересное наблюдение имеется в исследовании Е. А. Михайловой. При описании причесок орочей и удэгейцев она проводит параллели с материалами обских угров и самодийцев: «Орочи и удэгейцы носили своеобразную прическу (одновременно украшение), которую следует рассматривать как прямую аналогию ложным косам северных хантов и манси, ненцев. Мужские и женские ложные косы одинаковы. Это затылочное украшение в виде продолговатого куска ткани, расшитого бисером, раковинами каури...» [Михайлова]. В свою очередь, переднюю часть налобных повязок нанаяк, живущих близ устья Сунгари, украшали раковинами каури и мелкими белыми бусинами [Клюева, Михайлова, 1988: 115, рис. 6, 7].

На фотографии в собрании ГМЭ запечатлена тунгусская девушка (эвенка) в головном уборе, украшенном подвесками, на которых в районе висков имеется по одной крупной раковине каури [Василевич, 1977: 113–114, рис. 4].

А при описании плаща эвенкийского шамана А. Ф. Анисимов отметил целый ряд подвешенных к нему символических деталей, среди которых присутствовали металлические конические трубочки и колокольцы, представляющие голоса многочисленных духов шамана и изображения раковин каури [Анисимов, 1958: 178]. Помимо эвенков в отделке костюмов шаманов каури использовали маньчжуры. Так, А. М. Решетов зафиксировал ряд экземпляров на «кофте шамана», которая была «обильно украшена нашитыми раковинами каури: на груди розетками по три штуки в каждой, на пле-

чах и верхней части рукава — по одной, на спине — три композиции из трех каури: две на лопатках и одна между ними» [Решетов, 1995: 104].

Рис. 2. Эвенка (р. Амур) [Василевич: 1977: рис. 4]

Fig. 2. Evenka (r. Amur) [Vasilevich: 1977: fig. 4]

Издrevле каури бытует на просторах Центральной и Средней Азии, где находит множество общего в части семантики с культурами сопредельной Сибири. К примеру, в Киргизии раковины появляются в скифо-сарматское время и пользуются спросом вплоть до начала XX в. При этом у киргизов точно так же, как у шорцев, о которых писал Л. П. Потапов, каури служила символом богини Умай [Фиельструп, 2002: 91; Потапов, 1973: 269, 270]. Такого рода находками изобилуют соседний Казахстан, где по сведениям Ю. А. Заднепровского, каури находили в могильнике Кыр-Чебакты (III–I вв. до н. э.) [Заднепровский, 1992: 103, 343, табл. 37–37], в катакомбе № 12 могильника Культобеарысской культуры, соотносимой с северными сюнну, откочевавшими в Канцзюй (I в. до н. э. III в. н. э.) [Подушкин, 2014: 399–400, 406, рис. 3.-4], в могильнике Мардан (нач. I в. н. э.) [Байпаков, Воякин, 2003: 123], в некрополе усуней Узун-Булаг (II в. до н. — VI в. н.), они же «рыжие дьяволы», обитатели Синьцзяна, Киргизии, Семиречья и предположительно потомки ираноязычных саков-тиграхауда [Боканов, 2008: 130, рис. 21.-189]. К ним же примыкают каури в «могилах маленьких детей» джетыасар-

ской культуры, пережившей в низовьях Сырдарьи почти тысячелетие, от конца эпохи бронзы до IX в. [Левина, 1994: 77; Левина, 1992: 70, 343, табл. 24.-14].

В публикациях Г. Н. Потанина, освещавших его экспедиции в Центральную Азию (1876–1877 и 1879–1880 гг.), каури отмечены на головных уборах киргизок (монгольские казахи) и костюмах монгольских шаманов. При этом исследователь уточняет, что у монголов каури нет [Потанин, 1881: 107; 1883: 52, 113–114, табл. XX-91, XXI-94]. Действительно, в Национальном историческом музее МНР экспонируется шаманский костюм, на шапке которого просматривается несколько белых раковин каури.

Рис. 3. Костюм шамана. Национальный исторический музей МНР

Fig. 3. A shaman costume. National historical museum MNR

А в собрании Кунсткамеры хранится комплект северомонгольской дархатской шаманки, которому посвящено специальное исследование К. В. Вяткиной. Каури в количестве девяти экземпляров нашиты в два ряда на шапку, обрамляя ее верх и низ. Показательно, что дархатский этнос возник в результате «омонголивания» тувинцев, проявившемся в близости воззрений и шаманских атрибутов [Вяткина, 1969: 141, табл. I-3, II-17]. Примечательно, что на алтайском плаще *маньяке* зафиксировано девять подвесок в виде фигурок дочерей Ульгения, на которых присутствует знак в форме раковины каури.

Что касается информации Г. Н. Потанина об отсутствии каури у монголок, следует внести уточнение: в Ховдском аймачном музее хранится *урианхайский* женский халат *дээл* с подвесками в виде нитей, на которых чередуются пуговицы и каури.

Рис. 4. Женский халат урианхайцев. Аймачный музей, Ховд, МНР

Fig. 4. A female Uriankhai robe. Aimak museum, Khovd, MNR

Там же находится женский головной убор западномонгольских ойратов *захчинов*, по которому в плотный ряд, перемежаясь с бусинами, нашиты каури, а по центру из раковин смонтирована крестовидная фигура, напоминающая накладную бляшку (ПМА, 1999 г.; письменная информация преподавателя Ховдского университета, археолога Мунхбаяра Чулумбата. 16.07.2022). Любопытно, что аналогичные орнаменты, сложенные из каури, имеются на шапке хакасского шамана, представленной в каталоге выстав-

ки «Культура Алтая», организованной и проведенной Институтом археологии и этнографии СО РАН в Сеуле 22.07–12.09.1995 (см. рис. 182 каталога)¹.

Долгое время каури бытуют у племен Тибета. В 1955 г. корреспондент газеты «Дейли Уоркер» Алан Уиннигтон отметил в национальном женском наряде тибетцев наkosник в виде «лоскута домотканой материи, прикреплявшегося к кончикам... косичек и свисавший от плеч до пят», на который были нашиты «монеты, а также раковины каури [Воронов, 1986: 66–67].

У народов Средней Азии каури входили в состав древнейших амулетов-фетишей, найденных в захоронениях Ферганы [Брыкина, Трунаева, 1995: 75, рис. 2.-15]. Как минимум две раковины были получены при раскопках на крупнейшем зороастрийском «античном» центре — городище Тахти-Сангин в Таджикистане (IV–III–II вв. до н. э.). Авторы публикации полагают, что «овальные раковины с отверстиями в центре» являлись «наглазниками» [Литвинский, Пичикий, 1981: 205]. Также они известны в Ташкентском оазисе и в Хорезме в комплексах III в. до н. э., затем их «почитали ... в средние века». В этнографическое время каури носили на одежде жители Хорезма, таджики и киргизы. Ассортимент украшений с участием каури был очень широк, превалируя преимущественно в детской сфере — подвески к концам бус на косах у девочек, ожерелья из бус, подвески к колыбелям. Таджики, жители Ферганской долины и Хорезма, изделия с каури считали оберегами, предохраняющими от дурного глаза, пусть даже раковина была в единственном экземпляре. Точно так же казахи употребляли каури в качестве охранительных талисманов, называя их *змеиная голова*. Киргизы, в свою очередь, почитали бусы и браслеты, изготовленные из каури вперемешку с нефритом и другими полудрагоценными камнями [Борозна, 1975: 288–289]. По наблюдениям Л. А. Чвыря, доисламские воззрения или их остатки проявляются у уйгуров, таджиков и узбеков в виде обращений к каури и другим предметам, «явно наделенным архаической защитной символикой» [Чвырь, 2006: 152].

Ранние образцы каури, обсуждение их «доместикации» и семантики

По данным П. М. Кожина, интерес к раковинам человек начинает проявлять с эпохи палеолита [Кожин, 2016: 8], и тогда же каури стали попадать в погребения людей [Трифанова, Соёнов, 2019: 54]. К сожалению, авторы не указали источник, послуживший такому утверждению, но предложенная тема вполне имеет продолжение. Б. Л. Богаевский писал, что первые следы присутствия раковин *ципрей* вместе с человеком обнаружены в мадленской Пещере гарпунов и на скелете в пещере Барма Гранде в Гримальди [Богаевский, 1931: 3]. По данным С. Кучеры, почитание каури в китайской археологии также восходит к палеолиту [Кучера, 1977: 42].

В контексте изучения ранних каури большой интерес представляют находки в пещере Мас д'Азиль близ одноименной деревни Южной Франции. В 1887–1889 гг. Эдуар Пьетт исследовал восьмиметровый слой культурных отложений, где обнаружил плоские гальки, раскрашенные с одной стороны окисью железа. Среди множества геоме-

¹ Каталог издан на корейском языке и лишь на первой обложке можно прочесть «The Altai culture». Фотографии аннотированы на корейском и английском языках, позволяя идентифицировать предметы на фото.

трических рисунков имеется мотив из пары параллельных полос с зубчатым краем по внутренней стороне, сильно напоминающий разрез на лицевой стороне натуральной каури.

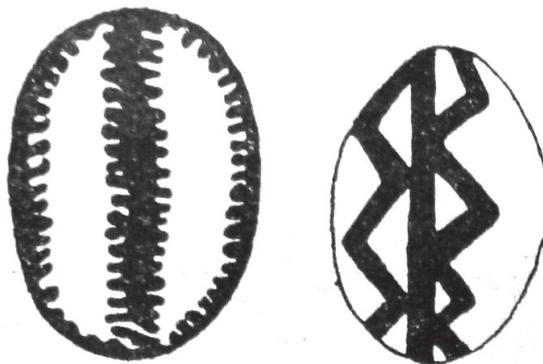

Рис. 5. Рисунки на гальках из Мас д'Азиль [Осборн, 1924: рис. 110]
Fig. 5. Pictures on the pebbles from the Grotte du Mas d'Azil [Osborne, 1924; fig. 110].

Уже первые находки с росписями получили разнообразные трактовки, включая суждение о примитивной иераглифики [Обермайер, 1913: 246–251; Осборн, 1924: 359–360, рис 110; Богаевский, 1931: 22; Мириманов, 1973: 151–153, 305–306; Руссо, 2003: 12, рис. 13.-1; Толксдорф, Крафт, Шмидт, 2018: 72]. Эдуар Пьет отнес азильские находки, в числе которых были и «расписные гальки», к верхнему палеолиту. Точнее, к «переходному периоду» от мадлена к неолиту, обозначив его специальным термином «Азиль»². Исследования комплекса продолжились в XX в.: в 1901–1902 гг. А. Брейлем, а в 1935–1944 гг. супругами Сен-Жюста и Марты Пекар. В 1985 г. Клод Куро насчитал в 20 музеях мира 1400 экземпляров таких галек [Толксдорф, Крафт, Шмидт, 2018: 74].

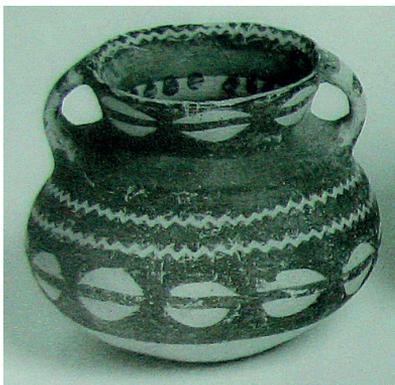
Практически вслед за азильскими гальками натуральные каури появляются в культурном слое Афразийского протогорода «Иерихон А» (VIII тыс. до н.э.). Земледелие, которым занимались горожане, создавало избыток продуктов достаточный не только для содержания вождей и других представителей непродвинутой сферы, но и для обмена. В инвентаре памятника найдены «абсидиан из Анатолии, бирюза из Синая, раковины каури из районов около Красного моря)...» [Николаева, Сафронов, 1999: 162]. Несколько позже в Северной Месопотамии появляется поселение неолита и энеолита «Арпачия (Тель-Арпачия, Тепе-Решва) ... на территории современного города Мосул в иракской провинции (мухафазе) Найнава». Памятник находится в 6 км от более позднего города Ниневия, в местности с персидским названием Тепе-Решва (холм Ре-

² В Глоссарии палеолитического искусства за авторством Алена Руссо имеется уточнение: «Эпоха и культура, следующая за мадленской эпохой, когда наступает период умеренного климата настоящего времени. Это переходный период и для окружающей среды, и для образа жизни, и для материальной культуры. Фигуративное искусство почти исчезает за некоторыми исключениями. Для азильского искусства характерны галечные орудия с гравированными и живописными геометрическими мотивами» [Руссо, 2003: 12].

шва). «Тель был населён в халафский и убейдский периоды... 5500 лет до н. э.». В городе найдены «бусы, где ромбы из черного обсидиана чередуются с раковинами каури» [Заря человечества, 1998: 138–139].

Заметный след каури в западноевропейской культуре проложили кельты, изобразив в I в. до н. э. эти раковины на своих золотых монетах. Несколько позже римский император Калигула (37–41 гг.) безуспешно пытался объявить местные раковины деньгами, возродив тем самым древнюю практику хождения средиземноморской монеты-каури, именовавшейся «кипрской» монетой [Воронов, 1986: 66, 69, 70]. По сведениям Б. Л. Богаевского, «каури были известны также в неолите Крита и встречались изредка в погребениях микенского периода» [Богаевский, 1931: 3].

На противоположной стороне континента, на Дальнем Востоке, в ряду ранних носителей каури, безусловно, стоит Китай, где раковины делятся на два больших блока по функциональному и семантическому признаку. Первый — это чисто метафизический знак, возводивший раковину в сакрализованый символ Богини, возникший в эпоху камня в парадигме духовного смысла. Слегка забегаая вперед, отметим, что так ставит вопрос Морис Годелье, признавая вслед за людьми новогвинейского племени *толаи*, каури-деньги более «тяжелыми», более «духовными», чем национальная валюта *кина*, которую они находят недостаточно «духовной» [Годелье, 2007: 198]. Сходная духовность формирует в Китае особое отношение к каури, отраженное в разных сферах жизни древнего и традиционного китайского общества. Б. Л. Богаевский писал, что каури были найдены в погребениях нескольких периодов Ганьсу вперемешку с медными изделиями, бусами из мрамора и полудрагоценных камней, например бирюзы [Богаевский, 1931: 2]. Однако почитание каури восходит к неолиту Китая, когда раковины каури стали одним из любимых элементов орнамента керамики культуры яншао [Кашина, 1978: 194], где прототипами для создания сложных мотивов послужили натуральные образцы, зарегистрированные в недалеком прошлом при раскопках захоронений носителей этой культуры.

1

2

Рис. 6. Каури на неолитической керамике яншао (1, 2)

Fig. 6. Cowrie on the neolithic Yangshao pottery (1, 2)

Позднее знаки каури послужили формированию ранней иероглифики, в которой каури явились изначальным символом Богини, сопровождавшим патронессу еще из палеолитических времен [Кучера, 1977: 42, рис. 10.-4].

К этому же выводу склоняет древнее начертание китайского иероглифа *бэй*, являющее собой не что иное, как стилизованное изображение раковины каури с моллюском внутри [Быков, 1969: 4; Нестеренко, 2002: 23]. В контексте данного осмысления уместно тонкое замечание М. Элиаде: «..на определенном уровне культуры весь мир, мир «природный», так же, как мир предметов и вещей, изготовленных человеком, оказывается сексуализированным» (цит. по: [Цивьян, 1991: 78]). Ему вторит автор словаря символов, где он пишет о каури: «Это символ водный, женский и сексуальный по своему характеру: уподобляется женским гениталиям, раковина связывается с плодородием и плотской любовью...» [Словарь..., 2006: 164]. На причину популярности каури весьма прозрачно указал Л. Я. Штернберг, написавший следующие слова: «Примитивный человек, добывая их издалека, очень дорожил ими, ибо каури напоминают женский орган и считались поэтому охраной против злых духов, и понятно, что чем больше этих каури, тем больше человек будет в безопасности» [Штернберг, 2012: 206]. Данную точку зрения поддерживал Б. Л. Богаевский, словами которого «каури... обладали... ясно выраженным магико-религиозным и символически-эротическим значением различного содержания» [Богаевский, 1931: 3].

В западноевропейской науке сформировался диапазон суждений о каури, обобщенный в одной фразе Джека Тресиддера: «Вульва; источник жизни. Среди первобытных народов красивая, по форме напоминающая полуоткрытые губы раковина этого моллюска была наиболее широко распространенным природным амулетом от бесплодия и дурного глаза. Золотая каури — знак высокого положения на островах Фиджи и Тонга. Ожерелье из каури использовалось как в торговле в качестве денег, так и в ритуальных целях. Ассоциации с плодородием, сексуальными удовольствиями и удачей сделали раковины каури желанным амулетом в Африке и в других регионах, часто довольно удаленных от мест, где они были собраны. Как траурная эмблема или элемент женских украшений, она может означать и смерть, и жизнь. Считается, что ее мистическая сила действует еще очень долго после смерти моллюска» [Тресиддер, 2000: 302; Словарь..., 2006: 164; Орел, 2003: 423, 424].

Все приведенные выше причины популярности каури в культурах мира в полной мере соотносятся с культурами Китая, ставшими ключевым звеном в цепи возвышения раковины на Дальнем Востоке. Применительно к китайцам П. М. Кожин писал: «...раковины *каури* воспринимались, в частности, как символ плодородия» [Кожин, 2016: 9]. Особую популярность каури приобрели в эпоху бронзы в общинах речных бассейнов Индокитая. Затем, разносясь по торговым путям, они стали попадать в Восточную Азию, где в бассейне Янцзы их недостаток восполняется изготовлением имитаций из кости, камня, бронзы. Через Сычуань и Ганьсу они достигают бассейна Хуанхэ, где вместе с разнообразными их имитациями ... становятся важной составной частью культуры шан-иньского и чжоуского населения» [Кожин, 2016: 9].

В древностях ранних царств Инь и Чжоу женские символы в виде каури имели хождение вплоть до расширения функции мерил стоимости, т. е. примитивных денег, ко-

гда они стали постепенно утрачивать свое изначальное ритуальное значение. «На передний план все более определенно стали выступать как мужское начало, так и идея гармонического взаимодействия и плодотворного слияния обоих начал, мужского и женского» [Васильев, 2001: 48]. В связи с появлением каури в ряду мерил ценности и стоимости интересна дифференциация понятийного ряда первобытных денег, предложенная Карлом Вейле: «По назначению и материалу все деньги первобытных народов делятся на деньги-украшения, деньги одежду, пищевые деньги и металлические деньги. Из денег-украшений древних времен наиболее распространен род улиток каури, которые собираются у Мальдивских островов, расположенных к юго-западу от Индостана и острова Мафия у побережья Восточной Африки...» [Вейле, 1923: 107; Богаевский, 1931: 2; Косых, Ковычев, 2020: 10]. Исследователь китайской культуры Вильгельм Грубе полагал, что уже в ипостаси заменителя денег каури ведет отсчет из глубокой древности [Грубе, 1912: 225]. Данное мнение подкрепили археологические исследования, показавшие, что товарно-денежные отношения царства Шан (Инь на территории современной провинции Хэйбей) достигли высокой стадии уже в середине II тыс. до н. э. При этом после XIV в. до н. э. мерилем стоимости у шанцев явились каури [Нестеренко, 2002: 7]. В южно-китайских морях каури попадаются редко, поэтому в массе своей они поступали с Мальдивских островов, именовавшихся «островами каури», в древнекитайское государство Шан-Инь (по имени народности «шан» и названию последней столицы — города Инь; 1600/1554–1046 гг. до н. э.), «где они приобретали функции денег и участвовали в торговых сделках» [Косых, Ковычев., 2020: 9,10]. При этом уже на ранней стадии возникновения денежных знаков раковина приобретает иероглифическую знаковую графику в значении «ценность» [Богаевский, 1931: 22]. Данное понятие нашло отражение в иероглифе «бэй», воспроизводящем стилизованное изображение каури, структурно входящее в иероглиф «цзянь» — деньги, а также в другие письменные знаки, связанные с понятиями *цена, дорогой, дешёвый, торговать* и т. д. [Воронин, 1986: 67].

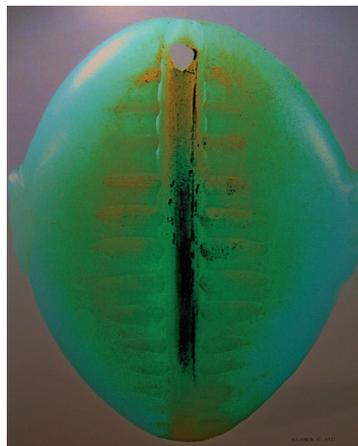

Рис. 7. Имитация каури из нефрита. Царство Шу, XI–IV вв. до н. э. [Золотой песок..., 2005: 95]
 Fig. 7. Cowrie imitation made of jade. Shu kingdom, XI–IV centuries BC [Golden sand..., 2005: 95]

В числе ранних китайских имитаций, относимых к эпохе бронзы, числится нефритовый образец из царства Шу на западе Сычуаньской котловины, существовавшего ориентировочно с XI по IV в. до н. э., когда в 316 г. до н. э. оно пало под ударами царства Цинь [Золотой песок..., 2005: 94–95].

Тогда же получила начало традиция отливки каури из бронзы [Кашина, 1978: 194].

Рис. 8. Имитации каури из медных сплавов. Период древних царств
 Fig. 8. Cowrie imitation made of copper alloys. Ancient kingdoms period

Рис. 9. Мумия шамана племени туши. Хуннское время. Музей Турфана
 Fig. 9. Shaman mummy from Tushi tribe. Xiongnu period. Turfan Museum

Культурная активность «китайских» каури отмечена в древностях, синхронных сибирским памятникам: сначала это экземпляры из комплекса Чунцзяюй северокитайских памятников шилоусского типа с «карасукскими» ножами [Варенов, 2005: 88, рис. 4.-17], соотносимые с позднебронзовыми древностями Средней Сибири (карасукская культура). Далее следуют некрополь Ойхуанмяо, соответствующий раннескифскому времени (VII–VI вв. до н. э.) и Маоцингой, созвучный следующему «скифскому»

этапу (V–III вв. до н. э.). Любопытно, что, помимо преобладающего числа натуральных каури, в первом из могильников найден экземпляр каури из золота и три имитации из кости [Шульга, 2015: 297, рис. 126]. Кроме реальных раковин в некрополе Шичжайшаня царства Дянь (IV в. до н. э. I в. н. э.) обнаружены их изображения на бронзовой пластине [Итс, 1972: 13]. В Турфанской впадине на северо-западе Китая изучена мумия мужчины (шамана) в возрасте 40 лет, оставленная иранским по языку народом *туши* (*дюши*), который в I в. до н. э. был покорен одновременно ханьцами и хуннами, поделившими их территории. На лобной части черепа зафиксирован фрагмент украшения головного убора в виде полоски из четырех каури.

В науке существует дискуссионное мнение, причисляющее неопределенные мелкие предметы из древних могил (кольца, спирали, колесики, наконечники стрел, крючки и т. п.) к разряду денег [Воронов, 1986: 61–62]. Однако известны и общепризнанные эквиваленты стоимости, появившиеся с возникновением развитых товарно-обменных отношений. Это скот, металлические прутки и другие мерилы цены. Отечественный ученый-нумизмат В. М. Потин писал, что «товары, использовавшиеся в качестве денег... называются товаро-деньгами или примитивными деньгами... в Эрмитаже хранятся железные прутья, куски соли, плитки чая, наконечники копий, раковины каури и т. п.» [Потин, 1986: 74]. Находки в памятниках Китая убедительно доказывают, что параллельно с древним ритуалом символизации богини развивается иная линия почитания каури — денежная. Самая многообразно представленная градация такого рода денег выявлена в китайской монетной системе. Здесь бытуют «монеты» в форме лопаты, мотыги, колокольчика, музыкальной пластины, ножа, ключа [Быков, 1969: 7–9, табл. II–VI; Воронов, 1986: 61–65; Потин, 1986: 74; Косых, Ковычев, 2020: 18]. Интересно, что при династии Цин (221–205 гг. до н. э.) император Ши Хуан-ди (246–210 гг. до н. э.) для облегчения торговли упростил денежное обращение, запретив меновую торговлю, где мериллом стоимости выступали каури. Отменились и все другие формы архаических денег. Взамен были выпущены круглые монеты с квадратным отверстием в центре, подобно известным в предшествующую эпоху Джоу, в царствах «Западная Джоу» и «Восточная Джоу» [Быков, 1969: 10–11]. Однако каури сохранили свою нишу в народной культуре, оставаясь магическим средством от бед и несчастий.

Согласно данным литературы каури широко используются в китайской материковой и островной этнографии. К примеру, вплоть до современности они входят в расшивку головных уборов и перевязей коренных обитатели Тайваня [Ожередов, 2022: 86, рис. 3.-5].

В науке бытует мнение, что из Китая каури попали в Японию, Корею, Индию, Таиланд, Филиппины. В Индии наибольшего распространения каури достигли в IV–VI вв. и сохранились вплоть до середины XIX в. [Квашин; Косых, Ковычев, 2020: 10], а в соседнем Пакистане функционировали еще в конце XX в.

В XVII столетии каури употреблялись в виде мелкой монеты в Индостане и Индокитае, на Филиппинах их заменили медными монетами только к 1800 г., а в Сиаме они были в ходу до 1860-х гг. Со временем место раковин занимают европейские никелевые и серебряные монеты [Вейле, 1923: 107].

Рис. 10. Тайванец. Фото 1910–1930 гг.
Fig. 10. A taiwan man. Photo 1910–1930;

Рис. 11. Тайванка. Фото 2005 г.
Fig. 11. A Taiwan woman. Photo 2005.

Рис. 12. Женщина племени калаш. Пакистан
Fig. 12. A woman from Kalash tribe. Pakistan

Не меньшую древность проявляют каури на соседних континентах. В Северной Америке они научно зарегистрированы в этнографии индейцев прерий. Лео Фробениус сообщал: «В Америке мы находим их в виде знаменитых поясов «вампумов», произошедших, вероятно, из шнурков, с нанизанными на них разноцветными раковинами, «предназначенными для украшения шеи и рук; вначале они служили только для украшения,

а потом стали обращаться в стране, как настоящие деньги» [Фробениус, 1914: 32, 38–40]. Помимо этого, в этнографии Северной Америки XIX в. каури известны на головных уборах воинов. Один из таких образцов хранится в Канадском музее цивилизации [Пономаренко, Дик и др., 2007: 151].

Своего триумфа каури достигли в Африке, где изначально, как в Китае и Северной Америке, их используют в качестве сакральных изделий, апотропеев, на что указывает, например, маска-наголовник народа *бамбара*, хранящаяся в Кунсткамере [Мали, 1986: 425]. Здесь же боевые щиты воинов Бенина, причудливые прически племени *нтум* в южном Камеруне, пояса, передники, ожерелья и головные повязки нилотов, украшенные каури [Богаевский, 1931: 4].

Рис. 13. Женщина. Западная Африка
Fig. 13. A woman. Western Africa

К такому же выводу склоняет нарратив Дж. Дж. Фрэзера, отметившего в описании ритуала умиловления духа дерева у центральноафриканского народа *баганда*, что перед рубкой дерева в жертву духу приносили подарок в виде козы, пива и нескольких каури. Раковины обвязывали вокруг ствола, пиво выливали в корни дерева и туда же стекала кровь козы [Фрэзер, 2014: 117].

Традиция сакрализации каури довольно рано находит место в южной зоне Средиземноморья, где раковины встречены в неолите Крита и изредка попадались в микенских погребениях. На «черном» континенте они документированы уже додинастическими погребениями Египта, а в памятниках XII династии найдены экземпляры, отлитые из золота [Богаевский, 1931: 3].

Ассоциации с плодородием, сексуальными удовольствиями и удачей сделали раковины каури желанным амулетом в африканском и в других регионах, часто до-

вольно удаленных от мест, где они были собраны [Тресиддер, 2001: 302–303]. Однако апофеоз африканских каури связан с работорговлей, где они являлись одним из основных средств для расчета при покупке черных рабов. Наибольшее распространение каури получили в Западной Африке. Лагос на западе и Занзибар на востоке служили воротами в самый центр материка, где все северное побережье Виктории-Ньянзы, Судан и побережье Верхней Гвинеи были переполнены этим товаром. Историки посчитали, что только в Тимбукту находилось в обороте около 75 млрд раковин. И это неудивительно при темпах тогдашней инфляции. В XVII в. раб стоил 60 каури, а спустя столетии в Гвинее за него платили уже 80000 раковин [Вейле, 1923: 107–108; Воронов, 1986: 67].

По наблюдениям европейцев, при покупках раковины отмеривали вместительными стандартными по объему сосудами или мешками, значительно облегчавшими подсчет больших сумм, отнимавших много времени. По этой же причине «на востоке Африки и в Верхней Гвинее их нанизывали на шнурки, а в землях Фульбе отсчитывали по пяти и укладывали затем в кучки из 200 и 1000 штук. В XIX столетии 700000 каури оценивались в 330 талеров, т. е. один талер равнялся 2120 раковинам. Несколько дороже они ценились в Дагомее: цена 100 штук равнялась 2,2 маркам. «Эти деньги очень удобны, — острит английский путешественник, — для того, чтобы унести 2 фунта стерлингов, надо нанять человека» [Вейле, 1923: 107–108; Воронов, 1986: 66]. Во внутривременной торговле цены были гораздо ниже, в 1700 г. в Уганде жена оценивалась всего в две ракушки [Косых, Ковычев, 2020: 10].

Примеры, послужившие пониманию переходной стадии от раковин-амулетов к раковинам-деньгам, обнаружены в XIX в. у народов тропической зоны. Люсьен Леви-Брюль отметил, что люди племени *бангала* в Верхнем Конго ставят в один ряд такие «прекрасные товары», как «каури, жемчужины и «*митак*», предметы, одинаково служившие мерилем ценности [Леви-Брюль, 2002: 306]. Позднее некое подобие сближения раковин с деньгами выявлено в обществах, изученных археологами. К примеру, ранее отмеченные случаи нахождения каури и их имитаций вместе с китайскими бронзовыми монетами в хуннских захоронениях Забайкалья или пребывание каури в составе монетных кладов «северо-восточной Европы и на Руси», где они находились в перемешку с кувшинскими и европейскими монетами [Спаский, 1970: 71]. Поэтому их справедливо считают первой фарфоровой валютой Китая, имевшей большую ценность, не утраченную до настоящего времени [Косых, Ковычев, 2020: 10].

Четкой хронологической грани ухода каури-украшений из чисто ритуальной сферы в денежную никто указать не может. Вероятно, ее и не было, так как переход от каури — магического талисмана к каури — унитарной монете — так и не завершился, ибо металлические деньги имели метафизическую составляющую, обусловленную сакральностью материала, являющего тот или иной платежный знак. Во всех случаях срабатывал механизм сакральности предмета: в одном случае — это магия раковины — знака Богини, в другом — магия «красного» металла, меди (ее сплавов) и золота (позолоты). Прежняя и новая функции фактически слились в единый образ сакрального мерилла стоимости, обладателя магической силы, породившего расхожую метафору — сила в деньгах. Причем признанная магическая, а не условная финансовая сила.

Символом бурного африканского прошлого каури стала алюминиевая монета достоинством в 50 каури, выпущенная Гвинеей в 1971 г. На аверсе монетного кружка отчеканена раковина каури. В современной Гвинее денежная единица называется *седи*, что в переводе с языка *ашанти* означает «раковина» [Каури в Новой Гвинее].

Рис. 14. Монета 50 каури. Новая Гвинея, 1971 г. [Воронов, 1986: 70]

Fig. 14. 50 cowrie coin. New Guinea [Voronov, 1986: 70]

Как упоминалось выше, в раннеантичные времена в Средиземноморье была известна монета-каури, именовавшаяся «кипрской» монетой [Воронов, 1986: 69]. В литературе пока нет единого мнения о какой-либо связи между средиземноморским и дальневосточным центрами происхождения денег-каури. Но трудно оспорить древность торгового коридора между Передней Азией (Месопотамия), ранними государствами Индии и Дальним Востоком, «пробитого» вдоль побережья Индийского океана задолго до похода Александра Македонского. Его наличие дает повод предполагать если не единство, то сходство финансовых систем востока и запада.

В истории «культурной» каури большое место занимают имитации раковин, изготовленные из материалов природного и искусственного происхождения. К первым относятся поделки из раковин более крупного размера, ко вторым — изделия из мягкого (белого) камня и «красных» металлов — золота, меди и ее сплавов, иногда позолоченных. «Имеются «каури» шестиугольной или овальной формы, с плоским основанием, которые, надо полагать, также воспринимались как деньги» [Косых, Ковычев, 2020: 13]. По свидетельствам исследователей, на отдельных территориях, например в Хакасии, каменных имитаций найдено больше, чем природных каури [Ожередов, 2002: 81]. Сторонники идеи «монетизации» каури склонны считать имитации денежными прототипами, особенно в китайской и прилегающей к ней сибирской зоне, где их найдено более всего [Воронов, 1986: 67–68]. Можно подумать, что тем самым увеличивали «денежную» массу на территориях, где имелся недостаток в натуральных каури-монетах. Однако до появления серьезных исследований говорить на эту тему еще рано.

Помимо двух главных функций — амулета-знака богини и денежных номинантов, раковины послужили магическим средством в погребальном обряде, где их использовали для изоляции глаз умерших. Впервые в такой роли засвидетельствованы каури из некрополя Иерихона, послужившие магическим средством в захоронениях с «моделированными черепами».

*Рис. 15. Моделированный череп с каури в глазницах из Иерихона
[Медникова, 2005: рис. 43]*

*Fig. 15. A modelled skull with cowrie shells in the eye sockets from Jericho
[Mednikova, 2005: fig. 43]*

Считается, что в глазницы их вставляли с целью символической защиты умерших. Сходные процедуры проделывали с головами умерших обитатели Новой Гвинеи [Медникова, 2004: 160, 163, рис. 43, 44] и *даяки* острова Борнео, использовавшие эти черепа еще и в качестве денег [Вейле, 1923: рис. 25]. Вероятно, к данной традиции относится обычай племен Камеруна изображать глаза на ритуальных масках в виде каури, а резчики Конго таким же способом изображали глаза у культовых статуэток [Богаевский, 1931: 4]. В Средней Азии традиция закрывания глазниц раковинами каури известна в Таджикистане, где при раскопках городища Тахти-Сангин встретили две упомянутые выше «овальные раковины с отверстиями в центре», атрибутированные как «на-глазники» [Литвинский, Пичикян, 1981: 205].

*Рис. 16. Моделированный череп с каури в глазницах из Новой Гвинеи
[Медникова, 2005: рис. 44]*

*Fig. 16. A modelled skull with cowrie shells in the eye sockets from New Guinea
[Mednikova, 2005: fig. 44]*

Уместное данному обычаю объяснение обнаруживается в сибирской этнографии: каури на шаманском костюме эвенков символизировали закрытые входы в страну мертвых (*буни*) [Анисимов, 1958: 178]. Таким образом, раковины в глазницах покойных препятствовали выходу душ мертвых в мир живых людей. Точно так же, как специальные лицевые приспособления (пластинки из цветного металла, монеты и т. п.), имевшие применение на обширной территории Евразии (см. подробнее: [Ожередов, 2013: 161–163]). Впрочем, существует и другое мнение, согласно которому их назначение — препятствовать проникновению в тело мертвого злых духов. Китайцы видели этих ирреальных существ в образе муравьев, поэтому, чтобы предотвратить их движение в тело умершего, в ноздри покойников вставляли «магические пробки» в форме бронзовых подражаний каури [Быков, 1969: 5; Косых, Ковычев, 2020: 14].

Другая погребальная традиция возводит каури в условный статус «обола Харона». В подражание китайской практике помещения различных сакральных предметов в рот, нос и уши умершего хунну в Западном Забайкалье стали использовать раковины. В Дерестуйском некрополе в рот умершей вложили каури [Косых, Ковычев, 2020: 14]. В ряде стран Африки раковину, подобно медной монете, клали на рот умершего. Такой ритуальный порядок принимали Мадагаскар, Багирми, племя Бакуба и др. [Анучин, 1890: 104]. Следует отметить, что данный вариант имеет примеры первого типа, когда рот закрывали с целью воспрепятствовать перемещению злых сил [Ожередов, 2013: 161, 162, 163], точно так же, как китайцы медными отливками, имитирующими каури, «запирали» ноздри умерших.

Заключение

В завершение исследования обозначу несколько основных выводов по хронологическо-географической локализации и семантике каури в культурах земного шара. Из четырех заселенных человеком материков на трех обнаружены раковины каури, игравшие заметную роль в культурной жизни многих племен и народов. Помимо материковой суши, огромное число каури имеется у островных народов Большой Океании, где они, по воззрениям поселенцев, обладают теми же метафизическими свойствами, которые привлекли внимание обитателей материков. Повсеместно наблюдается первобытное поклонение каури с использованием ее в качестве амулета (талисмана), а позднее денежной единицы. Хронология каури уходит в палеолит, свидетельствуя о глубокой древности «доместикации» этой раковины с введением ее в культурную жизнь человека. Не меньшую древность обнаруживает семантика каури: во-первых, это приписываемая амулету магическая сила, обусловленная принадлежностью к сакральной сущности Богини. Во-вторых, метафизические силы металлов или камней, служивших сырьем для изготовления имитаций. Яркими тому примерами стали красные и желтые металлы — золото и медные сплавы, а из минералов наиболее самобытно представлен священный камень китайцев — нефрит.

На основании единства мировоззрения человечества в рамках глобального натурфилософского осмысления природы и общества, можно предполагать, что представления сибирских обитателей, включая нарымских селькупов, принципиально не отличалось от воззрений других народов мира. Однако в силу архаического состояния хо-

зайственных и общественных отношений, функциональная роль каури в таежных коллективах не развилась далее первой стадии, т. е. использования каури в качестве амулетов-апотропеев, обеспечивавших безопасность от угроз со стороны инаковых сил потустороннего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // Российская археология. 2001. № 2. С. 83–96.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.

Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. М. : Типография и Словолитня О. О. Гербек, 1890. 146 с.

Байпаков К. М., Воякин Д. А. Исследование комплекса Талтакой // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 2003. № 1 (239). С. 108–125.

Богаевский Б. Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. VI, вып. 8–9. 101 с.

Боканов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2008. 672 с.

Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : Наука, 1975. С. 281–297.

Брыкина Г. А., Трунаева Т. Н. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 75–87.

Быков А. А. Монеты Китая. Л. : Советский художник, 1969. 80 с.

Варенов А. В. К датировке северокайских памятников шилоусского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 79–90.

Василевич Г. М. Материальная культура среднеамурских эвенков (по коллекциям музеев Ленинграда) // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1977. С. 106–137.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М. : Восточная литература РАН, 2001. 488 с.

Вейле К. Первобытное общество и его хозяйство. Пг. ; М. : Книга, 1923. 156 с.

Волкова Л. А. Удмуртские женские украшения XIX–XX вв. (этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и лит-ры Уральского отделения АН СССР, 1988. С. 25–58.

Воронина Р. Ф. Южные и степные влияния в культуре среднецинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. М. : Наука, 2005. № 218. С. 98–108.

Воронов Ю. П. Страницы истории денег. Новосибирск : Наука, 1986. 176 с.

Вяткина К. В. Костюм дархатской шаманки // Культура народов зарубежной Азии и Океании. М. : Наука, 1969. Т. XXV. С. 136–145.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 215 с.

Головченко Н. Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г. Археология, этнография, устная история. 2015. Вып. 10. С. 33–37.

Годелье М. Загадка дара. М. : Восточная литература, 2007. 295 с.

Грубе В. Духовная культура Китая. СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1912. 237 с.

Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Могилов А. Д. Курган № 3 у с. Текливка на Среднем Днестре // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник научных трудов. Воронеж : Научная книга, 2011. С. 97–109.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Изд-во. Новосибир. ун-та, 1990. 163 с.

Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк : ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 305–330.

Жамцарано Ц. Ж. Онгоны агинских бурят // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1909. Т. XXXIV. С. 379–394.

Зайцева И. Е. Погребения в детинце Серенска // КСИА. М., 2001. № 211. С. 93–107.

Заря человечества. М. : ТЕРРА : Книжный клуб, 1998. 176 с.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V — первая половина XIII в. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 309 с.

Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л. : Наука. 1972. 308 с.

Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара : Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Калашникова Н. М., Плужникова Г. А. Одежда народов СССР. М. : Планета, 1990. 224 с.

Каталог коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово : СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I: Народы Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 342 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. II: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.

Каури в Новой Гвинее. // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru/668e26b7-62c67730-b477f599-74722d776562/https/currencies.fandom.com/wiki/Guinean_50_sauri_coin (дата обращения: 15.08.2022).

Кашина Т. И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества (Первобытное искусство). Новосибирск : Наука, 1978. С. 183–202.

Квашин В. Г. Деньги из моря. URL: http://museumimb.ru/sea_money.html (дата обращения: 15.08.2022).

Клюева Н. И., Михайлова Е. А. Каталог съемных украшений народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л. : Наука, 1988. Т. XLII. С. 195–208.

Ковпаненко Г. Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 107–113.

Кожин П. М. От меновых эквивалентов к деньгам // Общество и государство в Китае. 2016. № 1. С. 7–15.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1976. 220 с.

Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). СПб. : Петербургское востоковедение, 2013. 264 с.

Косых В. И., Ковычев Е. В. Китайские монеты из средневековых погребений Восточного Забайкалья: история, хронология, классификация (в помощь историка-краеведам) : учебное пособие. Чита : ЗабГУ, 2020. 132 с.

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 314–336.

Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 106 с.

Краснопёров А. А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина — середина III — середина VI вв. н. э.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Вектор Бук, 2007. С. 108–111.

Курьшова Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 204–215.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М. : Наука, 1977. 268 с.

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб. : Европейский дом, 2002. 400 с.

Левина Н. М. Джетыясарская культура. Ч. 3–4. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.

Левина Н. М. Памятники Джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н. э. середины I тыс. н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 61–72.

Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М. : Иностранная литература, 1954. 487 с.

Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин — каменное городище (раскопки 1967–1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М. : Наука, 1981. С. 195–212.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 164 с.

Мали // Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. М. : Советская энциклопедия, 1986. С. 424–425.

Медникова М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М. : Алетей, 2004. 208 с.
Мец Ф. И. О возможном сюжете декора золотой пряжки из сарматского погребения могильника Новый на Дону // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. С. 106–110.

Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство // Малая история искусств. М. : Искусство, 1973. 320 с.

Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikato_r/08/08_03/5-88431-129-x/

Нестеренко Ю. К. Созвездие Большого ковша. Чита : Поиск, 2002. 96 с.

Никитина Т. Б. Брусенихинский могильник // Археология евразийских степей. 2018. № 3. 255 с.

Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М. : Белый волк : Крафт : Облиздат, 1999. 312 с.

Обермайер Г. Доисторический человек. СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1913. 687 с.

Ожередов Ю. И. Селькупские погребальные «маски» (к постановке вопроса) // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. Вып. 3. С. 160–164.

Ожередов Ю. И. Культурно-хронологическая локализация раковины каури у народов Западной и Южной Сибири по данным археологии и этнографии // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 1. С. 75–94.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с.

Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 584 с.

Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство. Л. : Путь к знанию, 1924. 528 с.

Подушкин А. Н. Археологический комплекс из катакомбы 12 могильника Культобе // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 398–408.

Пономаренко Е., Дик И. Древние кочевники Евразии и Северной Америки. Самара: Корпорация «Канадский музей цивилизации», Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2007. 168 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1881. Вып. II. 181 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб. : тип. В. Безобразова и К°. 1883. Вып. IV. 1026 с.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. М. : Нука, 1973. С. 265–268.

Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник МАЭ. Л. : Наука. 1951. Т. XIII. С. 5–59.

Потин В. М. Введение в нумизматику // Труды Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1986. С. 67–163.

Решетов А. М. Костюм маньчжурского шамана в коллекции МАЭ // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова. М. : Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 99–107.

Риттер К. Землеведение Азии. География стран или пограничных с нею, Сибири, Китайской империи, Туркестана, Независимой Татарии и Персии. СПб. : Издано ИРГО, 1877. 749 с.

Руссо А. Глоссарий палеолитического искусства. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. 80 с.

Рябкова Т. В. Кочевники предскифского и раннескифского времени в Северном Причерноморье // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2012. С. 50–59.

Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск : Наука, 1978. С. 72–94.

Савченко Е. И. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 451–489.

Седов В. В. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 34–42.

Семенов В. А. Тольёнский могильник IX–X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит-ры Уральского отделения АН СССР, 1988. С. 25–58.

Синика В. С., Закордонец Ю. А. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Вестник Удмуртского гос. ун-та. Серия: История и филология. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 81–87.

Словарь символов и знаков. М. : АСТ, 2006. 164 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 165–177.

Смирнова Е. Ю. Магия в традиционном мировоззрении: по материалам традиционной одежды сибирских татар // Культурологические исследования в Сибири. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. № 1. С. 92–99.

Спаский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л. : Аврора, 1970. 256 с.

Степанова Ю. В. Женский погребальный костюм XI–XII вв. по материалам курганного могильника Устье (Тверская область) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2018. № 1: Археология. Этнография. Историческая география. С. 52–63.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Фэн, 2000. 312 с.

Толксдорф И. Ф., Крафт И., Шмидт И. В. Исследования раскрашенных галек из Мас д'Азиль: история и современный этап // Universum Humanitarium. 2018. № 1. С. 69–86.

Трейстер М. Ю. Раковины морских моллюсков в погребениях кочевников азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 1. С. 22–58.

Тресиддер Д. Словарь символов. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2019. 160 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука. 2002. 300 с.

Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.

Флоринский В. М. Второе прибавление к каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1890. С. 338–378.

Флоринский В. М. Прибавление к каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1890. С. 157–337.

Фробениус Л. Детство человечества. СПб. : Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1914. 368 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии). М. : Академический проект, 2014. 407 с.

Худяков Ю. С. Торговые и культурные связи средневекового населения Тянь-Шаня и Семиречья в VI–X вв. // Центральная Азия и Южная Сибирь: альманах. М., 2009. Т. I. С. 212–218.

Цибиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского ун-та, 2001. 266 с.

Цибиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского ун-та, 1998. 288 с.

Цивьян Т. В. Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб. : Наука, 1991. С. 77–91.

Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М. : Восточная литература, 2006. 288 с.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М. : Либроком, 2012. 592 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn: Rheinische Friedrich-WilhelmsUniversität Bonn, 2011. P. 349–424 (in English).

Chalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est.-Budapest, 1977. P. 21–221 (in English).

REFERENCES

Albegova Z. Kh. Paleosotsiologija alanskoi religii VII–IX vv. (po materialam amuletoy iz katakkombnykh pogrebenii Severnogo Kavkaza i Srednego Dona) [Paleosociology of Alan

religion in VII–IX centuries (based on the amulets from the catacombs in North Caucasus and Middle Don)]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2001, no 2. S. 83–96 (in Russian).

Anisimov A. F. *Religiia evenkov* [The Evenks' religion]. M.: L.: Izd-vo AN SSSR. 1958. 238 s. (in Russian).

Anuchin D. N. *Sani, lad'ia i koni kak prinadlezhnosti pokhoronnogo obriada. Arkheologo-etnograficheskii etyud* [Sledge, boat and horses as the attributes of a burial rite. Archaeological sketch]. M.: Tipografiia i Slovolitnia O. O. Gerbek. 1890. 146 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Voyakin D. A. Issledovaniia kompleksa Taltakoi [Taltakai complex research]. *Izvestiya Nacionalnoi AN Respubliki Kazahstan. Seriya obschestvennih nauk* [Bulletin of National AN of Kazakhstan Republic]. Social Sciences Seria. Almaty: "Fylym". 2003, no 1. S. 108–125 (in Russian).

Bogaevski B. L. Rakoviny v raspisnoi keramike Kitaya, Krita i Tripol'ia [Shells in painted pottery of China, Crete and Tripoli]. *Izvestiya GAIMK* [Bulletin of GAIMK]. L., 1931, Vol. VI. Is. 8–9. 101 s. (in Russian).

Bokanov S. G. *Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya)* [Xiongnu and the Turkic people (historical-archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: Cikir Rifei, 2008. 672 s. (in Russian).

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu. S. Ukrasheniia i prinadlezhnosti zhenskogo kostiuma iz pozdnesrednevekovogo pogrebeniia Choba-Bash v Gornom Altae [Jewelry and elements of female costume in late medieval burial complex Choba-Bash in the Altai Mountains]. *Drevnosti Altaya* [Altai antiquities]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. gos. un-t., 2003, no. 11. S. 160–169 (in Russian).

Borozna N. G. Nekotorie materialy ob amuletah-ukrasheniiah naseleniia Srednei Azii [Some information about amulets — decorations of the ethnoses in Central Asia]. *Domusulmanskie verovaniia i obryady v Srednei Azii* [Premuslim believes and rituals in Central Asia]. Moscow: Nauka, 1975. S. 281–297 (in Russian).

Bykov A. A. *Monety Kitaya* [Coins of China]. L.: Sovetskii hudozhnik, 1969. 80 s. (in Russian).

Chvyr' L. A. *Obriady i verovaniia uigurov v XIX–XX vv.: ocherki narodnogo islama v Turkestane* [Rites and believes of the Uyghurs in XIX–XX centuries: essays on the folk Islam in Turkestan]. M: Vost. lit-ra, 2006. 288 s. (in Russian).

Dobzhanskii V. N. *Nabornie poyasa kochevnikov Azii* [Utility belts of asian nomads]. Novosibirsk: Izdat. Novosib. un-ta, 1990. 163 s. (in Russian).

Dode Z. V. Kostium kak reprezentaciia istoriko-kul'turnoi real'nosti: K voprosu o metodike issledovaniia [Costume as a representation of historical and cultural reality: to the question of research methods] *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arheologii* [Structural and semiotic research in archaeology]. Doneck: DonNU. 2005, Vol. 2. S. 305–330.

Fiel'strup F. A. *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [On the rituals of the Kyrgyz people in the beginning of XX century]. M.: Nauka, 2002. 300 s. (in Russian).

Florinskii V. M. *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta* [Archaeological museum of Tomsk university]. Tomsk: Tipo-litografiia Mikhailova i Makushina, 1888. 155 s. (in Russian).

Florinskii V. M. *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo Muzeia Tomskogo universiteta* [Additions to the catalogue of the Archaeological Museum in Tomsk university]. Tomsk: Tipolitografiia Mikhailova i Makushina, 1890. S. 157–337 (in Russian).

Florinski V. M. *Vtoroe pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo Muzeia Tomskogo universiteta* [Second addition to the catalogue of Archaeological Museum in Tomsk university]. Tomsk: Parovaia Tipo-litografiia Mihailova i Makushina, 1890. S. 338–378 (in Russian).

Frazer J. G. *Zolotaya vetv'. Novie plodi (issledovaniya magii i religii)* [The Golden Bough. New fruit (a study of magic and religion)]. M.: Akademicheskii prospect, 2014. 407 s. (in Russian).

Frobenius L., *Detstvo chelovechestva* [Humanity's childhood]. SPb: Izdanie knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 1914. 368 s. (in Russian).

Garustovich G. N., Ivanov V. A., *Materiali po arheologii srednevekovih kochevnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. n. e.)* [Archaeological materials of medieval nomads in South Ural Region (IX–XV centuries AD)]. Ufa: Isd-vo BGPU, 2014. 328 s. (in Russian).

Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy* [Medieval monuments of the upper reaches of the Kama]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1989. 215 s. (in Russian).

Golovchenko N. N. *Rakoviny kauri kak element poiasnoi furnitury naseleniia Verkhneobskogo basseina epokhi rannego zheleza* [Cowrie shells as an element of belt accessories of the people from upper reaches of the Ob' in early Iron Age]. *Polevye issledovaniia v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2014 g. Arkheologiya, etnografiya, ustnaia istoriya* [Field research in near Irtysh region, near Ob's region and in Altay in 2014. Archaeology, ethnography and oral history]. 2015. Is. 10. S. 33–37 (in Russian).

Godelle M. *Zagadka dara* [The mystery of the gift]. M.: Vostlit., 2007. 295 s. (in Russian).

Grube V. *Duhovnaia kul'tura Kitaia* [Spiritual culture of China]. Spb.: Izd-vo Brokgauz i Efron. 1912. 237 s. (in Russian).

Gucal A. F., Gucal V. A., Mogilov A. D. *Kurgan N3 u s. Teklivka na Srednem Dnestre* [Burial mound N3 near the village Teklivka in middle Dnestr] // *Vostochnoevropeiskie drebnoti skifskoi epokhi: sbornik nauchnih trudov*. Voronezh: IPC “Nauchnaya kniga”, 2011. S. 97–109 (in Russian).

Ivanov A. G. *Etnokulturnie i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Chepci v epokhu srednevekov'ya: konec V — pervaya polovina XVIII v.* [Ethnocultural and economic relations in Chepci River valley in the Middle Ages: late 5th century — first half of 18th century] Izhevsk: Udmurtskii institute istorii, yazyka i literature UrO RAN, 1997. 309 s. (in Russian).

Its R. F. *Etnicheskaya istoriya iuga Vostochnoi Azii* [Ethnic history of the south of the Eastern Asia]. L. Nauka. 1972. 308 s. (in Russian).

Kalashnikova N. M., Pluzhnikova G. A. *Odezhda narodov SSSR* [Clothes of the USSR people]. M. Planeta. 1990. 224 s. (in Russian).

Katalog etnograficheskikh kollektsii Muzeia arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [Catalogue of ethnographic collections in the Museum of archaeology and ethnography of Siberia in Tomsk university]. Ch. 1. *Narodi Sibiri* [Siberian ethnoses]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979. 342 s. (in Russian).

Katalog etnograficheskikh kollektsii Muzeia arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [Catalogue of ethnographic collections in the Museum of archaeology and ethnography

of Siberia in Tomsk university]. Ch. 2. Narodi SSSR (krome Sibiri) i zarubezhnih stran [Ethnoses of USSR (except for Siberia) and foreign countries]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1980. 252 s. (in Russian).

Katalog kollektsii muzeyya "Arheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" KemGU [Catalogue of the Museum of Archaeology, Ethnography and ecology of Siberia]. Kemerovo: SKIF, 2004. Vyip. 1.112 s. (in Russian).

Kauri v Novoi Gvinei [Cowrie in New Guinea]. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.668e26b7-62c67730-b477f599-74722d776562/https/currencies.fandom.com/wiki/Guinean_50_cauri_coin (accessed July 23, 2022) (in Russian).

Kashina T. I. Semantika ornamentatsii neoliticheskoi keramiki Kitaia [Semantics of Chinese Neolithic pottery ornamentation]. *U istokov tvorchestva (Pervobytnoe iskusstvo) [At the roots of art (Primitive Art)]*. Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 183–202 (in Russian).

Kazakov E. P. Kominternovskii II mogil'nik v sisteme drevnostei epokhi tiurkskikh kaganatov [Kominternovskii 2 burial complex in the system of the ancient monuments of Turkic khagans]. *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (voprosy khronologii) [Eurasian steppes cultures in the second half of the 1st millennium AD]*. Samara, Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina, 1998. S. 97–150 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. Torgovye i kul'turnye svyazi srednevekovogo naseleniia Tian' — Shania i Semirech'ia v VI–X vv [Trade and cultural connections of medieval population of Tian-Shan and Semirchye in VI–X centuries]. *Tsentral'naiia Aziia i iuzhnaia Sibir' [Central Asia and South Siberia]*. M. 2009, Vol. I. S. 212–218 (in Russian).

Kliueva N. I., Mikhailova E. A. Katalog s'emnykh ukrashenii narodov Sibiri (po kollektsiiam MAE) [Catalogue of the ornamentations of Siberian people (based on the collection of MAE)]. *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri [Material and spiritual culture of Siberian people]*. L.: Nauka, 1988, Vol. XLII. S. 195–208 (in Russian).

Kononov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e [Huns in Transbaikalia]*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhn. izd-vo, 1976. 220 s. (in Russian).

Korusenko M. A., Ozheredov Iu. I., Iarzutkina A. A. *Mifologiya sibirskikh tatar v simbolakh obrazov i veshchei (opyty prochteniia) [Siberian Tatars' mythology in symbols of images and objects (interpretation experiences)]*. SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013. 264 s. (in Russian).

Kosyih V. I., Kovyichev E. V., Kitaiskie monety iz srednevekovykh pogrebenii Vostochnogo Zabaikal'ya: istoriya, hronologiya, klassifitsiia (v pomoshch istorikam-kraevedam): uchebnoe posobie [Chinese coins from medieval burials in the eastern Transbaikalia: history, chronology, classification (for historians and local history researchers): a study guide]. Chita: ZabGU, 2020. 132 s. (in Russian).

Kovpanenko G. T. "Chervona mogila" u s. Fliarkovka ["Chervona burial" near Fliarkovka village]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia [Antiquities of Eurasia during the Scythian-Sarmatian period]*. M.: Nauka, 1984. S. 10–7113 (in Russian).

Kozhin P. M. *Ot menovih ekvivalentov k den'gam. Istoriia i etnografiia [From exchange equivalents to money. History and ethnography]*. 2016. no. 1. S. 7–15 (in Russian).

Krasnoperov A. A. Ukrasheniia iz rakovin v pogrebal'nom inventare mazuninskoi kul'tury v Prikam'e (pervaia polovina — seredina III — seredina VI vv. n. e.) [Shell decorations

in burial inventory of Mazuninskaya culture in near-Kama region (first half-middle of the III century — middle of VI century AD)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of the ancient and traditional societies]. Tiumen': Vektor Buk. 2007. S. 108–111 (in Russian).

Kubarev V.D. *Drevnie izvaianiia Altaia. Olennie kamni* [Ancient Altai monuments. Deer stones]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 s. (in Russian).

Kubarev V.D. *Kurgany Yustida* [Burial mounds of Yustiyid]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 s. (in Russian).

Kuryshova N.P. Klassifikatsiia bus iz kochevnicheskikh pogrebenii zolotoordynskogo vremeni [Classification of the bead necklaces in nomadic burials of Golden Hoard period]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archaeology]. 2012, no. 1. S. 20–4215 (in Russian).

Kuchera S. *Kitaiskaia arheologiya 1965–1974 gg.: paleolit — epoha In'*. *Nahodki i problemi* [Chinese archaeology 1965–1974: the Paleolithic — the Yin dynasty. Discoveries and issues]: M.: Nauka, 1977. 268 s. (in Russian).

Kvashin V.G. *Den'gi iz moria* [Money from the sea]. Available at: http://museumimb.ru/sea_money.html (accessed July 27, 2022) (in Russian).

Levi-Briul' L. *Pervobytnyi mentalitet* [Primitive mentality]. SPb.: Evropeiskii dom, 2002. 400 s. (in Russian).

Levina N.M. *Dzhetyasarskaia kul'tura* [Dzhetyasarskaya culture]. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1994. Ch. 3–4. 312 s. (in Russian).

Levina N.M. Pamiatniki Dzhetyasarskoi kul'tury serediny I tysiacheletia do n. e. serediny I tys. n. e. [Monuments of Dzhetyasarskaya culture from the middle of the 1 millennium BC to the middle of the I millennium AD]. *Stepnaia polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* [Steppe zone of asian region of the USSR during the Scythian-Sarmatian period]. M.: Nauka, 1992. S. 6172 (in Russian).

Lips J. *Proiskhozhdenie veshchei. Iz istorii kul'tury chelovechestva* [The origin of things. The history of humanity]. M.: Inostrannaia literatura, 1954. 487 s. (in Russian).

Litvinskii B.A., Pichikian I.R. Takhti-Sangin — kamennoe gorodishche (raskopki 1967–1978 gg.) [Takhti-Sangin — stone city (excavations of 1967–1978)]. *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma* [Culture and art of the ancient Khwarazm]. M.: Nauka, 1981. S. 195–212 (in Russian).

Mali. *Populiarnaia khudozhestvennaia entsiklopediia. Arkhitektura. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika. Dekorativnoe iskusstvo* [Popular fine-art encyclopedia. Architecture. Fine-art. Sculpture. Graphics. Decorative art]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1986. S. 424–425 (in Russian).

Mazhitov N.A. *Bakhmutinskaia kul'tura. Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletia nashei ery.* [Bakhmutinskaia culture. Ethnic history of Northern Bashkiria population in the middle of the I millennium AD]. M., 1968. 164 s. (in Russian).

Mednikova M.B. *Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy* [Trepanning in the ancient world and the cult of head]. M.: Aleteia, 2004. 208 s. (in Russian).

Mets F.I. O vozmozhnom siuzhete dekora zolotoi priazhki iz sarmatskogo pogrebeniia mogil'nika Novyi na Donu [On a possible subject of the decor on a buckle from Sarmatian burial complex Novyi at the Don River]. *Shestye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova* [The sixth historical conference dedicated to Mikhaila Petrovicha Griaznov]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004. S. 106–110 (in Russian).

Mikhailova E. A. *S'emnye ukrasheniia narodov Sibiri* [Detachable ornaments of Siberian people]. Elektronnaia biblioteka Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Digital library of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/ (accessed July 29, 2022).

Mirimanov V. B. *Pervobytnoe i traditsionnoe iskusstvo. Malaia istoriia iskusstv.* [Primitive and traditional art. Minor art history]. M.: Iskusstvo. 1973. 320 s. (in Russian)

Nesterenko Iu. K. *Sozvezdie Bol'shogo kovsha* [The Big Dipper constellation]. Chita: Poisk, 2002. 96 s. (in Russian).

Nikitina T. B. Brusenihtinskii mogil'nik [Brusenihtino burial complex]. *Arheologiiia evraziiskih stepei* [Archaeology of Eurasian steppes]. 2018, no 3. 255 s. (in Russian).

Nikolaeva N. A., Safronov V. A. *Istoki slavianskoi i evraziiskoi mifologii* [The roots of Slavic and Eurasian mythology]. M.: Belyi volk, Kraft: Oblizdat, 1999. 312 s. (in Russian).

Obermaier G. *Doistoricheskii chelovek* [Prehistoric man]. SPb.: Izd-vo Brokgauz i Efron, 1913. 687 s. (in Russian).

Ozheredov Iu. I. Sel'kupskie pogrebal'nye "maski" (k postanovke voprosa) [The Selkups' burial masks (statement of the question)]. *Vestnik TGU* [News of TGU. History]. 2013, Is. 3. S. 160–164 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. Kul'turno-khronologicheskaia lokalizatsiia rakoviny kauri u narodov Zapadnoi i yuzhnoi Sibiri po dannym arkheologii i etnografii [Cultural-chronological localization of the cowrie shells among the people of the West and South Siberia based on the archaeological and ethnographic materials]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii* [Theory and practice of the archaeological research]. 2022, Vol. 34, no 1. S. 75–94 (in Russian).

Ol'khovskii V. S. *Monumental'naia skulptura naseleniia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza* [Monumental sculpture of the western part of the Eurasian steppes in the early Iron Age]. M.: Nauka, 2005. 299 s. (in Russian).

Orel V. E. *Kul'tura, simvoly i zhivotnyi mir* [Culture, symbols and the animal world]. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr, 2008. 584 s. (in Russian).

Osborn G. F. *Chelovek drevnego kamennogo veka. Zhizn', sreda, iskusstvo.* [Ancient stone age man. Life, environment, art]. L.: Put' k znaniuu, 1924. 528 s. (in Russian).

Podushkin A. N. Arkheologicheskii kompleks iz katakomby 12 mogil'nika Kul'tobe [Archeological complex from the catacomb 12 in Kul'tobe burial complex]. *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh* [Arians of Eurasian steppes: the Bronze Age and early Iron Age in Eurasian steppes and in neighboring territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. S. 398–408 (in Russian).

Ponomarenko E., Dik I., *Drevnie kochevniki Evrazii i Severnoi Ameriki* [Ancient nomads of Eurasia and North America]. Samara: Korporaciya Kanadskii muzei civilizatsiia, Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedchskii muzei im. P. V. Alabina, 2007. 168 s. (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty putestestviia, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on North-Western Mongolia. The results of the journey made in 1879 initiated by Imperial Russian Geographical Society]. SPb.: Printing house V. Bezobrazov and Co, 1881. Is. II. 181 s. (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on North-Western Mongolia. The results of the journey made in 1879 initiated by Imperial Russian Geographical Society]. SPb.: Printing house V. Bezobrazov and Co, 1883. Is. 4, 1026 s. (in Russian).

Potapov L. P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai — the deity of the ancient Turkic people in ethnographic context]. *Turkic studies proceedings* [Turkological collection]. M.: Nauka, 1973. S. 265–268 (in Russian).

Potin V. M. Vvedenie v numizmatiku [The introduction to the numismatics]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. L.: Iskusstvo, 1986. S. 67–163 (in Russian).

Reshetov A. M. Kostium man'chzhurskogo shamana v kollektzii MAE [A costume of a Manchurian shaman in the collection of MAE]. *Shamanizm i rannye religioznye predstavleniia. K 90-letiiu doktora istoricheskikh nauk, professora L. P. Potapova* [Shamanism and early religious beliefs. For 90th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, L. P. Potapov]. M.: Inst-t etnologii i antropologii, 1995. S. 99–107 (in Russian).

Ritter K. *Zemlevedenie Azii. Geografiia stran ili pograniichnykh s neiu, Sibiri, Kitaiskoi imperii, Turkestana, Nezavisimoi Tatarii i Persii* [Zemlevedenie of Asia. Geography of the countries or neighboring Siberian, Chinese Empire, Turkestan, Independent Tartary and Persia]. SPb.: Izdano IRGO, 1877. 749 s. (in Russian).

Russo A. *Glossarii paleoliticheskogo iskusstva* [A glossary of paleolithic art]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. 80 s. (in Russian).

Riabkova T. V. Kochevniki predskifskogo i ranneskifskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e [Nomads of pre-Scythian and early Scythian period in Northern Black Sea Region]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia approaching the Empire. From the collection of the State Hermitage. Catalogue of an exhibition]. SPb.: Slavia, 2012. S. 50–59 (in Russian).

Savinov D. G., Chlenova N. L. Zapadnye predely rasprostraneniia olennykh kamnei i voprosy ikh kul'turno-etnicheskoi prinadlezhnosti [Western borders of deer stone zone and their cultural and historical attribution]. *Arkheologiya i etnografiia Mongolii* [Archaeology and ethnography of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 72–94 (in Russian).

Savchenko E. I. Ukrasheniia naseleniia skifskogo vremeni na Srednem Donu [Ornamentations of the population in the Middle Don region during the Scythian period]. *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia* [Antiquities of Eurasia: the the early Bronze period to early early Middle Ages]. M.: Institut arkheologii RAN, 2005. S. 451–489 (in Russian).

Sedov V. V. Vod'. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia* [Finno-ugric and Baltic people during the Middle Ages]. M.: Nauka., 1987. S. 34–42 (in Russian).

Semenov V. A. Tol'enskii mogil'nik IX–X vv. [Tolensky burial complex of IX–X centuries]. *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii* [New research of ancient history of Udmurtia]. Izhevsk.: Udmurtskii institut istorii, iazyka i lit-ry Ural'skogo otdeleniia AN SSSR, 1988. S. 25–58 (in Russian).

Shternberg L. Ia. *Pervobytnaia religiiia v svete etnografii: issledovaniia, stat'i, lektsii* [Primitive religion through ethnography: research, articles, lectures]. M.: LIBROKOM', 2012. 592 s. (in Russian).

Shulga P. I. *Mogilnik Yuihuanmiao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashei eri)* [Yuhuanmiao burial complex in North China (VII–VI centuries BC)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2015. 304 s. (in Russian).

Sinika V. S., Zakordonets Iu. A. Rakoviny iz skifskikh pogrebenii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia [Shells in Scythian burials in North-western Black sea region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt university]. 2018. Vol. 28, Is. 1. S. 81–87 (in Russian).

Slyusarenko I. Yu., Bogdanov E. S., Soyonov V. I., Materiali gunno-sarmatskoi epohi iz Gornogo Altaya (mogilnik Kuraika) [Xiongnu -Sarmatian period materials from the Altai Mountains (Kuraika burial complex)]. *Izuchenie istoriko-kulturnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Historical-cultural heritage research]. Gorno-Altaysk: Agenstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altai, 2008. S. 42–57 (in Russian).

Slovar' simvolov [A dictionary of symbols]. M.: Izdatel'sko-torgovyi dom Grant. 2001. 164 s.

Slovar' simvolov i znakov [A dictionary of symbols and signs]. M.: AST; Mn.: Kharvest, 2006. S. 164 (in Russian).

Smirnov K. F. Savromatskaia i rannesarmatskaia kul'tury [Sauromatian and early Sarmatian culture]. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* [Steppes of the European part of USSR in Scythian-Sarmatian period]. M.: Nauka, 1989. S. 165–177 (in Russian).

Smirnov K. F. *Savromaty (ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov)* [Sauromatians (an early history and culture of Sarmatians)]. M.: Nauka, 1964. 380 s. (in Russian).

Smirnova E. Iu. Magiia v traditsionnom mirovozzrenii: po materialam traditsionnoi odezhdy sibirskikh tatar [Magic in traditional worldview: based on the traditional clothes of Siberian Tatars]. *Kul'turologicheskie issledovaniia v Sibiri* [Art history research in Siberia]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1999, no. 1. S. 92–99 (in Russian).

Spasskii I. G. *Russkaia monetnaia sistema. Istoriko-numizmaticheskii ocherk* [Russian currency. A historical-numismatic essay]. L.: Avrora, 1970. 256 s. (in Russian).

Suslova S. Sibirsko-tatarskaia kolleksiia iuvelirnykh ukrashenii Tobol'skogo muzeia kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Siberian-tatars collection of jewelry in Tobolsk museum as a historical-ethnographic source]. *Tatarskaia arkheologiiia*. Kazan'. 2004, no. 1–2 (10–11). S. 210–229 (in Russian).

Suslova S. V., Mukhamedova R. G. Narodnyi kostium tatar Povolzh'ia i Urala (seredina XIX — nachalo XX vv.) [Folk costume of the Tatars from Volga and Ural regions (middle of XIX-beginning of XX centuries)]. *Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Historical-ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan', Fen, 2000. 312 s. (in Russian).

Stepanova U. V. Zhenskii pogrebalnii kostum XI–XII vv. po materialam kurgannogo mogilnika Ust'e (Tverskaya oblast) [Female burial costume XI–XII centuries based on the materials from the burial complex Ust'e (Tver' oblast)]// *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*. 2018. N1. Archaeology. Ethnography. Historical geography. S. 52–63 (in Russian).

Tolksdorf I. F., Kraft I., Shmidt I. V. Issledovaniia raskrashennykh galek iz Mas d'Azil': istoriia i sovremennyi etap [A research on the painted pebbles from Le Mas d'Azil: history and modern period]. *Universum Humanitarium*. 2018, no 1. S. 69–86 (in Russian).

Treister M. Iu. Rakoviny morskikh molliuskov v pogrebeniiaakh kochevnikov aziatskoi sarmatii v kontekste torgovli ekzoticheskimi materialami v Evrazii [Mollusk shells from the burials of the nomads in Asian Sarmatia in the context of trade of exotic materials in Eurasia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2021, no 1. S. 22–58 (in Russian).

Tresidder D. *Slovar' simvolov* [A dictionary of symbols]. M.: FAIR-PRESS. 2001. 448 s. (in Russian).

Trifanova S. V., Soenov V. I. *Ukrasheniya naseleniia Altaya gunno-sarmatskogo vremeni* [Jewelry of Altai population during Xiongnu-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2019. 160 s. (in Russian).

Tsibiktarov A. D. *Kultura plitochnih mogil Mongolii i Zabaikal'ia* [The slab grave culture in Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. un-ta, 1998. 288 s. (in Russian).

Tsiv'ian T. V. Oppozitsiia muzhskoi/zhenskii i ee klassifitsiruushchaia rol' v modeli mira [Opposition of male and female and its classifying role in the world model]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniia* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. SPb.: Nauka, 1991. S. 77–91 (in Russian).

Vasilevich G. M. Material'naia kultura sredneamurskikh evenkov (Po kollekciiam muzeev Leningrada) [Material culture of the Evenks from the middle Amur river (based on the collections of Leningrad museums)]. *Material'naya kultura narodov Sibiri i Severa* [Material culture of the people of Siberia and the North]. L.: Nauka, 1977. S. 106–137 (in Russian).

Vasil'ev L. S. *Kul'ti, religii, tradicii v Kitaye* [Cults, religions and traditions in China]. M.: Vostochn. lit-ra RAN, 2001. 488 s. (in Russian).

Varenov A. V. K datirovke severokitaiskikh pamyatnikov shilousskogo tipa s “karasukskimi” nozhami [On the dating of Shiloussky type monuments with “karasuk” knives in the North China]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. S. 79–90 (in Russian).

Veile C., *Pervobitnoe obschestvo I ego hozyaistvo* [Primitive society and its economy]. Petrograd-M., 1923. 156 s. (in Russian).

Volkova L. A. Udmurtskie zhenskie ukrasheniya XIX–XX vv. (etnograficheskii obzor kollekcii Udmurtskogo respublikanskogo muzeya) [Udmurt female ornamentations of XIX–XX centuries (ethnographic observation of the Udmurt Republic Museum collection)]. *Novie issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research of ancient history of Udmurtia]. Izhevsk.: Udmurt institute of history, language and literature, 1988. S. 25–58 (in Russian).

Voronina R. F. Yuzhnie i stepnie vliyaniya v culture srednecinskoi mordvi VIII–XI vv. [Southern and steppe influences in Middle Cna river Mordva people]. *KSIA* [Brief information of the institute of archeology]. M. : Nauka, 2005. No. 218. S. 98–108 (in Russian).

Voronov Yu. P. *Stranicy istorii deneg* [Money history pages]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 s. (in Russian).

Vyatkina K. V. Kostyum darhatskoi shamanki [The costume of Darkhat female shaman]. *Kultura narodov zarubezhnoi Azii i Okeanii* [Culture of the people in Asia and Oceania]. M. : Nauka, 1969. Vol. XXV. S. 136–145 (in Russian).

Zaitseva I. E. Pogrebeniia v detintse Serenska [A burial in Serensk detinets]. *KSIA* [Brief information of the institute of archeology]. 2001, no. 211. S. 93–107 (in Russian).

Zhamtsarano Ts. Zh. Ongony aginskikh buriat [Ongons of the Aginsky Buryat people]. *Zapiski IRGO po otdeleniiu etnografii* [Notes of the ethnographic department of IRGO]. SPb., 1909. Vol. XXXIV. S. 379–394 (in Russian).

Zaria chelovechestva [The dawn of humanity]. M.: TERRA — Knizhnyi klub, 1998. 176 s. (in Russian).

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-WilhelmsUniversität Bonn, 2011. S. 349–424 (in English)

Chalikova E. A., Kazakov E. П. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est.-Budapest, 1977. S. 21–221 (in English).

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022.

Принята к публикации: 17.11.2022.

Дата публикации: 25.12.2022

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 930

DOI: 10.14258/nneur(2022)4-08

С. Р. Чеджемов

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ (Россия)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Религиозный фактор, в том числе и конфессиональная история народов нашей страны, приобретает особую актуальность в условиях, когда так называемый коллективный Запад объявил нашему государству и обществу политические и экономические санкции. В это время отчётливо проявляется стремление определённых сил как внутри, так и вне нашего государства пошатнуть гражданский мир и национальное согласие народов страны. Оно сложилось издавна благодаря государствообразующей миссии русского народа и Русской православной церкви, бывшей до известного декрета советской власти 1918 г. единым целым с государством Российским. В последующем всем традиционным религиозным конфессиям страны были гарантированы равные права.

В 2022 г. отмечается 1160-летие российской государственности и 1100-летие крещения Осетии-Алании. В статье на основе анализа материалов Республики Северная Осетия-Алания обосновывается авторское видение роли и значения религиозного фактора, в частности православия, на Кавказе во внутренней политике нашего государства на примере одного из ее субъектов. Обращается внимание на появившееся в последнее время такое общественное явление, как вероотступничество, и его влияние на гражданский мир и межнациональное согласие. Подчёркивается историческая преемственность гуманистической политики центральной российской власти в национальных регионах страны в отношении религиозных отношений.

Ключевые слова: Кавказ, Осетия-Алания, христианство, ислам, традиционные верования осетин, вероотступничество, духовная культура.

Цитирование статьи:

Чеджемов С. Р. Религиозный фактор в системе политико-правового состояния общества: на примере Республики Северная Осетия-Алания // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 142–153. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–08.

S. R. Chedzhemov

*North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University),
Vladikavkaz (Russia)*

**THE RELIGIOUS FACTOR IN THE SYSTEM OF POLITICAL
AND LEGAL STATE OF SOCIETY: ON THE EXAMPLE
OF RESPUBLIC OSSETIA-ALANIA**

The religious factor, including the confessional history of the peoples of our country, are of particular relevance in conditions when the so-called collective West has announced political and economic sanctions against our state and society. At this time, the desire of certain forces both inside and outside our state to shake the civil peace and national harmony of the peoples of the country is clearly manifested. It has long been formed thanks to the state-forming mission of the Russian people and the Russian Orthodox Church, which was before the well-known decree of the Soviet government in 1918 a single whole with the Russian state. Subsequently, all traditional religious confessions of the country are guaranteed equal rights.

In 2022, the 1160th anniversary of Russian statehood and the 1100th anniversary of the baptism of Ossetia-Alania are celebrated. The article, based on the analysis of the materials of the Republic of North Ossetia-Alania, substantiates the author's vision of the role and significance of the religious factor, in particular Orthodoxy, in the Caucasus in the domestic policy of our state on the example of one of its subjects. Attention is drawn to such a recent social phenomenon as apostasy and its impact on civil peace and interethnic harmony. The article emphasizes the historical continuity of the humanistic policy of the central Russian authorities in the national regions of the country in relation to religious relations.

Keywords: Caucasus, Ossetia-Alania, Christianity, Islam, traditional beliefs of Ossetians, apostasy, spiritual culture.

For citation:

Chedzhemov S. R. The religious factor in the system of political and legal state of society: on the example of Republic Ossetia-Alania. *Nations and religions of Eurasia*. Т. 27, № 4. P. 142–153. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–08.

Чеджемов Сергей Русланович, кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета), Владикавказ (Россия). ORCID ID: 0000-0003-2260-3016. SPIN-код: 3876-7374, AuthorID: 471270 **Адрес для контактов:** srchedgemov@mail.ru.

Chedzhemov Sergey Ruslanovich, candidate of Historical Sciences, doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz (Russia). ORCID ID: 0000-0003-2260-3016. AuthorID: 471270. **Contact address:** srchedgemov@mail.ru.

Введение

2022 г. в истории многонационального и поликонфессионального российского государства знаменует 1160-летие российской государственности. Это уникальное политико-правовое явление на мировой арене олицетворяет уникальность отечественного государствообразования, заключающегося в соучастности русского народа по отношению к другим, вошедшим в состав страны народам. Одним из таковых являются осетины, чьи предки-аланы 1100 лет назад приняли христианство.

Ныне обстановка глобального экономического кризиса, крайнее обострение международной напряжённости, охватившие мир, пандемия катализировали процесс обращения людей к Богу и сделали религиозную тематику необычайно актуальной для научно-практического анализа. В свете этого особого разговора и адекватных практических мер заслуживает непрекращающаяся деятельность антироссийских сил по развалу нашего государства по образцу распада СССР. В этих целях активно пытаются разобщить не только славянские народы, но и все народы нашей страны, а также посеять рознь между мировыми конфессиями. В последние годы устроители управляемого российского хаоса, курируемые «вашингтонским обкомом», уделяют особое внимание так называемым традиционным религиям народов страны, а в самой России так называемым русским богам, которым поклонялись восточные славяне до принятия православия.

С новой силой зазвучало так называемое «Перуново проклятие» — распри между народом, о котором Г. П. Федотов писал в прошлом веке [Федотов, 1991: 104]. Примеры этого можно найти и в событиях на Болотной площади, антиковидные митинги по всей стране и прямое военное вмешательство во внутренние дела России, демарши кораблей НАТО в территориальных водах нашего государства, оголтелая антироссийская риторика некоторых политических деятелей и СМИ, так называемый день памяти жертв Кавказской войны и до. Венцом всего этого следует назвать антироссийскую истерию так называемого коллективного Запада после событий 24 февраля 2022 г.

Применительно к Кавказу, в частности Осетии-Алании, весьма заметными являются тенденции как грубого военного вмешательства, вспомним события августа 2008 г. — прямое военное нападение на силы миротворцев и население непризнанной республики южных осетин, так и латентная идеологическая обработка населения. События прошлого, в том числе и военные действия, в которых принимали участие и подразделения

русской армии, однобоко трактуются как захватнические. При этом забывают упомянуть как количество самих представителей «порабощённых» народов в русской армии, так и участие армейских подразделений в умирительных операциях в русской глубинке, не говоря уже о событиях присоединения Новгорода и т. д. Не нужно быть провидцем, чтобы видеть истинных заказчиков подобных деяний.

Историография проблемы. Происки враждебных нашему отечеству сил и перспективы распада страны по этническому или религиозному принципу замечательно охарактеризовал выдающийся русский учёный, философ и юрист И. А. Ильин, отмечавший, что «уход России с мировой арены в результате ее распада позволит геополитическим конкурентам создать превосходные рынки сбыта среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу» [Ильин, 2004: 93].

Во многом прав знаменитый Л. Н. Гумилев, писавший о том, что «каждый современный этнос имеет несколько предков» [Гумилев, 2007: 12]. Многонациональность и поликонфессиональность современного российского государства обуславливает поиск его современной парадигмы развития в связи с тем, что многие современные проблемы зародились в прошлом, а их решение связано с учетом сложившихся исторических традиций. Подобные исследования будут весьма продуктивными на материалах народов и субъектов РФ. В этой связи заслуживает внимания интересное исследование опыта сосуществования религий и перспективы мировоззренческих традиций в эвенкийском обществе [Варламов, 2021: 17].

Осетинский и православный сегмент в кавказоведческих исследованиях за последние годы явно уступает в сравнении с другими народами и конфессиями, например Дагестана и ислама, на материалах которых за последние годы вышел ряд серьёзных исследований [Халидова, Абдулаева, 2022: 173]. Между тем воссоздание подлинной истории народов нашей страны необходимо сегодня, и на это напрямую нацеливает содержание недавно принятой поправки в текст Конституции РФ.

Решая современные проблемы, стоящие перед обществом и страной, мы должны чтить память предков, через века передавших нам любовь и уважение к отчизне, которая, как нами не раз отмечалось, ни в какие времена — царские, имперские и советские — не была «тюрьмой народов» [Чеджемов, 2013: 36]. В современном осетинском обществе как части российского социума объективно обозначился процесс не только возрождения традиционных религий предков — православия и ислама, но и поиск новых парадигм духовного развития. Одной из форм этого стала так называемая традиционная религия осетин. Причём явление это далеко не новое, новым является лишь ее прочтение в качестве религии, поскольку раньше ее называли языческим верованием.

Упоминание об этом мы находим, и не раз, в произведениях видных представителей осетинской интеллигенции конца XIX — начала XX в. Например, Г. Б. Дзасохов писал в 1905 г. о том, что во времена опасностей, эпидемий «оживают народные святые, население строит новые молельни и приносит жертвы» [Дзасохов, 2011: 146].

Это нацеливает на аналитическое восприятие современных тенденций развития религиозных верований среди народов страны и, в частности, осетин. Возвращение к религиозным традициям предполагает не только непосредственное укрепление конфессиональных институтов, но и более глубокое изучение религиозного фактора, опре-

деления его места в системе политико-правового состояния общества, что в конечном счёте позволит ответить на вопрос: чем они могут обернуться в обозримом будущем — фактором стабильности или раздора? Попытка ответить на этот вопрос составляет цель настоящей работы.

Как справедливо отмечается, «социально-гуманитарное знание не сводится к науке, в него входят и результаты других форм человеческого познания и религиозно-мифологического опыта» [Степин, Смирнова, Синеокая, 2018: 150]. До известного декрета Совнаркома Советской России, подписанного в январе 1918 г. В. И. Лениным, российское государство и православная церковь представляла собой единое целое, способствующее позитивному развитию не только славянских, но и других народов независимо от их принадлежности к религиозным конфессиям. Это отчётливо видно и на примере осетинского народа, депутаты которого задолго до 1774 г. обращались к высшей российской власти с просьбой о присоединении к империи.

Одна из осетинских делегаций в полном составе была принята императрицей Елизаветой Петровной, что имело огромное государственно-правовое значение, учитывая то обстоятельство, что осетины в год их аудиенции (1749 г.) не состояли в подданстве России. На этот важный и беспрецедентный политико-правовой факт для того периода, да и с точки зрения современного международного права, уже обращали внимание [Бзаров, 2017: 48; Чеджемов, 2018: 144].

Современные устои российского общества нуждаются в защите со стороны государства, в том числе и в вопросах нашей духовной жизни. Эта жизнь за последние годы в так называемых цивилизованных странах подвергается яростным нападкам, вопросы семьи, добра и справедливости трактуются как опасный анахронизм и покушение на толерантность. И у государства и православной церкви есть множество духовных скреп, образов и символов. Именно они могут и должны быть использованы в вопросах духовно-нравственного воспитания, неотъемлемой частью которого является патриотизм.

22 сентября 2020 г. в нашей республике был отреставрирован собор имени святого равноапостольного князя Владимира, бывшая и возрождённая резиденция архиепископа в Осетии. Имя и дело князя Владимира в истории отечественного государства и права знаменует создание качественно новой государственной власти и по форме, и по содержанию. Это создание Руси Владимирской по имени главы государства — предтечи и фундаментальной основы многонационального и поликонфессионального российского государства. Нам представляется, что именно это обстоятельство подвигло императрицу Екатерину II учредить орден Святого князя Владимира, которым награждались и лица нехристианского вероисповедания, что в значительной мере способствовало укреплению духа общенародного единства всех народов России.

В Осетии есть все основания в канун юбилея вспомнить об отважных своих сынах, с честью носивших ордена святого Владимира, будучи как христианами, так и мусульманами. Это генерал-лейтенант Созрыко Дзанхотович Хоранов (1842–1935). Отважный участник трех войн: Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой — он вызывал слова восхищения таких известных россиян, как генералы Скобелев и Тутолмин, писатель Василий Иванович Немирович-Данченко и выдающийся художник Василий Васильевич Верещагин.

Значительна роль генерала Хоранова в развитии культуры и образования в Осетии, в частности в деле открытия духовной семинарии в Ардоне и освобождения в период Гражданской войны заложников — жён и детей членов чуждой ему по взглядам осетинской пробольшевицкой партии «Чермен». Среди других кавалеров ордена святого Владимира генерал-лейтенант Дзамболат (Дмитрий) Константинович Абадиев (1857–1936), генерал-лейтенант Афако Падиевич Фидаров (1859–1929). Данный перечень далеко не полный.

В годы советской власти наметилось значительное сокращение верующих. В современной истории Осетии-Алании относительно мирное возрождение православного христианства в Северной Осетии было несколько омрачено в период деятельности большого подвижника религиозно-нравственного воспитания архиепископа Владикавказского и Махачкалинского в 2011–2012 гг., а затем Владикавказского и Аланского Зосимы (в миру Остапенко). Он организовывал ежегодные Свято-Георгиевские чтения — по своей сути научно-практические конференции. О целях и задачах этого он говорил в год начала своей деятельности в Осетии: «Мы решили провести Свято-Георгиевские образовательные чтения с молебнами в древнем храме святого Георгия в селе Дзивгисе, чтобы люди знали, что Православие не вчера пришло на эту землю. В последние годы в республику приезжают представители новых религиозных движений, появились «традиционалисты», которые считают, что христианство — это пришлое, русское засилье. В этой связи приходится объяснять, что христианство — религия для всех народов, что это Божие послание людям всей земли» [Интервью архиепископа Владикавказского и Махачкалинского Зосимы..., 2011].

Конфликт между представителями церковной (православной) и светской власти был спровоцирован желанием руководства республики отменить решение правящего архиерея Зосимы перевести настоятеля Аланского Свято-Успенского мужского монастыря Антония (Данилова) на службу в Дагестан. В причине данного конфликта очень трудно разобраться и хотя бы отделить причину от повода. Несомненно, что одна из веских причин — это низкая правовая культура руководства республики, незнание и нежелание знать основополагающие устои жизни православной церкви и попытка внести принципы демократии и гласности в деятельность церкви.

Сложилась трагикомичная ситуация: у стен кафедрального собора во Владикавказе и монастыря в Куртатинском ущелье несколько дней бушевали митинги «верующих». Если верить средствам массовой информации, глава Северной Осетии, известный политический деятель Таймураз Мамсуров «пригрозил разрывом отношений с епархиальным руководством». В свою очередь архиепископ Зосима заявил: «С великой скорбью взираю я на нестроения, внезапно начавшиеся после сугубо внутрицерковного решения Епархиального совета о новом и весьма ответственном назначении архимандрита Антония (Данилова). Понимаю печаль его многочисленных духовных чад и вместе с тем напоминаю, что каждый монах дает при постриге обет послушания и должен следовать ему всю жизнь... Если те, кто сейчас пытается спровоцировать эскалацию насилия, считают себя христианами, то пусть вспомнят грозные слова апостола Павла: «ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников». Опомнитесь! И оставьте тех прямых врагов Церкви, которые сейчас радостно потирают руки, ожидая

едва ли не кровопролития» [Интервью архиепископа Владикавказского и Махачкалинского Зосимы..., 2011].

К счастью, худшие прогнозы не подтвердились, между главами республики и православной церкви Северной Осетии наладились хорошие отношения. В 2015 г. Т. Д. Мамсуров перешёл в Совет Федерации ФС РФ, а в 2016 г. архиепископ Зосима был переведён архиепископом Соликамским и Чусовским. Новому владыке Владикавказско-Аланской кафедры архиепископу Леониду удалось в кратчайшие сроки минимизировать определённые негативные тенденции во взаимоотношениях между светской и религиозной властью и приумножить давние православные традиции края в деле стабилизации общественных отношений и духовно-нравственного просвещения.

Данные события показали неискренность веры тех «верующих», кто с бранью требовал «демократических решений» в церкви в духе перестроечных времён. В то же время после конфликта среди осетин наметилась тенденция уменьшения количества считающих себя православными, значительно возросло количество людей, считающих себя представителями традиционной веры осетин.

Это обуславливает пристальное изучение этого социально-политического явления. Так называемая традиционная религия осетин как политико-правовое явление в современной общественной жизни Северной Осетии наименее изученное в научном академическом плане. Данный термин вошёл в литературный оборот и стал предметом научного осмысления лишь в последнее десятилетие.

Сегодня нет полноценного анализа, да и единого мнения в отношении так называемых традиционных верований осетин. Присутствуют оценочные высказывания в диапазоне от отрицательного восприятия до положительного. Так, характеризуя традиционные осетинские верования, доцент Т. Е. Дзеранов называет их языческими и отмечает то обстоятельство, что у осетин «сложилась развитая религиозная система, включающая в себя культ верховного бога Хуыцау и иерархию божеств-покровителей стихий, различных сфер деятельности и территорий. Подобная религиозная система представляет собой высшую ступень развития политеизма, переходную к монотеизму, получившую в религиоведении определение — «энотеизм» [Дзеранов, 2015: 561]. Высказывается и несколько иная точка зрения по поводу традиционной идеологии осетинского-аланского общества [Фидаров, 2011: 22].

Исследователь Яна Амелина считает, что в нашей республике «сформировалось и стало набирать силу общественно-религиозное движение, де-факто являющееся неоязыческим. Определение древних верований как языческих, соответствовавшее исторической правде, но имевшее явно негативный оттенок, стало постепенно вытесняться концептом «традиционной осетинской веры». К настоящему времени этот процесс можно считать практически завершённым. «Традиционалисты» категорически (и достаточно агрессивно) отказываются считать себя неоязычниками, тогда как исповедуемая ими «религия» является типичным интеллектуальным конструктом и в значительной степени призвана решать задачи национального и даже националистического, а не религиозного характера» ... В то же время сторонники ментального, а в перспективе и реального отрыва Осетии от России «поднимают на щит» неоязыческую «традиционную осетинскую веру», постулаты и обрядовая сторона которой сконструиро-

ваны националистически настроенными представителями осетинского общества в последние 5–10 лет. Дальнейшее развитие этих тенденций способно оказать серьёзное дестабилизирующее влияние на ситуацию в Осетии» [Амелина, 2016].

Очень хочется, чтобы этот вывод не подтвердился в жизни. Мнение о том, что осетины являются не только христианами и мусульманами, было высказано видным представителем российской интеллигенции, деятелем мусульманского социализма А. Т. Цаликовым еще в период революционной смуты 1917 г. В романе «Брат на брата» главное действующее лицо Алибек, от имени которого ведётся повествование, размышляя над вопросом, кем являются осетины — мусульманами или христианами, приходит к выводу: «они скорее всего «уастырджисты», т. е. последователи святого Уастырджи» [Цаликов, 2002: 219]. Осетины-христиане отождествляют Уастырджи со святым Георгием, а представители традиционной осетинской веры считают его самостоятельным божеством.

Профессор Д. В. Сокаева, проводящая большую научно-исследовательскую работу по выявлению сущности традиционной религии осетин, выделяет случаи «транскрипционной христианской трансформации в случаях, если традиционные праздники представляли интерес для христианских миссионеров, и называет две причины интереса миссионеров — сакральность и наличие в православии его эквивалента или аналога» [Сокаева, 2014: 557].

В современном осетинском обществе наметился определённый отток людей, ранее считавших себя христианами и мусульманами, а ныне заявляющих о том, что они отождествляют себя со сторонниками осетинской традиционной веры. В 1995 и 2010 гг. автору этих строк довелось участвовать в социологических исследованиях по выявлению религиозных предпочтений жителей Северной Осетии. При общей этнической картине населения республики — 459688 осетин (63,7% всего населения), 147090 русских (22,5%), 28 336 ингушей (5%), 16235 армян (2,7%), 16092 кумыков (2,3%), 9095 грузин (1,2%) и некоторых иных представителей немногочисленных наций, считали себя верующими людьми около 87% опрошиваемых. И это при том, что согласно данным профессора Ф. М. Токазова, в нашей республике «славянские народы, армяне и грузины относят себя только к христианской конфессии, ингуши, чеченцы, кумыки и азербайджанцы — к исламу, а осетины к трем конфессиям: христианству, исламу и традиционным верованиям» [Токазов, 2008: 293]. От себя добавим, что для современных осетин понятия христианства и православия синонимичны. Быть может, это является отзвуком того, что Алания принимала христианство еще до официального раскола христианской церкви на католическую и православную, следовательно, речь идёт о православных осетинах.

Ныне, как отмечается ведущими социологами-кавказоведами, в ряде исследований, выполненных на основе проведённых социологических опросов, среди осетин наблюдается переход из одной религии в другую. Это явление хорошо известно в истории и именуется вероотступничеством. В этом случае «человек становится не просто иноверцем, но и вероотступником — переходя в новую веру, «отрывается» от старой, в которой провёл предыдущие годы своей жизни и которой продолжает придерживаться его окружение. На примере отношения к вероотступникам в ситуации, когда сменив-

ший веру остаётся среди тех, большая часть которых по-прежнему придерживаются его прошлого вероисповедания, можно максимально ясно увидеть, как на самом деле относятся к иноверцам в ситуации, когда влияние внутренней и внешней политики, межэтнических отношений и т. п. сведено к минимуму» [Дзуцев, Корниенко, 2018: 283].

Явление это в общественной жизни весьма серьёзное, и оно может послужить катализатором общественного беспокойства в случае, если органами власти и управления совместно с конфессиональным руководством не будут проведены упреждающие меры по его стабилизации. Недаром известный ученый-правовед, профессор Ю. А. Тихомиров справедливо отмечает, что в современных условиях «требуется определение возможной динамики и перспектив развития правового регулирования социальных норм, религиозных обычаев, традиций» [Тихомиров, 2019: 5].

Желаемая стабилизационная работа может быть затруднена отсутствием, в отличие от православных и мусульманских конфессий, общего руководящего начала среди последователей традиционной осетинской веры, ибо до сих пор нет единого мнения среди самих верующих в отношении того, возможно ли единоначалие в данном веровании. Вместе с тем нельзя недооценивать и роль традиционной осетинской религии и упрощённо рассматривать ее как экзотическое направление общественной мысли, некое философское хобби, обусловленное желанием подчеркнуть свою непохожесть на всех остальных. Как справедливо отмечается в ряде исследований, как зарубежных (М. Годелье), так и отечественных (А. П. Забияко), в XXI в. религии играют роль не только в развитии племен, но и «этносов и политических систем» [Годелье, Забияко, 2012: 298].

Заключение

Становлению и укреплению государственно-правовых отношений способствует единая религия, без которой трудно объединять даже «железом и кровью». В то же время сегодня обозначились тенденции не только возрождения традиционных мировых религий, но и упрощения церковной службы, лишение её коммерческих свойств, рационализацию отправления культовых мероприятий.

Именно это, на наш взгляд, происходит сегодня и активно внедряется в общественное сознание осетин адептами так называемой традиционной осетинской религии. В научно-практическом плане им необходимо определиться с дефинициями понятий «верования и религия» и, если это религия, то с её догматикой, пантеоном — сонмом небожителей и иными категориями.

Считаем также уместным, если в год празднования 1100-летия крещения Алании будет повышен церковный статус нынешней Владикавказской и Аланской епархии до уровня митрополии. Для этого имеются определённые предпосылки, в том числе и исторические. Нам представляется, что одним из предполагаемых названий может стать Аланская и гор Кавказских митрополия, тем более, что у осетинского и армянского народов являются весьма почитаемыми образы царя Армении Арташеса и его супруги, аланки Сатеник. Статус митрополии позволит не только продолжить большую миссионерско-просветительскую работу по гармонизации межэтнических отношений, но и будет подчёркивать историческую преемственность гуманистической политики российского православия на Кавказе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Амелина Я. Осетия в поисках религиозной идентичности // Кавказский геополитический клуб. Геополитика, политика, общество, религия. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/> (дата обращения: 21.08.2021).

Бзаров Р.С. О культурно-исторических и геополитических основах единения России и Алании // Историко-филологический архив. 2017. № 8. С. 46–49.

Варламов А. Н. История сосуществования религий и перспективы мировоззренческих традиций в эвенкийском обществе // Религиоведение. 2021. № 2. С. 17–27.

Годелье М., Забияко А. П. Племена в истории и лицом к лицу с государствами // Религиоведение. 2012. № 3. С. 198–208.

Гумилев Л. Н. От Руси до России. М. : Айрис-Пресс, 2007. 186 с.

Дзасохов Г. И. Жизнь и творчество: ученый, педагог, публицист, издатель, революционер, общественный деятель. Владикавказ : Проект-Пресс, 2011. С. 145–146.

Дзеранов Т. Е. Религия в истории и культуре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 561.

Дзуцев Х. В., Корниенко Н. В. Соотношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 83–93.

Ильин И. А. Сочинения. М., 2004. 558 с.

Интервью архиепископа Владикавказского и Махачкалинского Зосимы порталу «Интерфакс-Религия». URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (дата обращения: 21.06.2022).

Сокаева Д. В. К вопросу об индивидуальной реализации представлений о небожителях осетинского пантеона: устные рассказы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 557.

Степин В. С., Смирнова Н. М., Синеокая Ю. В. Существуют ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 150–165.

Таказов Ф. М. Религиозные предпочтения молодежи РСО-Алания // Бюллетень Владикавказского института управления. 2008. № 26. С. 293–304.

Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 5–20.

Федотов Г. П. Судьба империй // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб. : София, 1991. Т. 2. С. 304–327.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук, 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

Цаликов А. Т. Брат на брата. Владикавказ : Ир., 2002. 544 с.

Чеджемов С. Р. Взгляды К. Маркса на присоединение народов и территорий к Российской империи // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 144–149.

Чеджемов С. Р. Политика российского государства и православной церкви в области образования на юге России до 1917 г. (на примере осетинского народа) // Религиоведение. 2013. № 1. С. 36–44.

REFERENCES

- Amelina Ya. *Osetiya v poiskah religioznoj identichnosti* [Ossetia in search of religious identity] // Kavkazskiy geopoliticheskiy klub. Geopolitika, politika, obshchestvo, religiya [Caucasian geopolitical club. Geopolitics, politics, society, religion] Available at: <https://kavkazgeoclub.ru/> (accessed August 21, 2021).
- Bzarov R. S. O kul'turno-istoricheskikh i geopoliticheskikh osnovah edineniya Rossii i Alanii [On the cultural-historical and geopolitical foundations of the unity of Russia and Alanya] // *Istoriko-filologicheskij arhiv* [Historical and Philological Archive. 2017, no 8. S. 46–49 (in Russian).
- Calikov A. T. *Brat na brata* [Brother on the brother]. Vladikavkaz: Ir., 2002. 544 s. (in Russian).
- Chedzhemov S. R. Politika rossijskogo gosudarstva i pravoslavnoj cerkvi v oblasti obrazovaniya na yuge Rossii do 1917 g. (na primere osetinskogo naroda). [Policy of the Russian state and the Orthodox Church in the field of education in the south of Russia until 1917 (on the example of the Ossetian people)] // *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2013. no 1. S. 36–44 (in Russian).
- Chedzhemov S. R. Vzglyady K. Marksa na prisoedinenie narodov i territorij k Rossijskoj imperii [K. Marx's views on the accession of peoples and territories to the Russian Empire] // *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2018, no 11. S. 144–149 (in Russian).
- Dzasohov G. I. *ZHizn' i tvorchestvo: uchenyj, pedagog, publicist, izdatel', revolyucioner, obshchestvennyj deyatel'* [Life and work: scientist, teacher, publicist, publisher, revolutionary, public figure]. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2011. S. 145–146 (in Russian).
- Dzeranov T. E. *Religiya v istorii i kul'ture osetin* [Religion in the history and culture of ossetians] // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no 2. S. 561 (in Russian).
- Dzucev H. V., Kornienko N. V. Sootnoshenie zhitelej Severnogo Kavkaza k svobode veroispovedaniya i veroostupnikam [The ratio of residents of the North Caucasus to freedom of religion and apostasians] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research References]. 2018, no 1. S. 83–93 (in Russian).
- Fedotov G. P. *Sud'ba imperij // Sud'ba i grekhi Rossii* [Fate of empires]. SPb.: Sofiya, 1991. Vol. 2. S. 304–327 (in Russian).
- Godel'e M., Zabayako A. P. Plemena v istorii i licom k licu s gosudarstvami [Tribes in history and face to face with the states.] // *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2012, no 3. S. 198–208 (in Russian).
- Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Russia to Russia] M.: Ajris-Press, 2007. 186 s. (in Russian).
- Habrieva T. YA. Konstitucionnaya reforma v Rossii: v poiskah nacional'noj identichnosti [Constitutional reform in Russia: in search of national identity] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2020. T. 90, no 5. S. 403–414 (in Russian).
- Il'in I. A. *Sochineniya* [Compositions]. M., 2004. 558 s. (in Russian).
- Interv'yu arkhiepiskopa Vladikavkazskogo i Makhachkalinskogo Zosimy portalu "Interfaks-Religiya" [Interview of the Archbishop of Vladikavkaz and Makhachkala Zosima

to the “Interfax-Religion” portal]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (accessed June 21, 2022)

Sokaeva D. V. K voprosu ob individual'noj realizacii predstavlenij o nebozhitelyah osetinskogo panteona: ustnye rasskazy [To the question of individual realization of ideas about the celestials of the Ossetian pantheon: oral stories] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no 3. S. 557 (in Russian).

Stepin V. S., Smirnova N. M., Sineokaya YU. V. Sushchestvuyut li metodologicheskij izomorfizm estestvennonauchnogo i social'no-gumanitarnogo znaniya? [Are there methodological isomorphisms of natural science and socio-humanitarian knowledge?] // *Filosofskij zhurnal* [Philosophical Studies]. 2018. Vol. 11, no 3. S. 150–165 (in Russian).

Takazov F.M. Religioznye predpochteniya molodyozhi RSO-Alaniya [Religious preferences of youth RSO-Alania] *Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management]. 2008. no. 26. S. 293–304 (in Russian).

Tihomirov YU. A. Povedenie v obshchestve i pravo [Behavior in society and law] // *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2019. no 5. S. 5–20 (in Russian).

Varlamov A. N. Istoriya sosushchestvovaniya religij i perspektivy mirovozzrencheskih tradicij v evenkijskom obshchestve [History of coexistence of religions and prospects of ideological traditions in Evenki society] // *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2021, no 2. S. 17–27 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.08.2022.

Принята к публикации 20.11.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 323: 297

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–09

Е. М. Дринова

Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА И СУФИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ТУРЦИИ

Цель исследования: на основе анализа деятельности тарикатов охарактеризовать политическую роль суфизма в Турции. Методология исследования: в рамках политологического дискурса на основе принципов научного анализа была проанализирована роль суфизма в политической жизни страны, в рамках структурно-функционального подхода определены его функциональные характеристики. Начиная с XII в. отмечается влияние суфийских орденов на формирование политической системы Османского халифата. Суфийские ордена (тарикаты) были включены в политическое пространство империи, что обусловило ее дальнейшее культурно-историческое развитие. В статье исследуется процесс политизации суфизма в истории Турции. Отмечается влияние исламского фактора на внутреннюю политику страны. В Турецкой Республике в 30-е гг. прошлого века суфийские ордена стали первой несистемной оппозицией в стране. Они представляли угрозу новой национальной идентичности, в результате их деятельность была запрещена. Только во второй половине XX в. происходит возвращение тарикатов в политическое пространство Турции. Отмечается их влияние на формирование политических партий, лоббирование своих интересов в Великом национальном собрании Турции. Движение Хизмет Ф. Гюлена было ориентировано на построение нового турецкого общества на принципах демократического «образовательного ислама». Результатом его деятельности стало открытие образовательных учреждений на английском языке, подготовка кадров для работы в государственных органах. Основное место движение уделяло формированию новой политической элиты.

Ключевые слова: суфийский орден (тарикат), сакральная церемония, антиправительственные выступления, движение Хизмет, политический ислам.

Цитирование статьи:

Дринова Е. М. Политизация ислама и суфийские традиции в истории Турции // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 154–164. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–09.

E. M. Drinova

Volgograd State University, Volgograd (Russia)

POLITICIZATION OF ISLAM AND TRADITIONS OF SUFISM IN THE HISTORY OF TURKEY

The purpose of the study: based on the analysis of the activities of the Tarikats, to characterize the political role of Sufism in Turkey. Research methodology: within the framework of political science discourse, based on the principles of scientific analysis, the role of Sufism in the political life of the country was analyzed, and its functional characteristics were determined within the framework of the structural-functional approach. Starting from the XII century the influence of Sufi orders on the formation of the political system of the Ottoman Caliphate is noted. Sufi orders were included in the political space of the empire, which led to its further cultural and historical development. The article examines the process of politicization of Sufism in the history of Turkey. The influence of the Islamic factor on the domestic policy of the country is noted. In the Republic of Turkey in the 30s. of the last century, Sufi orders became the first non-systemic opposition in the country. They posed a threat to the new national identity, and as a result, their activities were banned. Only in the second half of the XX century Tarikats are returning to the political space of Turkey. Their influence on the formation of political parties based on the Sufi ideology, lobbying their interests in the Grand National Assembly of Turkey is noted. Hizmet F. Gülen's movement was focused on building a new Turkish society on the principles of democratic “educational Islam”. The result of his activities in the field of education was the opening of educational institutions in English, the training of personnel for work in government bodies. The main focus of the movement was the formation of a new political elite.

Keywords: Sufi order (tarikats), sacral ceremony, anti-government protests, Hizmet movement, political Islam.

For citation:

Drinova E. M. Politicization of islam and traditions of sufism in the history of Turkey.

Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 22. № 4. P. 154–164.

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–09.

Дринова Елена Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** drinova_em@volsu.ru.

Drinova Elena Mikhailovna, PhD in Philosophy of the Sociology and Political Science Department at Volgograd State University (Russia). **Contact address:** drinova_em@volsu.ru.

Введение

Актуальность анализируемой темы обусловлена тем, что в современном мире активизируется процесс политизации ислама, приверженцами которого в 2022 г. считают себя более 1,9 миллиарда мусульман. Ислам является самой быстрорастущей религией в мире. В настоящее время насчитывается около 50 стран, в которых преобладает мусульманское большинство, в их число входит и Турция, где проживает 74432725 мусульман [Word Population Review]. Значимым является тот факт, что все чаще конфессиональная составляющая присутствует при обосновании стратегий как во внутренней, так и во внешней политике государства. В Турции основополагающим элементом политической системы выступают политические партии, нередко выполняющие функции институционального лидера по разработке и реализации национальной модели политической модернизации в условиях обострения глобальных и региональных рисков и угроз. В данном случае речь идет о партиях, идеология которых основана на суфийской составляющей. Цель исследования: выявить и охарактеризовать функциональную специфику, динамические характеристики политизации суфизма в Турции.

Материалы и методы

Исследование проводилось в рамках политологического дискурса на основе структурно-функционального подхода, что позволило выявить функциональную специфику суфизма в турецком обществе [Дюркгейм, 1995: 65]. Религия рассматривается как неотъемлемая часть сложного механизма, который позволяет людям иметь упорядоченные общественные отношения. По мнению Р. А. Рэдклифф-Брауна, религия вносит важный вклад «в создание и поддержание социального порядка» [Рэдклифф-Браун, 2001: 150]. М. Вебер акцентирует внимание на анализе властных проявлений в религии. По его мнению, когда легитимная политическая власть находится в неустойчивом состоянии, тогда она пытается справиться с внутренней напряженностью, внутренним конфликтом и одновременно ведет активные действия на геополитической арене. Эти факторы подрывают власть и создают благоприятные условия для появления харизматических лидеров и оппозиции. Для создания устойчивого состояния общества или возврата к нему власть нуждается в безусловной поддержке со стороны религии. Когда религия вторгается в сферу политического, тогда ее морально-этические нормы приобретают изменчивый характер, происходит релятивизация религиозных ценностей [Вебер, 1994: 20]. Становление Турецкой Республики основывалось на идеологии К. Ататюрка, характерными чертами которой выступили национализм, революционизм, этатизм, республиканизм, лаицизм. Следует отметить, что отделение церкви от государства, последовавший запрет на политическую деятельность ислама вызвали негативную реакцию со стороны религиозных деятелей, представителей суфизма. Противостояние светской и религиозной власти стало основополагающим фактором политизации ислама в стране.

Суфизм представляет собой направление в исламе, основанное на поиске духовной истины с помощью аскетических и эзотерических практик. Как считают суфии, Коран имеет два уровня значения: внешний (захир), который доступен обычным людям, но менее ценен, и внутренний (батин) уровень, доступный только посвященным

ученикам мистических орденов. Особенность суфийских орденов (тарикатов) проявляется в том, что каждый из них имеет свой способ постижения божественной истины, основанный на учениях духовного учителя. Суфизм представляет собой религиозно-философское учение, адепты которого полагают, что верующий, находясь в состоянии транса, имеет духовное общение с высшей силой. Суфии акцентируют внимание на самодисциплине и личном преобразовании человека. Суфизм не представляет собой единое движение, скорее, он выступает как некий набор верований и духовных практик в тех регионах, где ислам был основополагающей религией. В зависимости от политических и социокультурных факторов суфизм принимал различные формы в той или иной стране. С одной стороны, суфии практиковали полную изоляцию и аскетизм, с другой — они служили советниками и духовными наставниками при королевских дворах. Так, самой известной была суфийская династия Сефевидов, которая пришла к власти в Иране в 1501 г. Под руководством шаха Исмаила I были объединены полукочевые племена тюрок-огузов. Основополагающую роль в этом процессе сыграл военный суфийский орден сафавийа [Аверьянов, 2020: 138]. В суфийской традиции османские века рассматриваются как идеальный период турецкого политического опыта. Считается, что в это время сформировались суфийская политическая форма государственности, которая оказала влияние на современную политическую систему Турции.

Первые суфийские ордена (тарикаты) появились в XII в. В период существования Османской империи с 1299 по 1922 г. активно действовали такие тарикаты, как Бекташи, Накшибенди, Кадири и Мевлеви. Они уважали суннитскую духовную культуру, отдавали предпочтение мистическому опыту, ставили своей целью духовное продвижение адептов. Известно, что большая часть османских султанов с помощью тарикатов контролировала общество [Cakir, 1994: 66]. Орден Бекташи получил название по имени шейха Хаджи Бекташа. Шейх умер в 1271 г., комплекс его гробниц находится в центральном азиатском районе Невшехир. Значимым является тот факт, что орден был тесно связан с корпусом янычар, занимал центральное место в управлении Османской империей. Когда в 1826 г. в империи был упразднен янычарский корпус, то орден Бекташи был разгромлен и длительное время находился в подполье. Тем не менее, он сохранился. Активная деятельность ордена приходится на время правления Абдул-Меджида (1839–1861 гг.) и Абдулазиза (1861–1876 гг.).

Орден Накшбанди является самым известным орденом в современной Турции. Своим основанием он восходит к Абу Бакру, возглавившему мусульманскую общину после смерти Пророка Мухаммеда, а также к выходцу из Туркестана Бахауддину Накшбанди (1318–1389 гг.) и Ахмаду Сирхинди из Индии. В поздний период Османской империи орден Накшбанди активно поддерживал политику, проводимую султанами. В XX в. руководство ордена взяло курс на поддержку политического курса К. Ататюрка, однако, несмотря на это, его деятельность была запрещена. Только в 1960-е гг. под руководством шейха Мехмед Котку орден Накшбанди вновь вернулся на политическую арену. Важным является тот факт, что шейх М. Котку поддерживал тесные отношения с представителями среднего класса, будущими президентами Турции Т. Озалом и Р. Эрдоганом, а также премьер-министром Н. Эрбаканом [Masters, 2009: 410–419].

Орден Кадири был основан в Дамаске XIV в. и был назван в честь багдадского ученого, профессора и проповедника Абд аль-Кадира аль-Джилани (1078–1166 гг.). Символом ордена является роза из зелено-белой ткани с шестиконечной звездой. Она традиционно носится на шапке кадирийских дервишей (<http://slife.org/qadiriyya-order/>). После смерти Абд аль-Кадира внуки и дети продолжили его дело в разных странах мира. Так, его сын Моисей выступал с проповедями в Сирии, затем в Египте; Абдулазиз и Ибрагим проповедовали в городах Марокко Марракеше, Тетуане, Танжере, Рабате. Его внуки оказали влияние на распространение идей ордена в Каире, Хаме, Алеппо, Дамаске, Триполи. В конце XIV в. орден распространился по Северной Африке и Ближнему Востоку, в XIX в. — в Западной Африке и Юго-Восточной Азии. Орден Кадири является первым суфийским орденом, который связывал свою деятельность с именем своего основателя, в то время как более ранние ордена напрямую связывали себя с именем Пророка Мухаммеда. В XIX в. это был один из самых влиятельных орденов в Турции. В 1920–1925 гг. члены ордена в качестве депутатов от города Коньи участвовали в выборах и входили в Великое национальное собрание Турции. Так, например, суфий А. Челеби стал заместителем спикера собрания. Он принимал участие в становлении турецкой государственности и был удостоен медали Независимости и других наград Великого национального собрания [Glasse, 2001: 247].

Следует отметить, что Зубейде Ханым — мать Ататюрка, основателя современной Турции, была последовательницей ордена Мевлеви. Мустафа Кемаль Ататюрк родился в Салониках. Свое детство и раннюю юность он провел в саду ложи Мевлеви в Салониках, что оказало влияние на его мировоззрение. Часто членов ордена Мевлеви называют «кружащие дервиши». Орден известен благодаря уникальной церемонии танца, во время которой его участники входят в состояние транса. Во время проведения церемонии одни участники играют на барабанах, бубнах, звуки которых вызывают эйфорическое состояние у танцующих дервишей. Суфии считают, что, находясь в таком состоянии, они могут достичь возвышенного состояния, когда им открываются божественные откровения.

Для пропаганды своих взглядов суфийские ордера издавали в Стамбуле журналы. Так, журнал «Тасаввуф» начал свою публикационную деятельность как еженедельник под редакцией шейха Сафвета, который был также депутатом национального собрания. Редактором еженедельного журнала «Церидэ-и Суфийе» был Али Фуад, с 1919 г. был издан 161 номер журнала. Под редакцией Хаджибейзаде Ахмеда Мухтара ежемесячно издавался журнал «Мухиббан», его первый номер вышел в 1909 г., а последний — в 1919 г. Камаль Ататюрк с глубоким уважением относился к просветительской деятельности суфийских орденов.

Результаты исследования

На протяжении всей истории своего существования суфийские религиозные ордена занимались политической деятельностью, которая была мотивирована историческим, религиозным прошлым тарикатов [Вертяев, 2011: 214]. Суфийские ордена стали первой несистемной оппозицией в Турецкой Республике. Так, в 1925 г. шейх Саид поднял восстание против светского режима Анкары, его поддержали более 30 тысяч

верующих. Целью шейха стало свержение светской власти, восстановление халифата, создание независимого курдского исламского государства, построенного на исламских принципах. Восстание потерпело неудачу, курдские повстанцы были отброшены в горы, а шейх Саид был схвачен. 15 апреля 1925 г. Он и его сообщники были приговорены к смертной казни. В 1930 г. шейх Накшбанди возглавил мятеж в Западной Анатолии. В провинции Анкары члены тариката Тиджани выступили против светского режима, разрушали бюсты К. Ататюрка. Они выступали за право мусульман использовать арабский язык во время призыва к молитве. Участие в массовых антиправительственных выступлениях принимали также тарикаты Накшбанди, Нурджу и Сулейманджи [Olson, 1989: 57]. Следует отметить, что все восстания суфиев были жестоко подавлены, шейхи и их соратники были казнены. Тарикаты представляли угрозу зарождающейся турецкой национальной идентичности, считались символом антисовременного османского прошлого, именно по этой причине их деятельность была запрещена. Возрождение суфизма начинается в 1950-е гг. Правительство Турции признало культурную ценность суфийских орденов, ограничения в их отношении были ослаблены.

Длительное время правящей партией была Народно-республиканская партия К. Ататюрка. В это время тарикаты не могли оказывать влияние на существующую политическую власть, тем более сменить ее. Политическое возрождение суфизма в Турции началось после формирования многопартийной системы. Становление многопартийной системы в Турции привело к созданию как светских, так и исламских партий. В середине 60-х гг. тарикаты развили активную политическую деятельность. Первоначально они поддерживали существующие политические партии, позднее сами стали инициаторами их создания. Так, например, шейх тариката Накшибенди М. З. Котку убедил Р. Эрдогана, будущего президента Турции, создать Партию национального спасения. Ядро партии составляли представители ордена Накшибенди. Следует отметить, что между лидерами политических партий и шейхами существовали разногласия по поводу влияния на верующих. Н. Эрбакан, основатель политического ислама, в своей речи о роли партии в политическом процессе преуменьшил действия шейхов. Он заявил, что его партия Рефах — это исламская армия джихада. «Все мы будем ее солдатами. Тот, кто совершает джихад, превышает мусульманского ученого или шейха... Шейх — глава тариката, он учит основам религии. Шейхи также обязаны подчиняться приказу джихада... Шейх — тоже солдат» (цит. по: [Зиганшина, 2006: 108]).

Как отмечают турецкие исследователи, тарикаты как политические организации не ставили своей целью прямое участие в политической борьбе. Они поддерживали деятельность массовых партий, оказывали влияние на политическую элиту с помощью своих представителей, которые лоббировали интересы суфиев. Таким образом, тарикаты получали возможность находиться вблизи властных структур, пропагандировать свои взгляды, но в то же время не опасаться карательных мер со стороны светских государственных структур [Cakir, 1994: 68].

В числе политических доминант тарикатов отметим следующие:

- участие в политической борьбе, последующая политизация тарикатов. Исходя из этого тарикаты следует рассматривать как своеобразный прототип партий;

- лоббизм. Лоббистская деятельность тарикатов способствовала принятию законов, направленных на защиту ислама;
- частичная утрата религиозности. Интеграция тарикатов в современную политическую жизнь привела к видоизменению их структуры, к утрате религиозности;
- универсализация. Расширение деятельности тарикатов привело к их трансформации. По характеру своей деятельности они стали близки к партиям светского толка [Sakir, 1994: 109].

Результатом лоббистской деятельности одного из влиятельных в Турции ордена Накшибенди стало открытие религиозных школ, подготовка религиозных кадров, имамов, проповедников; строительство новых мечетей; был восстановлен призыв к молитве на арабском языке, в стране начали отмечать религиозные праздники и проводить культовые обряды.

На формирование политической доктрины умеренного исламского либерализма оказал влияние тарикат Саида Нурси, религиозного деятеля, философа. Его концепт обновленного ислама основывался на участии тарикатов в политической жизни страны, но при этом отрицалась необходимость насилия и джихада. Идеология либерального ислама оказала влияние на А. Мендереса — лидера Демократической партии, Т. Озала — лидера Партии отечества, Ф. Гюлена. Они, будучи сами религиозными деятелями, способствовали распространению политизации ислама в Турции, включенности его в политическую жизнь страны.

Фетуллах Гюлен был одним из влиятельных политических религиозных деятелей Турции, основателем движения Хизмет (Служение). Теологическими, мистическими аспектами, которые сделали Фетуллаха «авторитетом» в религиозном смысле, стала вера его последователей в то, что он получил «божественное знание» через вдохновение и сны. Его последователи верили, что деятельность Ф. Гюлена действительно поддерживается Аллахом. В исламской суфийской традиции считается, что оба эти качества присущи таким известным людям, как Кутб, Махди, Имам, Шейх, Вели, Автад. Учение Ф. Гюлена представляло собой синтез современных научных мировоззренческих концепций и исламского учения, которые смогли адаптироваться к современным социально-политическим реалиями Турции. Движение занималось проповеднической, образовательной, гуманитарной деятельностью, осознанно дистанцировалось от политики. Оно основывалось на принципах духовного плюрализма; срединного пути ислама — совмещения рационализма и мистики, мирского и аскетического; любви и милосердия; отказа от понятия «дар аль-харб» (территория войны) (http://www.hizmet.today/wp-content/uploads/2015/12/Hizmet_extremism.pdf).

В числе характерных черт движения Хизмет следует отметить отсутствие оппозиционного дискурса, толерантность, ориентированность на демократию, подготовку кадров для работы в государственных органах; формирование новой политической элиты, которая, по мнению Ф. Гюлена, должна занять центральное место в системе государственного управления (https://www.researchgate.net/publication/281219097_Le_mouvement_Fethullahci_en_Turquie_une_societe_civile_musulmane). Упор делался на формирование западной модели образования. Движение открыло собственные школы и университеты. Учебная школьная программа преподавалась на английском языке,

включала в себя математику, естественные науки, английскую литературу. Целью движения было построение нового общества на принципе демократического «образовательного ислама». Движение имело собственную телевизионную компанию Samanyolu, более 10 каналов вещало на турецком и английском языках; издавались газеты на турецком, английском и арабском языках (https://www.researchgate.net/publication/281219097_Le_mouvement_Fethullahci_en_Turquie_une_societe_civile_musulmane). Важным является тот факт, что Ф. Гюлен тесно сотрудничал с последователями Н. Эрбакана, пользовался поддержкой президента.

Движение Хизмет оказало влияние на формирование взглядов политических лидеров Партии справедливости и развития [Надеин-Раевский, 2016: 26].

Коррупционный скандал, в котором была замешана семья Р. Эрдогана, привел к разногласиям между президентом Турции и Ф. Гюленом. Р. Эрдоган назвал движение Хизмет террористической организацией, обвинил в попытке государственного переворота 15 июля 2016 г. В тюрьму были брошены тысячи последователей Ф. Гюлена, в том числе более 130 тысяч государственных служащих, более 4 тысяч судей и прокуроров; 29 444 военнослужащих были уволены со своих должностей за предполагаемое членство в «террористических организациях» или связи с ними [Емельянова, 2017: 45].

В числе основных причин конфликта между президентом и движением Гюлена выделяют политическую и коррупционную составляющие. Что же касается теологических разногласий между Р. Эрдоганом и Ф. Гюленом, то они представляют собой конфликт между двумя разновидностями суфийского ислама. Религиозные взгляды Р. Эрдогана были основаны на идеях традиционного тариката Накшибенди, который подчеркивал суннитскую ортодоксальность ислама и препятствовал деятельности неортодоксальных групп. Что же касается Ф. Гюлена, то он возглавлял джамаат, который представлял собой более поздний феномен, возникший в XIX в. Так, например, адепты джамаатов не уделяют внимание церемониям, которые являются обязательными в тарикатах. Также они не предполагают отношений, существующих между шейхом и его учениками, которые рассматриваются как основополагающие для тарикатов.

Заключение

Исторически суфизм представляет собой мистическое учение, которое предполагает святость его адептов. Значимым является тот факт, что длительное время суфии имели духовную власть над светскими правителями. Вместе с тем, суфизм можно рассматривать как составную часть политического ислама, пространство политической мобилизации его адептов для политической борьбы. В целом, тарикаты ставили своей целью защиту религиозных ценностей в светской Турции. Декларируемые ими взгляды были восприняты как большинством сельских жителей, так и частью политической элиты страны. В современной Турции существует тесная связь суфизма с идеями демократии, системой ценностей либерализма. Институциональными акторами современного политического процесса в Турции были тарикаты, движения С. Нурси, Ф. Гюлена, позднее к ним присоединились политические партии, основу которых составляла религиозная идеология. Политическая деятельность партий была обусловлена рас-

пространением ценностей демократизации, участием религиозной элиты в политической борьбе, отстаиванием теократических ценностей, их доминированием в социально-политической системе общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аверьянов Ю. А. Взаимодействие в области культуры между Сефевидским Ираном и Османской Турцией в XVI в. // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4. С. 136–148.

Вебер М. Социология религии. (Типы религиозных обществ) // Избранное: образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 704.

Вертяев К. В. Политический ислам в контексте формирования системной оппозиции в современной Турции // Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература, 2011. С. 212–221.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М. : Юрист, 1995. С. 736.

Емельянова Н. М. Эрдоган и Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2. С. 39–50.

Зиганшина Г. М. Роль религиозных орденов Турции в исламистском движении 80–90-х гг. XX в. // Современная Турция: проблемы и решения. 2006. С. 108–110.

Келеш О., Сезгин И. Подход движения «Хизмет» к искоренению насильственно-экстремизма. URL: http://www.hizmet.today/wp-content/uploads/2015/12/Hizmet_extremism.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

Надеин-Раевский В. А. Идеинная борьба и «Новая Турция» // Вестник МГИМО — Университета. 2016. № 2 (47). С. 22–31.

Рэдклифф-Браун Р. А. Структура и функции в примитивном обществе: очерки и лекции. М. : Восточная литература, 2001. С. 304.

Glasse C. “Qadirriyah,” in *The New Encyclopedia of Islam*. New York: Altamira Press, 2001. P. 367 (in English).

Masters B. «Naqshbandiyya Order,” in *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. New York: Facts on File Inc. 2009. P. 410–419 (in English).

Olson R. *The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925*. 1989. University of Texas Press. P. 107 (in English).

Qadiriyya Order. URL: <http://slife.org/qadiriyya-order/> (date of access: 05.05.2022) (in English).

Word Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-majority-countries> (date of access: 05.05.2022) (in English).

Bozzo A. Le mouvement Fethullahçı en Turquie: une “société civile” musulmane? // *Les sociétés civiles dans le monde musulman*. URL: https://www.researchgate.net/publication/281219097_Le_mouvement_Fethullahci_en_Turquie_une_societe_civile_musulmane (date of access: 05.05.2022) (in French).

Cakir R. *Ne Şariat Ne Demokrasi* Metis Yayınları. 1994. P. 244 (in Turkish).

REFERENCES

Aver'ianov Iu. A. Vzaimodeistvie v oblasti kul'tury mezhdu Sefevidskim Iranom i Osmanskoi Turtsiei v XVI v. [Interaction in the field of culture between Safavid Iran and Ottoman Turkey in the 16th century]. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN [Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS]*. 2020. no 4. S. 136–148 (in Russian).

Diurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaia sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life. Totem system in Australia]. M.: Iurist, 1995. S. 736 (in Russian).

Emel'ianova N. M. Erdogan i Giulen: noveishie tendentsii v politicheskom razvitii Turtsii [Erdogan and Gulen: the latest trends in the political development of Turkey]. *Vestnik RGGU. Seriiia "Politologiiia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia" [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. Story. International relationships"]*. 2017. no 2. S. 39–50 (in Russian).

Kelesh O., Sezgin I. *Podkhod dvizheniia "Khizmet" k iskoreneniiu nasil'stvennogo ekstremizma [Hizmet Approach to Ending Violent Extremism]*. URL: http://www.hizmet.today/wp-content/uploads/2015/12/Hizmet_extremism.pdf (accessed: 05.02.2022) (in Russian).

Nadein-Raevskii V. A. Ideinaia bor'ba i "Novaia Turtsiia" [Ideological struggle and "New Turkey"]. *Vestnik MGIMO — Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]*. 2016. no 2 (47). S. 22–31 (in Russian).

Redklyff-Braun R. A. *Struktura i funktsii v primitivnom obshchestve: ocherki i leksii [Structure and Function in Primitive Society: Essays and Lectures]*. M.: Vostochnaia literature, 2001. S. 304 (in Russian).

Veber M. Sotsiologiiia religii. (Tipy religioznykh obshchestv) [Sociology of religion. (Types of religious societies)]. *Izbrannoe: obraz obshchestva [Favorites: the image of society]*. M.: Iurist, 1994. S. 704 (in Russian).

Vertiaev K. V. Politicheskii islam v kontekste formirovaniia sistemnoi oppozitsii v sovremennoi Turtsii [Political Islam in the context of the formation of a systemic opposition in modern Turkey]. *Islamskii faktor v istorii i sovremennosti [Islamic factor in history and modernity]*. M.: Vostochnaia literature, 2011. S. 212–221 (in Russian).

Ziganshina G. M. Rol' religioznykh ordenov Turtsii v islamistskom dvizhenii 80–90-kh gg. XX v. [The Role of Turkish Religious Orders in the Islamist Movement of the 1980s–1990s 20th century]. *Sovremennaia Turtsiia: problemy i resheniia [Modern Turkey: Problems and Solutions]*. 2006. S. 108–110 (in Russian).

Glasse C. "Qadiriyyah," in *The New Encyclopedia of Islam*. New York: Altamira Press, 2001. P. 367 (in English).

Masters B, "Naqshbandiyya Order," in *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. New York: Facts on File Inc. 2009. P. 410–419 (in English).

Olson R. *The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925*. 1989. University of Texas Press. P. 107 (in English).

Qadiriyya Order. URL: <http://slife.org/qadiriyya-order/> (accessed August 1, 2022) (date of access: 05.05.2022) (in English).

Word Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-majority-countries> (date of access: 05.05.2022) (in English).

Bozzo A. Le mouvement Fethullahçı en Turquie: une “société civile» musulmane? *Les sociétés civiles dans le monde musulman [Civil societies in the Muslim world]*. URL: https://www.researchgate.net/publication/281219097_Le_mouvement_Fethullahci_en_Turquie_une_societe_civile_musulmane (date of access: 05.05.2022) (in French).

Cakir R. *Ne Şeriat Ne Demokrasi Metis Yayınları [Neither Sharia nor Democracy Metis Publications]*, 1994. S. 244 (in Turkish).

Статья поступила в редакцию: 09.06.2022.

Принята к публикации 11.09.2022.

Дата публикации 26.12.2022

УДК 232.13

DOI: 10.14258/nreur(2022)4–10

А. А. Насонов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);
Филиал Российского государственного института сценических искусств
в Кемерово — Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства,
Кемерово (Россия)

МИЛЛЕНАРИСТСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА АЛТАЕ (РУБЕЖ XIX–XX ВВ.): ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье рассматриваются специфика распространения милленаристских воззрений в контексте изменений государственно-конфессиональных отношений. Автором закрывается предметное поле исследования через анализ теоретических аспектов и истории изучения проблемы. Акцентируется внимание на особенностях использования милленаристских идей в проповеднических тактиках адептов направлений христианского вероучения и интерпретации данных взглядов у коренного населения Алтая на рубеже XIX–XX вв. На основе архивных источников выявлено, что активизация милленаристских воззрений происходила в периоды войн (Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг.) и революционных событий 1905–1907 и 1917 гг. Действия представителей государственной власти на локальном уровне были нацелены на сохранение стабильной ситуации и предотвращение волнений, а также на блюдался отказ от применения крайних мер. Религиозная ситуация резко изменилась в условиях оформления бурханистского движения в 1904 г. Первоначальная жесткая реакция в виде разгона коллективного моления и судебного процесса над предводителями сменилась фактическим признанием нового вероучения.

Ключевые слова: милленаризм, мессианизм, эсхатология, буддизм, православие, бурханизм, межконфессиональное взаимодействие, религиозный синкретизм, аккультурация, Алтай.

Цитирование статьи:

Насонов А. А. Милленаристские воззрения и государственно-конфессиональные отношения на Алтае (рубеж XIX–XX вв.): преемственность и противоречия // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 165–175. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–10.

A. A. Nasonov

---

*Altai State University, Barnaul (Russia)**Branch of Russian State Institute of Performing Arts in Kemerovo — Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, Kemerovo (Russia)*

MILLENARIAN BELIEFS AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN ALTAI (TURN OF THE XIX–XX CENTURIES): CONTINUITY AND CONTRADICTIONS

The article discusses the specifics of the spread of millenarian views in the context of changes in state-confessional relations. The author closes the subject field of research through the analysis of theoretical aspects and the history of the study of the problem. Attention is focused on the peculiarities of the use of millenarian ideas in the preaching tactics of adherents of the directions of Christian doctrine and the interpretation of these views among the indigenous population of Altai at the turn of the 19th–20th centuries. Based on archival sources, it was revealed that the activation of millenarian views occurred during the periods of wars (the Russo-Japanese War of 1904–1905, the First World War of 1914–1918) and the revolutionary events of 1905–1907 and 1917. The actions of state authorities at the local level were aimed at maintaining a stable situation and preventing unrest, and there was also a refusal to use extreme measures. The religious situation changed dramatically in the conditions of the formation of the Burkhanism movement in 1904. The initial harsh reaction in the form of dispersal of collective prayers and the trial of the leaders was replaced by the actual recognition of the new dogma.

Keywords: millenarianism; messianism; eschatology; Buddhism; Orthodox; Burkhanism; interfaith interaction; religious syncretism; acculturation; Altai.

For citation:

Nasonov A. A. Millenarian beliefs and state-confessional relations in Altai (turn of the XIX–XX centuries): continuity and contradictions. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 4. P. 165–175. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–10.

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); заместитель директора по учебной, научной и воспитательной работе филиала Российского государственного института сценических искусств в Кемерово — Сибирской Высшей школы музыкального и театрального искусства, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** nasonov@rgisi42. ru.

Nasonov Alexander Alexandrovich, candidate of historical sciences, docent, senior researcher of research and development support department, Altai State University, Barnaul (Russia); deputy director for educational and scientific work of the Branch of Russian State

---

Institute of Performing Arts in Kemerovo — Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, Kemerovo (Russia). **Contact address:** nasonov@rgisi42.ru.

Введение

Изучение специфики религиозной динамики на сегодняшний день является одним из направлений развития исторической науки. Особый интерес представляет анализ конфессиональных процессов в традиционных обществах, происходивших в ходе трансформации их существования в меняющихся социально-политических и хозяйственных условиях. В этом случае рассмотрение религиозной динамики как явления многофакторного предполагает не столько фиксацию изменений ранее относительно статичной духовной системы под воздействием извне, сколько выявление специфики развития религиозной ситуации в сочетании с остальными характерными для данного периода процессами.

Сегодня одной из актуальных проблем истории религии выступает изучение мобилизующих и консолидирующих компонентов механизма распространения религий, в том числе продвижение милленаристских и близких по содержанию к ним идей при конкуренции между распространяющимися вероисповеданиями. Динамика этих явлений интересна в ракурсе реакции традиционного религиозного сознания на существенные изменения государственно-конфессионального курса.

Теоретические аспекты проблемы

В социально-гуманитарных науках, изучающих религиозные явления, понятие «милленаризм» используется как обобщающее для комплекса различных духовных воззрений, связанных с представлениями о кардинальных изменениях в мироустройстве и в основополагающих обстоятельствах существования социальных общностей, а также о смене исторических эпох, глобальных циклов. Многообразие милленаристских идей в первую очередь включает мессианские и эсхатологические мотивы и сюжеты, взаимоувязывая их и формируя важнейшие компоненты мировоззрения верующих. Понятие «мессия», имеющее древнееврейское происхождение, означает спасителя человеческого рода. В христианской религиозной традиции ему соответствует греческое понятие «Христос», русское — «помазанник» [Мовлева, 2005: 259]. Производной от указанного понятия является категория «мессианизм», характеризующая религиозные ожидания пришествия божественного посланника в разных обликах и сопутствующие этому событию явления. Это понятие, первоначально применимое к группе авраамических религий, постепенно стало использоваться в качестве термина, обозначающего схожие персонифицированные ожидания вне зависимости от конфессиональной принадлежности. С рассматриваемой дефиницией тесную взаимосвязь имеет категория «эсхатология», являющаяся собирательным понятием для разнообразных представлений о конце света, завершении одной глобальной эпохи и переход к другой.

Использование этих концепций применительно к восточному религиозному мировоззрению в целом и буддийскому учению в частности условно. Сравнивая концептуальное осмысление милленаристских идей в христианском, исламском и буддийском

учениях и их направлениях, можно говорить скорее о типологическом сходстве. Поскольку эти идеи имеют временное измерение, следует учитывать их принципиальное различие. Так, христианское и исламское восприятие базируется на линейной трактовке времени, где происходят глобальные события, в частности конец света. В свою очередь буддизм в различных интерпретациях сохранил циклическое мироощущение.

Вместе с тем в контексте мессианизма воспринимаются религиозные представления о легендарно-исторических личностях, которые широко распространены в верованиях народов Центральной Азии и инкорпорировались буддизмом в процессе его внедрения в местную этнокультурную среду.

Особенности изучения проблемы

Милленаристские воззрения во взаимодействии традиционных верований юга Западной Сибири и постулатов направлений мировых религий получили детальное освещение в филологических исследованиях. В них авторы сосредоточились на изучении отражения в фольклорных сюжетах и их интерпретациях центральноазиатских и южносибирских этнополитических процессов, осмысления реальных исторических событий в мифологическом сознании коренного населения [Ойроткина, 2017; Лиморенко, 2017; Доронин, 2018]. С точки зрения Д. Ю. Доронина, эсхатологическое повествование в фольклоре алтайцев имело дохристианские истоки и распространилось в результате буддийского влияния с территории Центральной Азии. Об этом, по мнению исследователя, свидетельствуют схожие представления о кальпах в буддизме и о айгулах в алтайских верованиях как о глобальных временных периодах, регулярно сменяющих друг друга в результате конца света [Доронин, 2018: 285–288]. Вместе с тем специфика этой предметной области определила интерес к изучению вариантов укоренения рассматриваемых идей в языковой культуре (обозначение и развитие различных сюжетных компонентов). Однако зачастую стремление к описанию общей картины на основе анализа фольклорных мотивов не способствовало четкой дифференциации временных пластов и отделению более ранних от последующих заимствований.

В исторических исследованиях при изучении комплекса милленаристских воззрений и производных от них явлений делался акцент на разных аспектах: мессианские и эсхатологические идеи рассматривались как способ объединения для ведения национально-освободительной борьбы [Данилин, 1936: 36–44], как средство борьбы за влияние на «трудящиеся массы» со стороны различных групп «эксплуататоров», находящихся как внутри государства, так и за его пределами [Мамет, 1929: 211–232; Потапов, 1948: 412–424]. Позже милленаристские воззрения характеризовались с целью выявления реально происходивших событий, получивших легендарное осмысление и развитие, оценивались в контексте обоснования традиционным религиозным сознанием права общероссийской государственной власти на управления национальной окраиной [Златкин, 1958: 289–313; Jacquemoud, 2014; Шерстова, 2016: 14–22; Знаменский, 2020: 123–151], трактовались с точки зрения их роли в этнической консолидации [Шерстова, 2014: 14–22]. Вместе с тем соотношение динамики распространения и трансформации милленаристских воззрений и изменений в государственно-конфессиональной политике было исследовано фрагментарно.

Милленаристские идеи в проповеднических тактиках адептов христианского вероучения

Милленаристские идеи традиционно являлись частью проповедей адептов различных вероучений на Алтае. Обладая особой экспрессивностью, привлекая внимание, они становились основной из тем бесед, увещеваний. Эти сюжеты занимали центральные позиции в проповеднической деятельности, имея яркое риторическое выражение. Зачастую в связи с их концептуальной сложностью они искаженно воспринимались последователями. Так, мессианские сюжеты активно использовались в работе служителей Алтайской духовной миссии. Основное их назначение состояло в усилении восприятия концепции монотеизма среди потенциальных последователей и неопитов. Суть тактики миссионеров заключалась в том, что Бог не только существует как единая сущность, но и может воздействовать непосредственно на мир через пришествие посланника — собственной ипостаси. Сложность догматики и необходимость вытеснение традиционных верований требовали достижения высокого уровня миссионерского мастерства, ускоренной адаптации к конкретным социальным и географическим проповедническим условиям, совершенствования набора аналогий и метафор для установления контакта с потенциальным последователем. Как отмечает Н. Р. Ойноткинова, идеи христианского Священного Писания внедрялись в ходе миссионерской работы в чужие культуры через проведение аналогий, сравнений с образами и мифологемами, существовавшими в их языковой культуре [Ойноткинова, 2017: 102]. Например, в алтайской традиции с антихристом отождествлялось божество подземного мира — Эрлик [Ойноткинова, 2017: 106].

Однако этот основной прием распространения главных догматов христианского вероучения содержал в себе трудность понимания и усвоения, проявившуюся в последующих событиях. На сегодняшний день, когда основные этапы процесса распространения православия в XIX — начале XX в. можно проследить и детально оценить его итоги, очевидно, что специфика догмата о триединстве бога в христианстве зачастую неверно интерпретировалась традиционным созданием коренного населения, а использование мессианских идей в проповедях православных миссионеров в качестве побочного результата способствовала формированию синкретических религиозных воззрений.

Однако в рассматриваемом регионе на территории, ставшей объектом миссионерства и последующего духовного окормления официального православия, присутствовали общины старообрядцев. Часть из них были потомками переселенцев предыдущего столетия и относились к старожилам, остальные являлись новопоселенцами [Покровский, Зольникова, 2011: 175–181]. Образование общин староверов предшествовало институциональному оформлению миссионерства в регионе — созданию Алтайской духовной миссии (далее — АДМ). К. Ю. Иванов на основе анализа миссионерских отчетов указал, что к 1915 г. на Алтае территориальное присутствие старообрядцев увеличилось по сравнению с предыдущим временным периодом в связи с новым притоком переселенцев [Иванов, 1998: 233]. Последователи староверия составляли конкуренцию деятельности Алтайской духовной миссии как в отношении привлечения в христианскую веру инородцев, так и с точки зрения вероисповедного контроля над славянским населением. «Уход в раскол» преимущественно имел социальные причины,

поэтому руководство миссии следило за моральным обликом служителей и стремились разобраться в конфликтных ситуациях, учитывая мнения паствы [ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 55. Л. 2–3 об.].

Специфика распространения старообрядческого варианта мессианских и эсхатологических идей не предполагала активного привлечения неопитов через миссионерскую деятельность, а скорее была направлена на сохранение собственной конфессиональной общности. Несмотря на известную замкнутость старообрядческих сообществ, они регулярно взаимодействовали с представителями других вероисповеданий и этнических групп. Как заметила И. В. Куприянова, контакты с коренными жителями в основном носили хозяйственный характер, но в отдельных случаях наблюдалось заключение межэтнических браков с переходом в староверие. Такие контакты были возможны, по мнению исследователя, из-за отсутствия угрозы религиозно-культурного растворения ввиду взаимодействия двух принципиально различающихся культур [Куприянова, 2013: 192–193].

Вместе с тем милленаристские воззрения староверов принимали более гипертрофированные формы по сравнению с официальным православием. Эти идеи в старообрядческой среде традиционно связывались с серьезными изменениями в обществе социально-политического и экономического характера, через их призму преломлялись опасения перед нововведениями [Григоренко, 2014: 93]. Этнополитическая ситуация на юге Западной Сибири в конце XIX и особенно XX в. подготавливала почву для активизации рассматриваемых представлений, способствовала их нарастанию.

Интерпретации милленаристских идей коренного населения Алтая и государственно-конфессиональные отношения

Мессианские идеи различных направлений мировых религий вступали в тесное взаимодействие с представлениями коренного населения, которые имели давнее происхождение и периодически актуализировались социально-политическими событиями. В 1905 г. в представлении товарища прокурора Бийского участка Томского окружного суда подробно излагались обстоятельства распространения мессианских слухов. По результатам посещения стойбищ коренного населения и опроса членов родового управления и старожилов было установлено, что ожидания пришествия Ойрота активизировались в период военных действий (в 1854 и 1877 гг.), а также под влиянием проповедей монгольских лам (1895 г.) [ГАТО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 2. Л. 40–41].

Центральной исторической фигурой в мессианских воззрениях коренного населения юга Западной Сибири выступал Амурсана (Амырсана, Амур-сана). Он являлся реальным военно-политическим деятелем и принимал активное участие в междоусобной борьбе в Джунгарском ханстве в середине XVIII в., предшествующей разгрому ойратов маньчжурскими войсками и переходу в российское подданство алтайских зайсанов. После поражения Амурсана бежал с монгольских территорий в Сибирь и скончался в Тобольске в 1757 г. [Златкин, 1958: 291–300, 310–312].

По мнению Д. Ю. Доронина, бурханистское учение в большей мере включало легендарную историю и квазиисторические мотивы алтайцев, именно для него наряду с кольцевым было характерно линейное восприятие времени [Доронин, 2018: 283–284].

Имеющиеся в структуре традиционных верований центральноазиатские мотивы были актуализированы в рамках новой волны распространения северного буддизма на территории Алтая. Эсхатологические и мессианские элементы усилили их восприятие и способствовали внедрению постулатов, обрядовой атрибутики данной мировой религии.

Активизация распространения милленаристских идей вызывала обеспокоенность со стороны государственной власти и соизмеримые действия. Особое внимание было сосредоточено на настроениях представителей коренного населения в условиях сложной внешнеполитической обстановки: Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг. Сообщения о наиболее важных аспектах этих событий в виде кратких донесений направлялись царю через ведомство департамента полиции [Первая записка..., 2004: 27–28]. В условиях революционных потрясений 1917 г. и дезорганизации административного контроля милленаристские ожидания получили большее распространение [Протокол допроса..., 2004: 362].

Сами по себе милленаристские взгляды не воспринимались как опасное явление, однако они становились с точки зрения государственных лиц благоприятной почвой для манипуляции коренным населением. В этой связи велась работа в отношении нейтрализации проповедников с монгольских территорий, входивших в состав Цинской империи. В источниках сообщалось о нескольких таких попытках, которые пресекались служителями АДМ и полицейскими чинами [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 295об. 296; ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 100. Л. 6об.].

Вместе с тем должностные лица, аккумулируя разнообразные свидетельства, были склонны к взвешенной оценке ситуации и избегали крайних мер, которые могли спровоцировать этнорелигиозную напряженность. Так, уездный исправник А. Л. Тукмачев в рапорте томскому губернатору подробно излагал ведение миссионером Стефаном Борисовым распространения милленаристских слухов, фиксируя безапелляционность и тенденциозность в трактовке бурханистских мессианских чаяний как результата политической агитации, а также отражая предложение служителя Алтайской духовной миссии провести торжественное собрание с показательной демонстрацией признания царской власти. Идея миссионера не получила поддержки, ему было рекомендовано ограничиться в своей работе «приличествующими поучениями» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 15–16]. Таким образом, можно констатировать умеренность и достаточность в применении публичных и принудительных мер.

В условиях Первой мировой войны служители АДМ фиксировали рост интереса у представителей коренного населения Алтая к проповедям о страшном суде. Миссионеры отмечали, что актуальность эсхатологических сюжетов была продиктована ожиданием предания о том, что «кончина мира будет, если инородцев будут брать в солдаты» [ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 3].

Заключение

В целом, традиционная реакция представителей государственной власти на попытки представителей вероучений культивировать милленаристские воззрения и использовать их в своих целях имели преемственность. Наиболее активных адептов, распро-

страняющих мессианские и эсхатологические слухи, стремились изолировать и высы- лать. Вместе с тем усилия православных миссионеров, нацеленные на упрочнение их по- зиций за счет административного подавления конкурентов, также находили поддерж- ки. Фактически наблюдалась ситуация сохранения баланса.

Противоречия в государственно-конфессиональных мерах на локальном уровне на- чали проявляться с 1904 г., с публичного проявления бурханистского движения. На ко- роткий промежуток времени, опасаясь кардинальной смены религиозной ситуации под воздействием бурного роста популярности милленаристских идей, официальные лица поддержали крайние меры, инициированные служителями Алтайской духовной миссии в виде разгона коллективного моления бурханистов. Однако судебный процесс, направленный на определение роли предводителей бурханистов, состава преступле- ния не выявил. Законодательство, порожденное революционными событиями 1905 г., привело к формированию новой религиозной ситуации — фактически легальной кон- куренции православия и бурханизма.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Фонда Президента РФ для под- держки ведущих научных школ по теме «Религиозные процессы в Сибирских окраинах России: от имперской политики аккультурации к современной модели государственно- конфессиональных отношений» (НШ-63.2022.2).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Государственный архив Алтайского края. Ф. 11. Оп. 4. Д. 2.
Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 55.
Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 100.
Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157.
Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
Григоренко А. Ю. Эсхатология старообрядцев: социальный дискурс // Религия. Цер- ковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2014. № 3. С. 83–96.
Данилин А. Г. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 году // Борьба классов. 1936. № 9. С. 36–44.
Доронин Д. Ю. Огонь, потоп и война с Востока: культурный трансфер в современ- ных эсхатологических представлениях на Алтае // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 3. С. 278–303.
Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М. : Изд-во восточной литературы, 1958. С. 289–313.
Знаменский А. А. «Белая вера» в Горном Алтае: тибетский буддизм, Монголия и ойротское пророчество (1880-е — 1920-е гг.) // Государство, религия, церковь в Рос- сии и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 123–151.
Иванов К. Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы (по миссио- нерским отчетам) // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч- но-практической конференции. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998. С. 233–234.

Куприянова И. В. Старообрядцы Алтая в системе этнокультурных связей // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 191–196.

Лиморенко Ю. В. Фольклорный сюжет и его исторические основы: сохранение представлений об исторической личности в народной памяти // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 67–74.

Мамет Л. П. К вопросу о сущности бурханизма // Революционный Восток. 1929. № 7. С. 211–232.

Мовлева Н. С. Малый православный толковый словарь. М. : Рус. яз. Медиа, 2005. 527 с.

Ойноткинова Н. Р. Эсхатологические повествования в фольклоре алтайцев // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 101–110.

Первая записка департамента полиции царю от 19 июня 1904 г. // Бурханизм — Ак Жанг: документы и материалы. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер — Белуха, 2004. С. 27–28.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Освоение Сибири и старообрядчество // ЭКО. 2011. № 2 (440). С. 168–184.

Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев. Новосибирск : ОГИЗ, 1948. 506 с.

Протокол допроса свидетеля Д. Н. Бидиекова о распространении писем о пришествии Царя-Амыр-Сана от 4 июня 1917 г. // В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. XIX — начало XX в. Горно-Алтайск, 2004. С. 362.

Шерстова Л. И. Вхождение Горного Алтая в состав России: событие, отраженное в легендах // Развитие территорий. 2016. № 1 (4). С. 14–22.

Шерстова Л. И. Эсхатология раннего бурханизма: из опыта реконструкции традиционного этнического самосознания // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 181–185.

Jacquemoud C. Altaj-Buucaj, heros epique de l'entre-deux siecles // Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines. 2014. Vol. 45. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/2292> (дата обращения: 20.08.2022).

REFERENCES

Gosudarstvennyi arhiv Altaiskogo kraya [State Archive of the Altai region]. Fund. 11. Inventory. 4. File. 2 (in Russian).

Gosudarstvennyi arhiv Altaiskogo kraya [State Archive of the Altai region]. Fund. 164. Inventory. 1. File. 55 (in Russian).

Gosudarstvennyi arhiv Altaiskogo kraya [State Archive of the Altai region]. Fund. 164. Inventory. 1. File. 100 (in Russian).

Gosudarstvennyi arhiv Altaiskogo kraya [State Archive of the Altai region]. Fund. 164. Inventory. 1. File. 157 (in Russian).

Gosudarstvennyi arhiv Tomskoi oblasti [State Archive of the Tomsk region]. Fund. 3. Inventory. 12. File. 688 (in Russian).

Grigorenko A. Yu. Eschatologiya staroobryadtsev: sotsial'nyi diskurs [Eschatology of the Old Believers: Social Discourse]. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* [Religion. Church. Society]. 2014, no. 3. S. 83–96 (in Russian).

Danilin A. G. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya na Altae v 1916 godu [From the history of the national liberation movement in Altai in 1916]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle]. 1936, no. 9. S. 36–44 (in Russian).

Doronin D. Yu. Ogon', potop i voina s Vostoka: kul'turnyi transfer v sovremennykh eskhatologicheskikh predstavleniyakh na Altae [Fire, Flood and War From the East: Cultural Transfer in Modern Eschatological Concepts in Altai]. *Studia Litterarum*. 2018, Vol. 3. no. 3. S. 278–303 (in Russian).

Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2020, no. 1 (38). S. 123–151 (in Russian).

Ivanov K. Yu. Altaiskaya dukhovnaya missiya: staroobriadtsy i inorodtsy (po missionerskim otchetam) [Altai Spiritual Mission: Old Believers and Foreigners (According to Missionary Reports)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Barnaul: BGPU Publ., 1998. S. 233–234 (in Russian).

Kupriyanova I. V. Staroobriadtsy Altaia v sisteme etnokul'turnykh svyazei [Old Believers of Altai in the system of ethnocultural ties]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of science, culture and education]. 2013, no. 2 (39). S. 191–196 (in Russian).

Limorenko Yu. V. Fol'klornyi suzhet i ego istoricheskie osnovy: sokhranenie predstavlenii ob istoricheskoi lichnosti v narodnoi pamiati [Folklore Plot and Its Historical Foundations: Preservation of Ideas About a Historical Person in People's Memory]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2017, no. 1 (32). S. 67–74 (in Russian).

Mamet L. P. K voprosu o sushchnosti burkhanizma [On the question of the essence of Burkhanism]. *Revolutsionnyi Vostok* [Revolutionary East]. 1929. no. 7. S. 211–232 (in Russian).

Movleva N. S. Malyi pravoslavnyi tolkovyi slovar' [Small Orthodox Explanatory Dictionary]. Moscow: Russii yazyk Publ. Media, 2005. 527 s. (in Russian).

Oinotkinova N. R. Eskhatologicheskie povestvovaniya v fol'klоре altaitsev [Eschatological Narratives in the Folklore of the Altaians]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2017, no. 1 (65). S. 101–110 (in Russian).

Pervaya zapiska departamenta politsii tsariu ot 19 iyunya 1904 g. [The First Note From the Police Department to the Tsar dated June 19, 1904]. *Burkhanizm — Ak Jang: dokumenty i materialy*. Gorno-Altai: Iuch-Siumer — Belukha Publ., 2004. S. 27–28 (in Russian).

Pokrovskii N. N., Zol'nikova N. D. Osvoenie Sibiri i staroobriadchestvo [The Colonization of Siberia and the Old Believers]. *EKO* [ECO Journal]. 2011, no. 2 (440). S. 168–184 (in Russian).

Potapov L. P. Ocherki istorii altaitsev [Essays on the history of the Altaians]. Novosibirsk: OGIZ Publ., 1948. 506 s. (in Russian).

Protokol doprosa svidetelia D. N. Bidiekova o rasprostranении pisem o prishestvii Tsaria-Amyr-Sana ot 4 iyunya 1917 g. [Record of Interrogation of Witness D. N. Bidiekov on the Distribution of Letters About the Coming of the Tsar-Amyr-San dated June 4, 1917]. *V sostave Tomskoi gubernii. Istoriya Respubliki Altai v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoi oblasti. XIX — nachalo XX v.* Gorno-Altai, 2004. S. 362 (in Russian).

Sherstova L. I. Vkhozhdenie Gornogo Altaya v sostav Rossii: sobytie, otrazhennoe v legendakh [The Entry of Gorny Altai into Russia: an Event Reflected in the Legends]. *Razvitiye territorii* [Territory Development]. 2016, no. 1 (4). S. 14–22 (in Russian).

Sherstova L. I. Eskhatologiya rannego burkhanizma: iz opyta rekonstruktsii traditsionnogo etnicheskogo samosoznaniya [Eschatology of Early Burkhanism: From the Experience of Reconstructing Traditional Ethnic Identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2013, no. 3 (23). S. 181–185 (in Russian).

Zlatkin I. Ya. Russkie arkhivnye materialy ob Amursane [Russian archival materials about Amursan]. *Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov. Pamyati akademika B. Ya. Vladimirtsova*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1958. S. 289–313 (in Russian).

Znamenskii A. A. “Belaya vera” v Gornom Altae: tibetskii buddizm, Mongoliya i oirotское prorochestvo (1880-e — 1920-e gg.) [“White Faith” in Gorny Altai: Tibetan Buddhism, Mongolia and Oirot Prophecy (1880s — 1920s)].

Jacquemoud C. Altaj-Buucaj, heros epique de l'entre-deux siecles [Altaj-Bucaj, epic hero of the between two centuries]. *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines* [Mongolian and Siberian, Central Asian and Tibetan studies]. 2014. Vol. 45. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/2292> (accessed August 20, 2022) (in French).

Статья поступила в редакцию: 14.08.2022.

Принята к публикации 24.11.2022.

Дата публикации 26.12.2022

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от одного до пяти блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)
 Индекс DOI (цифровой индикатор объекта) проставляется редколлегией
 Инициалы и фамилия автора на русском языке
 Место работы автора, город и страна
 Название статьи на русском языке
 Аннотация (на русском языке, не менее 1000 знаков без пробелов)
 Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)
 Инициалы и фамилия автора на английском языке
 Место работы автора, город и страна на английском языке
 Название статьи на английском языке
 Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)
 Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)
 Подробные сведения об авторе на русском английском языках (фамилия, имя и отчество, ученая степень, звание, место работы, город и страна)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nneur(2022)1–0

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается

ся на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 000–000. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10

I. I. Ivanov

Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia)

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space

---

---

in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P. 000–000. DOI: 10.14258/nneur(2022)2–10

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i.ivanov@mail.ru. Orcid.org/0000–0002–4933–8809

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям) (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

References

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов,

---

1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения:: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации библиографического списка, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «, ы — y, ь — ‘, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) *Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:* www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022. Том 27, № 4

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 14.12.2022.

Выход в свет 26.12.2022.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 14,5. Тираж 300 экз. Заказ 621.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66